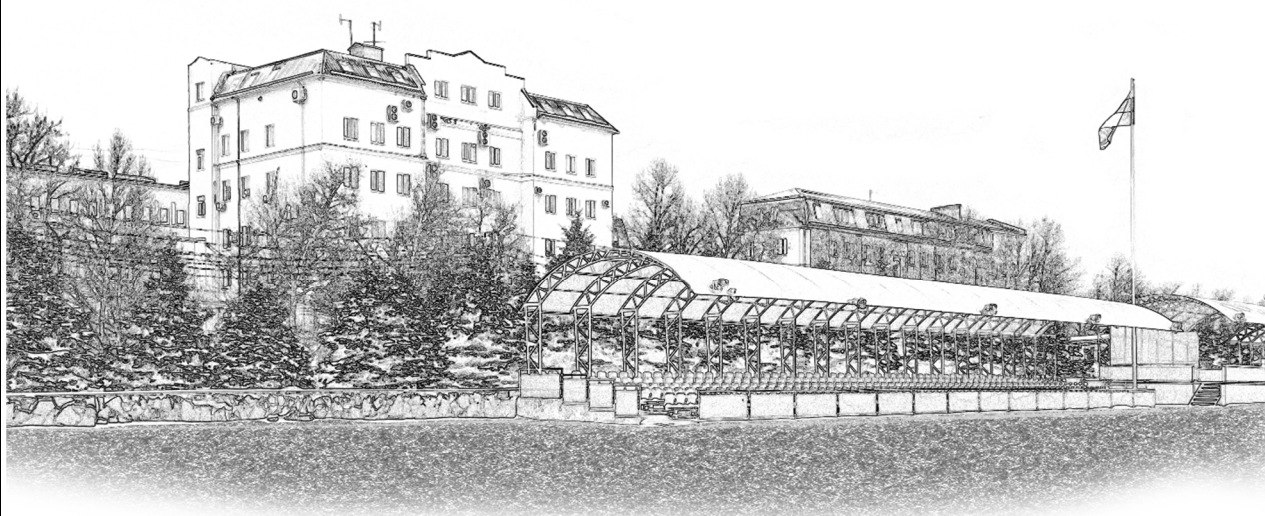

Краснодарский университет МВД России

**А. В. Пилясова
О. В. Лобыкина
А. С. Чекалова**

РИТОРИКА

Краснодар
2025

Краснодарский университет МВД России

А. В. Пилясова
О. В. Лобыкина
А. С. Чекалова

РИТОРИКА

Учебное пособие

Краснодар
2025

УДК 808.5
ББК 80.7
ПЗ24

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

С. А. Колесников, доктор филологических наук, доцент (Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);

Н. Н. Серостанова, кандидат педагогических наук (Воронежский институт МВД России).

Пилясова А. В.

ПЗ24 Риторика : учебное пособие / А. В. Пилясова, О. В. Лобыкина, А. С. Чекалова. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2025. – 186 с.

ISBN 978-5-9266-2176-8

Излагаются теоретические и практические вопросы учебной дисциплины «Риторика». Раскрываются категории и законы риторики, рассматриваются основные этапы риторического канона и риторические аспекты публичного выступления и полемического мастерства. Особое внимание уделяется формированию необходимых ораторских навыков и коммуникативных компетенций сотрудников органов внутренних дел.

Для профессорско-преподавательского состава, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 808.5
ББК 80.7

ISBN 978-5-9266-2176-8

© Краснодарский университет
МВД России, 2025
© Пилясова А. В., Лобыкина О. В.,
Чекалова А. С., 2025

Предисловие

Учебное пособие по изучению учебной дисциплины «Риторика» представлено для курсантов и слушателей вузов юридического профиля по направлению подготовки «Обеспечение законности и правопорядка» и специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности».

Главная цель усвоения данной учебной дисциплины – формирование и развитие коммуникативных навыков у будущих специалистов, способных успешно общаться на русском языке в области права, науки и технологий.

Цель достигается через следующие задачи:

1. Представление об актуальности коммуникаций юриста и о силе слова как эффективном инструменте взаимодействия.
2. Развитие умения выбирать подходящие языковые средства для создания текста в соответствии с коммуникативной ситуацией и целью общения.
3. Освоение норм русского литературного языка.
4. Формирование навыков делового общения.
5. Погружение в основы ораторского мастерства для улучшения устной речи учащихся.

Критерии успешного изучения предмета «Риторика» включают в себя знание:

1. Специфики профессиональной коммуникации юриста.
2. Ключевых аспектов эффективного устного взаимодействия.
3. Разнообразия функциональных стилей современного русского языка.
4. Исторических особенностей российского судебного ораторского искусства.
5. Важности вербальных и невербальных средств общения.
6. Нормативов для качественной устной речи юриста.
7. Разновидностей делового общения, а также методов его структурирования и проведения.
8. Основ полемического мастерства.
9. Техник ораторского мастерства.
10. Различий в построении разных типов текстов (повествование, описание, рассуждение).

Курсанты и слушатели должны приобрести следующие навыки и умения:

– искусно владеть обширным лексическим запасом современного литературного языка;

– мастерски применять разнообразные стилистики и элементы выразительности русского языка как в устной, так и в письменной речи;

– творчески создавать тексты и грамотно готовиться к публичным выступлениям;

– анализировать события и явления в профессиональной сфере с точки зрения этики и морали, руководствуясь нормами поведения в служебных ситуациях, соблюдать правила вежливости и этикета в профессиональной деятельности;

– работать с понятиями, уметь логически строить аргументацию, оценивать логическую структуру вопросов и использовать логические схемы для построения аргументированных ответов в диалоге и дискуссии;

– умело пользоваться справочной литературой для получения информации и углубления знаний по языковым вопросам. Обучение по дисциплине «Риторика» ориентировано на практическое применение знаний, поэтому занятия должны включать активное выполнение разнообразных упражнений для совершенствования языковых навыков и умений, необходимых для успешного освоения будущей профессиональной деятельности в органах внутренних дел.

Дисциплина «Риторика» носит практический характер, поэтому занятия по предмету наряду с разбором теоретического материала должны включать выполнение различного рода упражнений, что позволит совершенствовать знания русского языка, умения правильно использовать его средства в сферах, непосредственно связанных с будущей профессиональной деятельностью сотрудников органов внутренних дел.

Тема 1. Предмет и задачи риторики. Из истории риторики

Вопросы

1. Риторика как наука. Предмет и задачи риторики.
2. Риторика как наука и искусство красноречия.
3. Возникновение риторики. Риторика Древней Греции. Риторика Древнего Рима.
4. Из истории российской риторики.

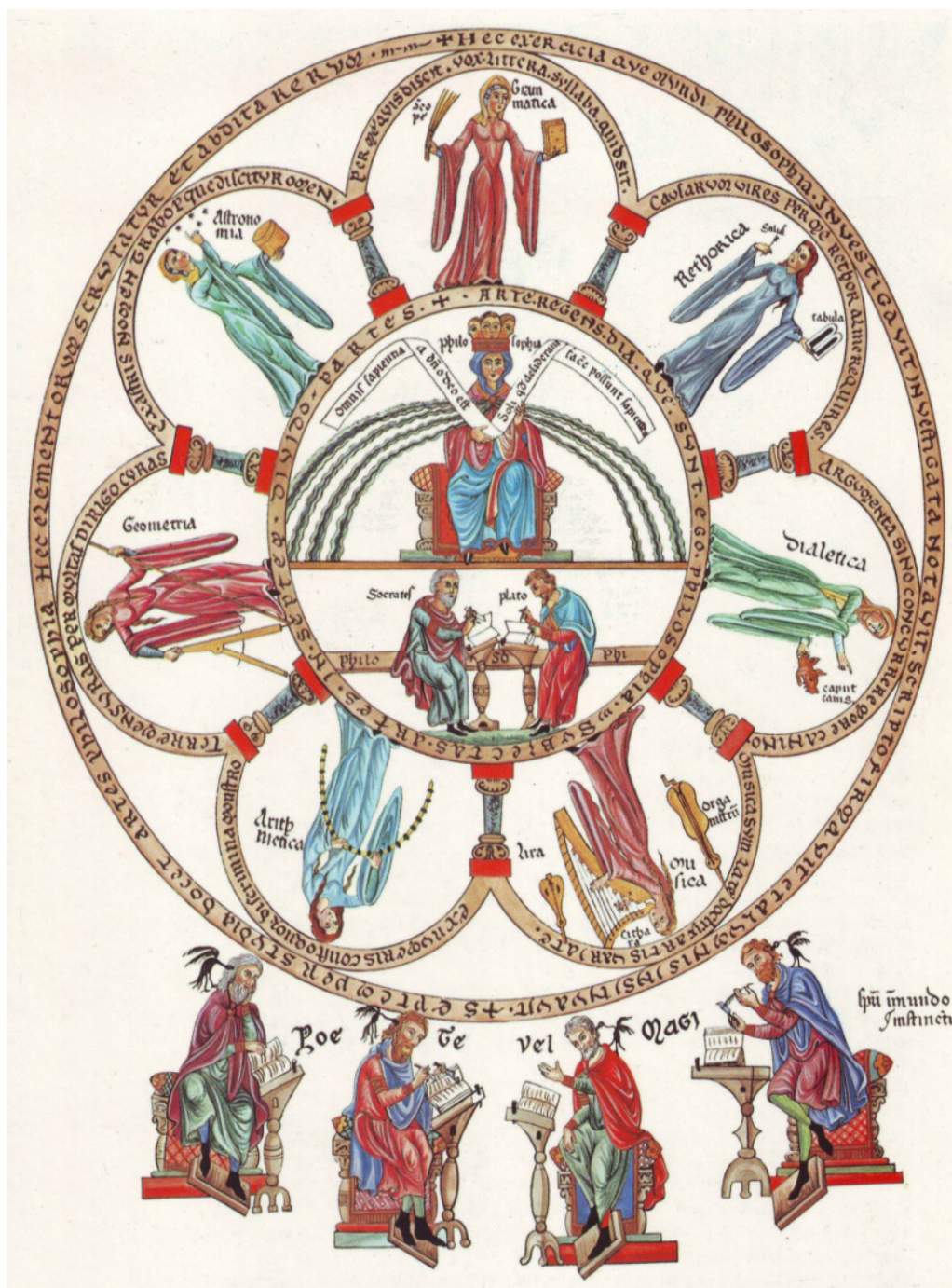
При подготовке к ответу на первый вопрос необходимо знать, что риторика (греч. *ῥητορικὴ*) – одна из древнейших филологических дисциплин, которая изучает отношение мысли к слову, но это не означает, что данная область знания устарела. Важно отметить, что риторика – сфера деятельности, которая всегда была *основана на практике*. Издревле замечено, что владение словом, умение хорошо говорить, ясно и правильно излагать свои мысли – выигрышное качество, особенно если в культуре сильна традиция сутяжничества (то есть участия в разного рода судебных разбирательствах, как это было у древних греков), или если в культуре существуют воинственные стороны дела, когда существует противоборство мнений (политических и внешнеполитических) и т.д.

Поэтому уже в античной системе образования, состоящей из двух циклов, риторика занимала особое место:

- Тривиум: **Lingva** (язык, грамматика) – **Tropus** (риторика) – **Ratio** (логика/философия).
- Квадривиум: **Nomerus** (арифметика) – **Tonus** (музыка) – **Angulus** (геометрия) – **Astra** (астрология).

---

7 Свободных искусств/Septem Artes Liberales → классическое античное (греко-римское) образование

Философия и семь свободных искусств. Реконструкция рукописи XII в. «Сад наслаждений» Геррады Ландсбергской.

Очень важно, что риторика остается *актуальной* и в современном мире, хоть и в несколько измененных формах.

Энциклопедия «Русский язык» раскрывает сущность риторики как *искусства выразительной речи, ораторского мастерства, исследующего*

способы создания эффективного общения в различных областях языкового искусства.

Эта дисциплина тесно связана с поэтикой, стилистикой и культурой речи. Вместе с тем в отличие от большинства филологических дисциплин, посвященных изучению языка, таких как грамматика, лексикология, история языка, теория литературы и др., ограничивающихся анализом уже существующих продуктов речевой деятельности, риторика не просто изучает готовые произведения слова, а использует их как инструмент или средство для создания новых. Риторика интересуется не только художественной литературой, но и более практическими, предметными формами (к которым можно отнести, например, документ).

Таким образом, задача риторики сходна с инженерной задачей – она стремится «построить» *осмысленное, целесообразное и убедительное произведение слова.*

Предметом риторики является не только уже существующая речь, но и та, которую ещё предстоит создать. Следовательно, объект изучения риторики – *особым образом обработанная речь*; эффективное, выразительное и убедительное высказывание.

Общественные задачи риторики:

Формирование личности ратора как достойного гражданина, компетентного в публичной речи

установление норм публичной аргументации, обеспечивающих эффективное обсуждение актуальных для общества проблем

организация речевых отношений, которые составляют фундамент любого социума (управление, образование, хозяйственная деятельность, безопасность, правопорядок)

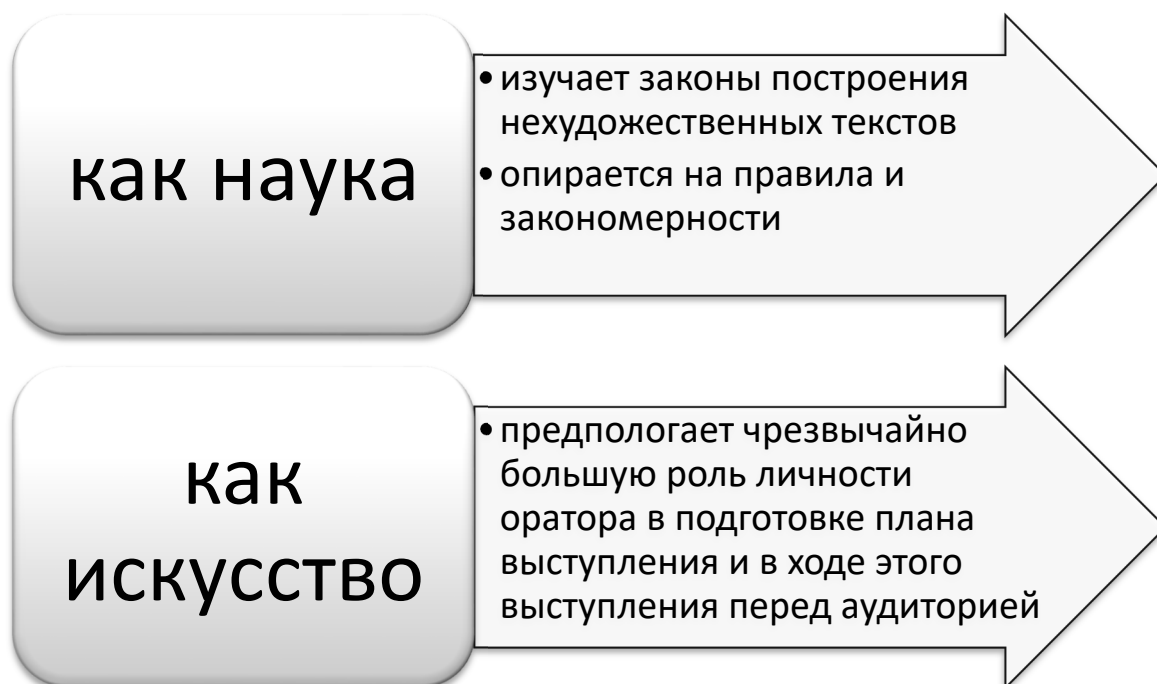
определение критериев оценки публичной деятельности на основе которой производится отбор лиц, способных занимать ответственные должности

Главной *педагогической целью* риторики является развитие речевой компетентности, которая включает в себя развитие индивидуального стиля и умение строить завершённые и убедительные высказывания на разнообразные темы и в различных формах – то есть освоение *искусства целесообразного слова*.

Для того чтобы овладеть мастерством создания убедительной устной и письменной публичной речи, необходимо:

- знать теорию риторики;
- исследовать классические образцы риторической прозы;
- практиковаться в построении устных и письменных высказываний, развивать способности к творческому использованию слова и не бояться выступлений перед публикой.

При подготовке к ответу на второй вопрос нужно учитывать, что риторика объединяет в себе признаки науки и особенности искусства.

Сегодня наряду с собственно риторикой существует *метариторика* – часть филологии, изучающая риторические труды. Новая риторика стремится к расширению дисциплинарных границ и поэтому использует данные нейролингвистики, социолингвистики и др.

При подготовке к ответу на третий вопрос необходимо знать, что в истории ораторского искусства выделяется прежде всего классическая риторика.

Виды классической риторики:

- греческая (понимается как искусство убеждения; имеет логическую, рациональную направленность);
  - латинская (имеет более эмоциональный характер);
  - византийская (так называемая «пышная» риторика).
- } ***античная***
} ***риторика***

Античная риторика возникла в **Древней Греции** в 5-4 вв. до н.э., сложилась в систему в 3-2 вв. до н.э. и распространилась в **Древнем Риме** в 1 веке до н.э.

Специфика греческой культуры на всем протяжении ее истории от глубокой древности до нашего времени заключалась в удивительной склонности к публичному слову и вниманию к стилю. Греческий язык был совершенным инструментом мысли, а умение наиболее полно и точно выразить мысль всегда особенно ценилось и развивалось греками.

В этот период в Греции были распространены города-государства (*полисы*), в которых развивалась *рабовладельческая демократия*. Данная форма правления способствовала публичному выражению мировоззрений, взглядов свободных граждан на то или иное общественно-значимое, политическое событие.

Поговорка: «Заговори, чтобы тебя заметили».

Кроме того, в городе существовало специальное место для подобных мероприятий и встреч – *агора*. Так, например, в древности *афинская агора* (как позднее в Древнем Риме – *форум*) стала центром светской и общественной жизни, гражданского управления и суда, излюбленным местом для интеллектуальных дискуссий, ораторских выступлений и т.д.

Афинская агора.

Как уже было отмечено, слово *ῥητορικὴ* может трактоваться как «ораторское искусство или учение об ораторском искусстве» (в латинской традиции – «элоквиенция»), но *главным содержанием* риторики уже в то время была *теория аргументации* в публичной речи.

Великий греческий философ и ученый Аристотель определил риторику как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета».

То есть это такая *универсальная* область знания, которая позволяет говорить о разных вещах в разных обстоятельствах и находить для этого *способы убеждения*. Под способом убеждения понимается некоторый прием, который позволяет делать мысли приемлемыми для нас самих и для других людей.

Задача риторики, по замыслу Аристотеля, состояла в том, чтобы аргументация политических и судебных решений, основанная на принципах *нравственности*, стала более убедительной, чем аргументация, исходящая из эгоистических и материально-практических интересов: *«Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей, так что если решения принимаются не должные, то говорящие неизбежно терпят поражение, по своей же вине, а это достойно порицания».*

Обратите внимание!

→ **Ритор** – человек, *создающий* влиятельные публичные высказывания; учитель красноречия.

→ **Оратор** - Тот, кто *произносит* речь.

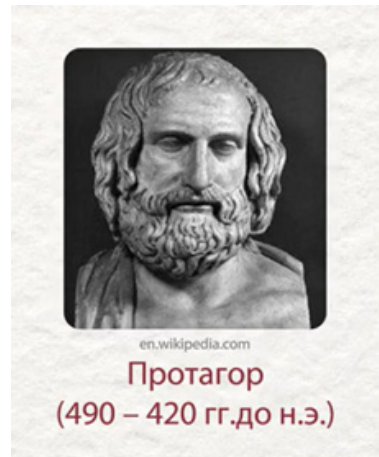
Первые попытки осмысления искусства публичного слова, а также теоретическая разработка приемов аргументации начались задолго до Аристотеля и связаны с **софистами** (σοφιστής – «мудрец», «искусник») – профессиональными практиками и учителями публичного слова.

В древнегреческом образовании традиционная система образования включала овладение грамотой, игрой на музыкальных инструментах (например, на кифаре), изучение поэзии и запоминание отдельных поэтических произведений, а также гимнастику и хоровое пение. Однако софисты принесли новаторский подход, вовлекая учеников в активное обучение. Их система включала в себя логические упражнения, «умственную гимнастику», основными целями которых были овладение искусством дискуссии и ораторского мастерства. Они развивали анализ структуры языка и критические чтения литературы, предлагая новый взгляд на грамматику и теорию аргументации в риторике.

Некоторые софисты, как, например, **Гиппий**, подчеркивали значимость освоения глубоких знаний в арифметике, геометрии, астрономии и музыке в рамках формирования свободного человека. Тем не менее, не все представители софистической школы одинаково придавали важность этим областям. Многие из них предпочитали уделить больше внимания изучению грамматики и развитию риторических навыков.

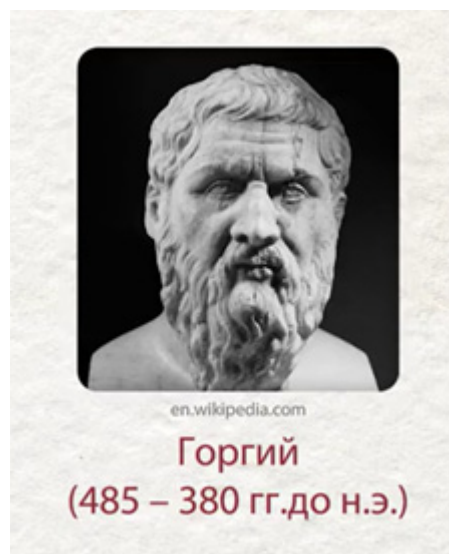
Теорию риторики активно разрабатывал философ-софист **Протагор** из Абдер во Фракии. Он одним из первых стал применять диалогическую форму изложения, при которой два собеседника в споре защищают два

противоположных взгляда. По свидетельству Диогена Лаэртского, Протагор классифицировал выражения на вопросы, ответы, приказания, просьбы.

➤ *Познакомьтесь с легендой о Протагоре и его ученике, известной как «Софизм Эватла».*

Одним из древнейших и самых известных софистов, произведения которого дошли до нас, является **Горгий** из Леонтин в Сицилии.

Горгий был известен художественным оформлением своих речей. Он систематически применял риторические тропы и фигуры (метафоры, звуковые повторы и т.д.), которые с тех пор и называются горгиевыми. Горгий прославился в основном торжественной (эпидейктической) риторикой («Паламед», «Похвала Елене», «О павших в Пелопоннесской войне»). Кроме того, он занимался теорией аргументации и систематическими парадоксами.

Горгий считал, что настоящий оратор «должен уметь одну и ту же вещь и восхвалять и порицать».

Следует отметить, что отношение к софистике и софистам было двойственным и противоречивым. В начале слово «софист» имело положительный смысл, оно обозначало вообще человека талантливого, способного проявить себя в какой-либо деятельности, опытного в определённом искусстве. В конце 5 века до н.э. софистами стали называть платных учителей красноречия и философии.

Позднее слово «**софист**» приобрело негативную коннотацию еще и потому, что мастерство, которого достигли софисты, стало использоваться не ради достижения истины путем последовательного убеждения оппонента, а ради собственно победы в любом споре с помощью логических уловок и ухищрений. В итоге слово «софист» приобрело значение «*лжемудрец*».

- «Красноречие – служанка убеждения», – **Коракс**
- «Человек есть мера всех вещей», – **Протагор**
- «Сколько людей, столько и мнений»
- «Все, что ты не потерял, ты имеешь. Ты не потерял рога, следовательно, у тебя есть рога», – **Евбулид**

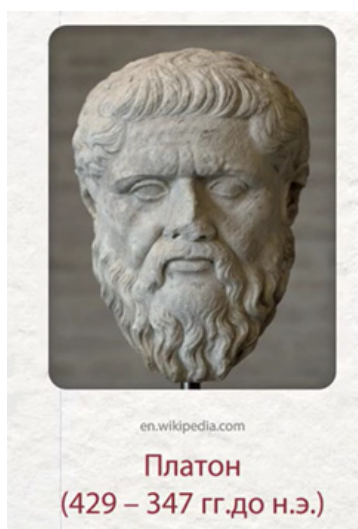
Против софистов выступал великий древнегреческий философ **Сократ** (469-399 до н.э.). Он осуждал софистов за их стремление к богатству, за их готовность убедить публику в чем угодно.

Сократ обладал огромным даром красноречия и логикой. Он изобрел *особый убеждающий диалог*: философ вел диалог и своими вопросами показывал ошибочность взглядов оппонента, а затем приводил того к пониманию истины. Так, со временем возникли такие понятия, как «*сократический вопрос*», «*сократический диалог*», «*сократический метод*».

Метод философствования Сократа – *диалектика*. Это искусство вести беседу, рассуждение с целью обнаружения, выяснения истины. *Диалектик* –

тот, кто умеет ставить вопросы и давать ответы. Особенное мировоззрение Сократа и его жизненная позиция привели к тому, что философа осудили на смерть – «за вольнодумство, неуважение к богам и развращение юношества своими беседами» путем принятия чаши с ядом (цикутой).

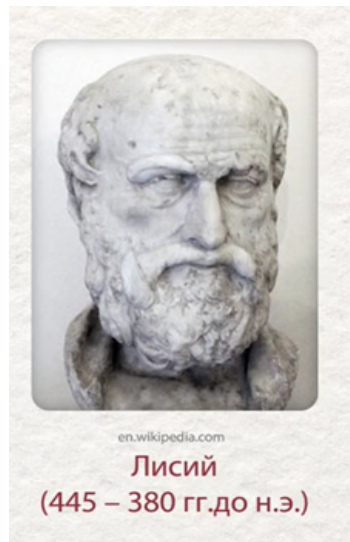
Философия Сократа изложена в «Диалогах» его ученика **Платона** (429-347 до н.э.). Сам Сократ не зафиксировал свои идеи в письменных трудах. В диалогах «*Софист*», «*Горгий*» и «*Федр*» Платон делает Сократа центральным персонажем, а также раскрывает в них не только метод философствования своего учителя, но и выстраивает свою собственную систему.

Для Платона в доказывании истины очень важно было учитывать *психологические особенности* человека. Он писал следующее: «задача оратора – отыскивать виды речи, соответствующие каждому характеру».

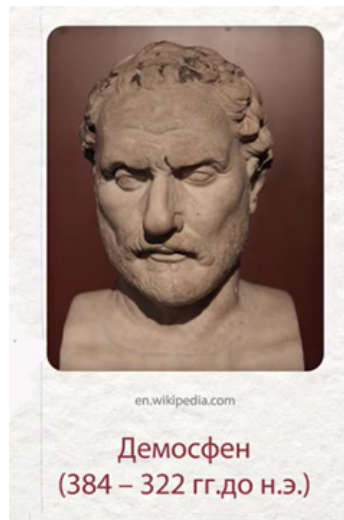
«К сложной душе надо обращаться со сложными, разнообразными речами, а к простой – с простыми».

Важный вклад в развитие античной риторики внес **Лисий** (ок. 445–380 до н.э.), выдающийся судебный оратор и создатель *теории судебной риторики*, стоит во главе профессиональных *логографов* (то есть человека, который мог создать речь на заказ) своего времени.

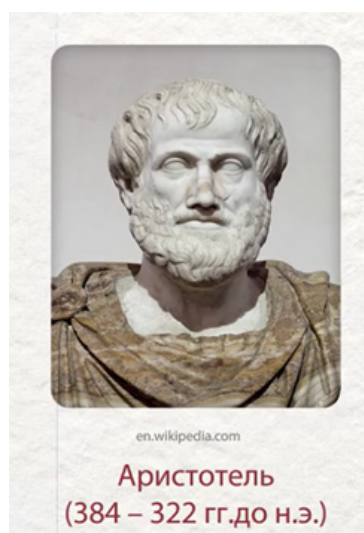
В силу своего иностранного происхождения (он был метеком) Лисий не имел права выступать на суде напрямую, что вынуждало его изощренно использовать диалектные особенности своих клиентов, чтобы под видом их собственных слов мастерски формулировать аргументы без профессионального привкуса. Его ораторский стиль отличался ясностью, лаконичностью и точностью, качества, необходимые для успешного выступления в судебной сфере. А *система композиции*, включающая *вступление, изложение, доказательства и заключение*, заложила фундамент для искусства убеждения в условиях юридического противоборства. До нас дошли «34 речи Лисия».

Еще одна важная фигура в период становления и развития риторического мастерства – **Демосфен** (384-322 до н.э). Он считается одним из крупнейших государственных деятелей и *политических ораторов* конца классического периода. В отличие от Горгия, Платона, Аристотеля и др., Демосфен принадлежал к демократическому политическому направлению.

Мастерство Демосфена воплощает в себе синтез опыта предшествующих ораторов, превращая его речи в классические образцы красноречия. Особое внимание привлекают его знаменитые *«Филиппики»*, то есть речи, направленные против мощи македонского царя Филиппа II в IV веке до н. э. Другой пример риторического мастерства Демосфена – искусное самопрославление в речи *«О венке»*.

Великим мыслителем и ученым античности был древнегреческий философ **Аристотель**, чье имя стало ассоциироваться возникновением науки как таковой. Сохранившиеся произведения Аристотеля (около тридцати) относятся практически ко всем разделам научного знания, в том числе и к риторике.

Стоит отметить, что риторика не была для Аристотеля побочным исследовательским интересом – известно, что он серьезно занимался ее

изучением, когда поступил в Академию Платона, а позднее определял ее как важную часть собственной логической системы.

Аристотель – «отец риторики».

Аристотель «реабилитировал» риторику и проложил новые пути ее развития. В своих произведениях, таких как «Аналитики», «Категории», «Поэтика», «О софистических опровержениях» и монументальном труде «Риторика», Аристотель раскрывает свой взгляд на создание убедительной речи. «Риторика» (330 г.) – уникальное наследие древнего мира, первая научная монография; она представляет собой три тома, в которых глубоко и подробно рассматриваются *язык, стиль и структура публичных выступлений*.

Так, указав на необходимость риторического знания, Аристотель в своих трудах впервые попытался создать всеобъемлющую и систематизированную теорию публичных выступлений.

Аристотель разработал и выделил:

- три аспекта убедительной речи (пафос, логос, этос);
- три вида речей (судебная речь, эпидейктическая (торжественная) речь и совещательная (политическая) речь);
- способы убеждения, типы аргументов;
- риторические топосы, или топику;
- принципы эффективного использования тропов, стилистических приемов.

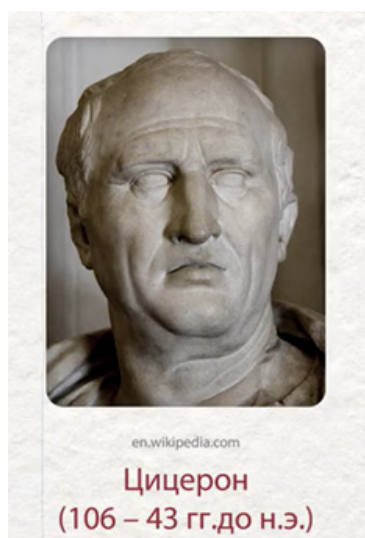
Подробнее с основными элементами учения Аристотеля вы сможете познакомиться далее.

С античного периода большое внимание в ораторском мастерстве уделяется *стилистическим* явлениям в языке. Например, большой интерес

представляют переведённые на русский язык сочинения **Дионисия Галикарнасского** (ок. 35 – ок. 8 гг. до н.э.) «*О соединении слов*» и **Деметрия** (ок. 1 в. н.э.) «*О стиле*».

Не менее важно и *латинское красноречие*. Древний Рим – воинственное общество, поэтому был востребован образ полководца-оратора. Сама риторика формировалась довольно медленно и имела несколько грубоватый, практический характер. Однако позже она начала стремительно развиваться и распространяться. И хотя древние римляне усвоили многие элементы риторики, разработанные греками, они создали учение, во многом отличающееся от греческой традиции.

Первым крупным теоретиком и практиком ораторского искусства Древнего Рима был знаменитый **Цицерон** (106 – 43 гг. до н.э.). Выдающийся ритор и великий государственный деятель, он написал несколько трактатов о риторике, в которых изложил свои основные идеи: «*Брут*», «*Оратор*», «*Об ораторе*».

Работы Цицерона послужили руководством для школ, изучавших ораторское искусство, вплоть до эпохи Возрождения.

Значительное место в его риторической теории занимает *учение об идеальном ораторе*. Так, по Цицерону, оратор должен «*обладать остроумием диалектика, мыслями философа, словами чуть ли не поэта, памятью законоведа, голосом трагика, игрой такой, как у лучших лицедеёв,* –

вот почему в роде человеческом ничто не попадает так редко, как совершенный оратор.»

Цицерон считал, что оратор – это человек глубокой культуры твердых убеждений и высоких идеалов. Место же оратора – на форуме.

***Принцип «трёх У»:
речь должна убеждать, увлекать, услаждать.***

Исходя из этих принципов, Цицерон ставил перед оратором три *основные задачи*:

- доказать и продемонстрировать истинность приводимых фактов;
- доставить слушателям эстетическое удовольствие;
- воздействовать на их волю и поведение, побудить к активной деятельности.

Кроме того, Цицерон предложил свою *теорию стилей*. Он считал, что истинно красноречив тот, кто умеет говорить о будничных делах просто, о великих – величаво, о средних – стилем, промежуточным между обоими.

Подход Цицерона к риторике подчеркивал важность разностороннего образования. Согласно Цицерону, чтобы быть убедительным, человеку необходимы знания в области истории, политики, искусства, литературы, этики, права и медицины. Обладая широким кругозором, человек может найти общий язык с любой аудиторией.

«У Демосфена ничего нельзя отнять, а к Цицерону ничего нельзя прибавить».

Теорию риторики в Древнем Риме разрабатывал также **Квинтилиан** (ок. 35 – 95 г. н.э.), получивший прозвище «учитель риторики». Квинтилиан активно занимался обучением ораторскому искусству. Его школа в Риме стала первой государственной риторской школой. Там он разработал систему обучения, которая позволяла студентам проходить различные этапы интенсивной риторической подготовки. В 95 г. н.э. Квинтилиан увековечил свою систему образования и взгляды на риторику в двенадцатитомном труде под названием **«*Institutio Oratoria*» («Риторические наставления»)**. В данном трактате Квинтилиан охватил все аспекты искусства красноречия, обобщил свой опыт и опыт классической древности. Квинтилиан впервые открыл

восьмичастную композицию, которая актуальна и в наши дни.

Сочинения Квинтилиана также применялись как практическое руководство по риторике и в последующие эпохи.

Важным достижением античных риторов стало то, что они разработали особый механизм по созданию эффективной и убедительной речи – *риторический канон*, включающий в себя пять ступеней риторических действий.

Античный риторический канон:

- **инвенция** (inventio), или «изобретение» речи, «нахождение» предмета или темы речи;
- **диспозиция** (dispositio), т.е. максимально эффективное расположение частей речи и создание убедительных аргументов;
- **элокуция** (elocutio), или украшение речи, использование стилистических и риторических фигур, тропов;
- **мемория** (memoria), т.е. запоминание речи, а также различных цитат, различных фактов, которые можно использовать во время импровизаций;
- **акцио** (action), или воспроизведение речи, т.е. процесс отработки того, как вы произносите свою речь, используя жесты, меняя интонацию и т.п.

Более подробно о риторическом каноне будет сказано в теме 7, посвященной основам ораторского мастерства.

Таким образом, античные теоретики заложили фундамент науки об ораторском искусстве, начали разрабатывать её теорию, элементы которой используются вплоть до наших дней, и методику обучения. Античная риторика послужила основой для развития словесности *Средних веков*.

В эпоху Средневековья риторика перешла от политического дискурса к религиозному. Вместо того, чтобы быть инструментом управления государством, риторика стала рассматриваться как средство спасения души.

Отцы Церкви, богословы исследовали, как лучшим образом использовать «языческое» искусство риторики для проповеди и распространения Евангелия.

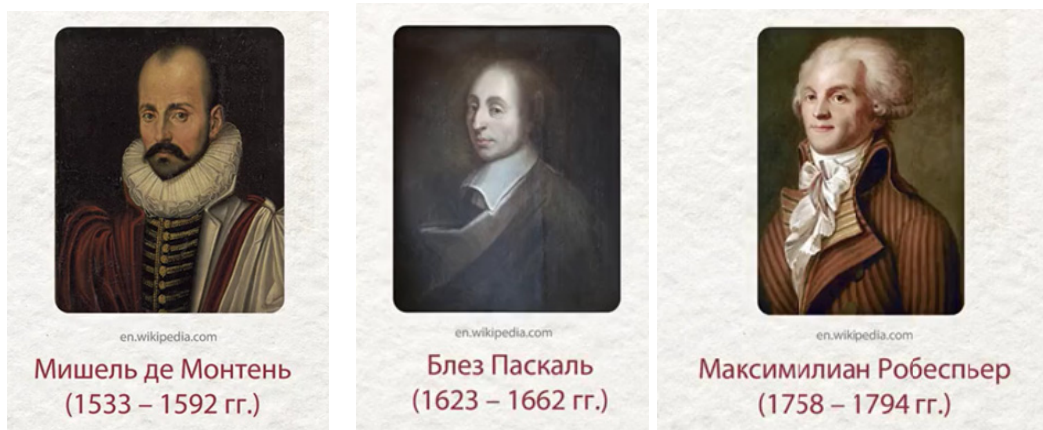
В Средние века во Франции, Италии и Англии начали формироваться университеты, где студенты посещали занятия по грамматике, логике и риторике. Более того, студенты того периода изучали тексты Аристотеля, чтобы освоить теорию красноречия, упражнялись в древнегреческом языке и латыни.

Однако стоит отметить, что средневековые писатели и мыслители привнесли много нового и оригинального риторике как науку и искусство. Так, риторика становится средством услаждения или внушения, а не публичной дискуссии или убеждения. Риторика сближается с поэтикой. В *Культура письменного слова* возрастает в Средние века. Расцветает *гомилетика* (или *церковная проповедь*), активно развивается *академическое красноречие*.

Подобно многим искусствам и наукам, изучение риторики пережило второе рождение в эпоху *Ренессанса и Нового время*.

Для этих периодов характерны: всплеск интереса к *античности и человеку* (*антропоцентризм*), отделение церкви от государства (*секуляризация*), рост светской культуры, развитие экономики и т.д. В эту эпоху на первый план выходят *ораторы и поэты*. В связи с этим возрождаются *публичная дискуссия, парламентское и судебное красноречие*, развивается *торговое и дипломатическое красноречие*, риторика продолжает *сближение с поэтикой*, а также *со стилистикой и культурой речи*, происходит

кодификация национальных языков, то есть фиксация языковых норм в словарях.

При подготовке к ответу на четвертый вопрос необходимо помнить, что Россия имеет богатейшие риторические традиции.

Основные периоды в истории развития русской риторики:

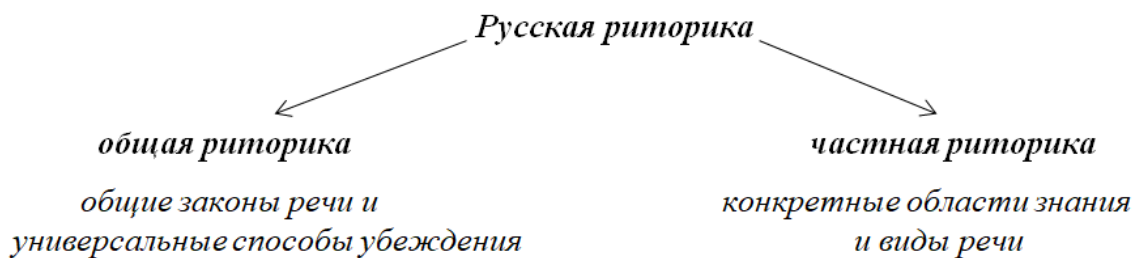
- Риторика в Древней Руси
- Риторика в России в XVII–XVIII вв.
- Риторика в России в XIX в.
- Риторика в восточнославянской культуре в XX в.

Освоение риторики как науки и искусства в Древней Руси началось с появлением первых христианских учителей – греков и болгар. Риторика преподавалась наряду с такими светскими науками, как диалектика, математика, музыка и т.д. Она предвляла обучение богословским наукам в церковных школах. Древнерусской риторике, представленной в памятниках письменности, было присуще высокое уважение к книжному слову, к словесному мастерству; нравственно-поучительный пафос, вера в то, что дар слова – великая добродетель; кротость и смирение в публичной речи и в беседе; повышенная экспрессивность в обращениях и призывах; отсутствие подобострастия и лести; высокая образность языка, насыщенность текста изобразительными средствами.

Таким образом высокой словесности является «Сказания о семи свободных мудростях», где каждая из семи глав представляла собой отдельное объяснение науки («мудрости») – грамматики, риторики, диалектики, музыки, арифметики, геометрии, астрономии, и рассказывала о сути учения, его применении и связи с другими дисциплинами.

Первый трактат по риторике на русском языке впервые в России появился в начале XVII века. Это был перевод с латинского языка учебника немецкого гуманиста Филиппа Меланхтона. Предполагается, что автором был митрополит Макарий.

Расцвет русской риторики приходится на первую половину XVII века. Отличительной чертой стало ее деление на *общую* и *частную*.

Учет античного риторического канона (его пяти этапов) было характерно для всех риторик.

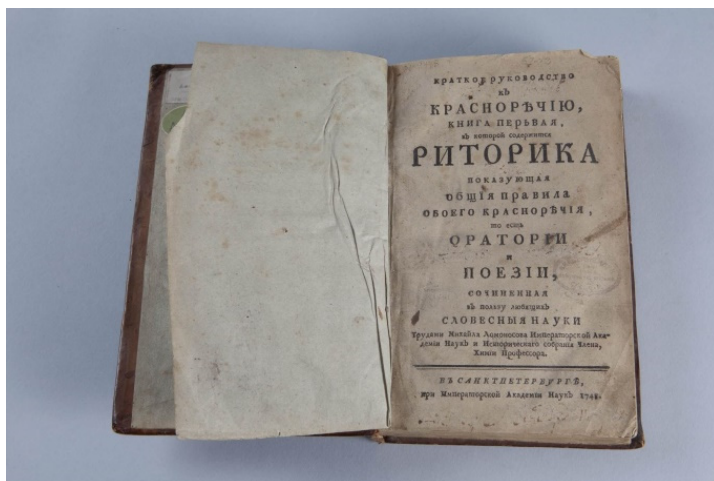
Огромный вклад в развитие риторики внес **М.В. Ломоносов** (1711-1765). Н.М. Карамзин назвал его «*отцом российского красноречия*».

В 1743 году, М.В.Ломоносов создал свою первую работу по риторике, озаглавленную «*Краткое руководство к риторике на пользу любителей*

сладкоречия». Вторая редакция получила название «*Краткое руководство к красноречию*» (1748 г.) и стала настольной книгой всех образованных читателей XVIII века.

Работа М.В. Ломоносова по риторике является фундаментальным научным трудом, который определил развитие этой науки в России не только в XVIII веке, но и в последующие периоды. Все последующие русские риторики были созданы на основе его «Руководства».

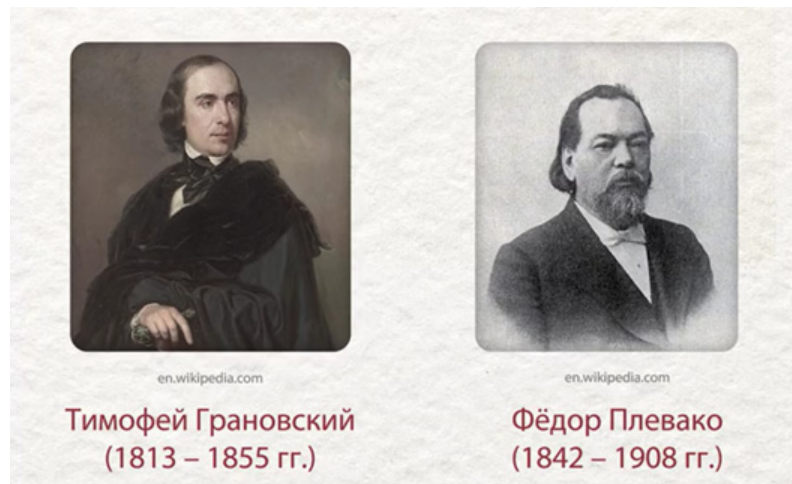

Ломоносов описал историю риторики, изучил мастерство величайших древних ораторов, представил систему правил и стандартов, которые должны соблюдаться каждым выступающим перед аудиторией, разработал *теорию «трех штилей»* и, кроме прочего, прославился как *реформатор русского языка*.

Идеи и достижения основоположника русской риторики вдохновили многих политических и общественных деятелей, ученых и педагогов. Были написаны многочисленные труды по теории риторики, которые стали широко известными и многократно переиздавались в период с 1809 по 1852 годы: «Правила высшего красноречия» **М.М. Сперанского**, «Опыт риторики» **И.С. Рижского**, «Краткая риторика» **А.Ф. Мерзлякова**, «Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений» **А.И. Галича**, «Общая риторика» **Н.Ф. Кошанского** и др.

Также в XIX веке также активно развивались такие направления, как *академическое и судебное красноречие*.

По всем риторикам велось преподавание в высших учебных заведениях того времени.

Вторая половина XIX века для риторики – период упадка. На первый план вышла теория словесности, которая в большей степени была сосредоточена на изучении *художественной прозы и поэтических форм речи*. Она взяла из риторики учение о композиции, о стилях речи и тропах. Однако теория словесности быстро пришла в упадок, а затем была исключена из состава учебных дисциплин.

В XX возникла *стилистика*, которая разрабатывала учение о *видах языка и стиля*. Наиболее крупными представителями этого направления

филологической науки: **С.П. Обнорский, Л.П. Якубинский, В.В. Виноградов, П.А. Ларин, Л.В. Щерба** и др.

После революции 1917 года была предпринята попытка возродить риторiku как науку *живого слова*.

В настоящее время риторика связана с теорией речевой коммуникации, прагматикой, лингвистическим анализом текста, логикой, психологией, этикой, эстетикой, психолингвистикой, социологией и др. Поэтому проблемами ораторского искусства занимаются специалисты разных областей знания.

Кроме того, велика общественная потребность в практическом овладении риторическим мастерством самыми различными слоями населения вследствие процессов демократизации, возникновения новых социально-политических движений и общественных формирований, повышения социальной активности граждан, развития предпринимательской деятельности.

Задания

Задание 1. Каковы предмет и задачи риторики? Считаете ли вы необходимым изучение этой учебной дисциплины? Обоснуйте свою точку зрения.

Задание 2. Какой вклад в становление и развитие риторики внесли ораторы и философы античности?

Задание 3. Сопоставьте различные определения риторики, выделите в них общее и различное. Какое из этих определений, на Ваш взгляд, отличается наибольшей объясняющей силой и практической целенаправленностью?

«Определим риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель).

«Риторика есть искусство хорошо и украшенно говорить» (Цицерон).

«Красноречие есть искусство о всякой данной категории красиво говорить и тем преклонять других к своему об одной мнению» (М.В. Ломоносов).

«Риторика – филологическая дисциплина, изучающая отношение мысли к слову. Непосредственная задача риторики - прозаическая речь или публичная аргументация» (проф. А.А. Волков).

«Риторика – теория, мастерство и искусство красноречия» (проф. А.К. Михальская).

«Риторика – теория речи как инструмента развития общества» (проф. Ю.В. Рождественский).

Задание 4. Прочитайте отрывок из поэмы Гомера «Одиссея». О каком отношении к слову людей в древности говорится в нём? Дайте развёрнутый ответ.

Боги не всякого всем наделяют: не каждый имеет
Вдруг и пленительный образ, и ум, и могущество слова;
Тот по наружному виду внимания мало достоин –
Прелестью речи зато одарён от богов: веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твёрдым
Или с приветливой кротостью: он украшенье собраний;
Бога в нём видят, когда он проходит по улицам града.

Задание 5. Приведите в пример человека, который, по вашему мнению, наделен выдающимся даром слова. Что в его речи вам представляется наиболее поучительным? Есть ли среди известных вам людей такой человек, чья речь вызывает у вас неприятие? Почему?

Подготовьте выступление на данную тему (3 минуты).

Условия: 1 – будьте сдержаны в своих заключениях и оценках, 2 – «не переходите на личности»; 3 – стремитесь выражать свои мысли как можно более конкретно.

Тема 2. Условия эффективной речевой коммуникации

Вопросы

1. Основные условия эффективной речевой коммуникации.
2. Организационные принципы речевой коммуникации.
3. Психологические принципы речевой коммуникации.
4. Барьеры восприятия в процессе общения.
5. Преодоление барьеров в речевой коммуникации.

При подготовке к ответу на первый вопрос необходимо определить понятие коммуникации. Коммуникация (лат. *communicatio*, от *communico* - связь) – общение, обмен мыслями, информацией и т. д. – особая форма взаимодействия в процессе деятельности. Коммуникации животных, (которая заключается в необходимом сосуществовании и регулируется сигнализацией) отличается от человеческой, прежде всего, функционированием языка, именно в коммуникативной функции раскрывается механизм становления индивидуума как личности. Именно благодаря коммуникации формируется социум, общество, подчиняющееся определенным установкам.

Эффективная речевая коммуникация – это корректное понимание и интерпретация сообщения. Коммуникация считается успешной, если адресат воспринимает цель текста так, как задумал адресант. Если цель текста интерпретирована верно, то текст был адекватно воспринят. Неправильное понимание реципиентом как устного, так и письменного сообщения может привести к ошибкам при принятии решений и спровоцировать нежелательные конфликты.

Эффективная коммуникация зависит от:

- потребности в общении
- коммуникативной заинтересованности
- понимания интересов собеседника
- схожести взглядов говорящего и слушающего
- умения слушать собеседника

- адаптироваться к его намерениям и интонации
- внешних факторов, таких как присутствие третьих лиц, физическое состояние и знание правил этикета в общении.

Отвечая на второй вопрос, важно помнить о благоприятной коммуникативной атмосфере, которая способствует установлению доверительных отношений в ходе взаимодействия. Установлено, что процент усваивания и понимания информации увеличивается при доверии между коммуникантами. Для создания позитивной атмосферы участники коммуникации должны придерживаться принципа кооперации Г.П. Грайса и принципа вежливости Дж.Н.Лича.

Принцип кооперации в межличностном взаимодействии олицетворяет собой дух готовности к совместным усилиям и включает в себя принципы, направленные на обеспечение успешного общения между участниками. Постулаты Г.П. Грайса можно разделить на четыре категории.

Категория количества привязана к объему информации, который требуется передать: текст должен быть насыщен нужными фактами, чтобы быть информативным, но не засыпать читателя лишними деталями.

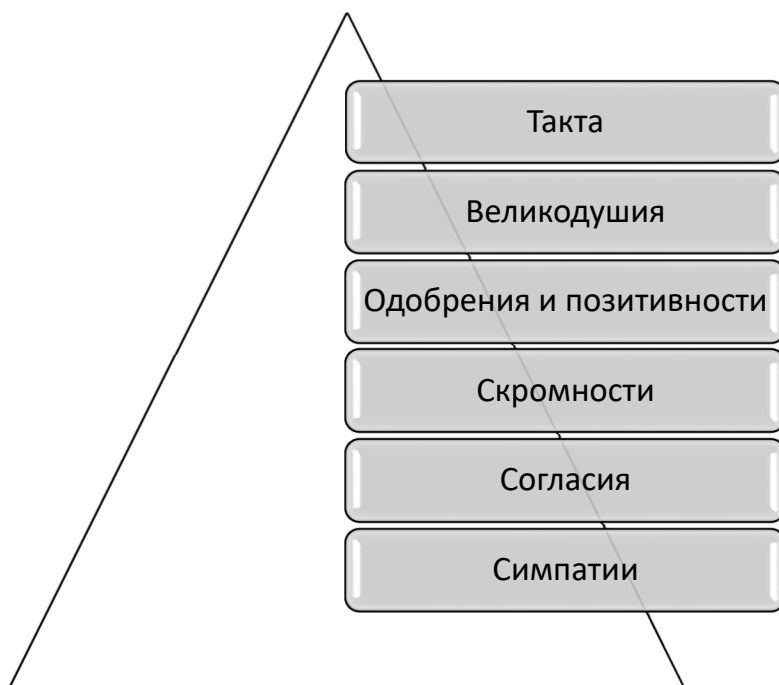
Важным аспектом категории качества является правдивость сообщения необходимо стремиться к устранению ложных утверждений и всегда иметь надежные аргументы для своих высказываний.

Постулат отношения подчеркивает важность правила релевантности - необходимо придерживаться темы обсуждения, чтобы избежать многословия, в котором можно потерять смысловую цельность высказывания, тем самым рассеивая внимание адресата.

Категория способа подчеркивает важность ясности изложения: необходимо избегать многословия, устаревших слов, то есть всех выражений и терминов, которые входят в пассивный словарь и могут вызвать недопонимание.

Следование принципу кооперации и его постулатам приносит пользу всем, кто стремится к достижению окончательной цели общения - будь то обмен информацией, вдохновение других или приспособление к чужому мнению.

Правила общения, согласно принципу вежливости Дж. Н. Лича

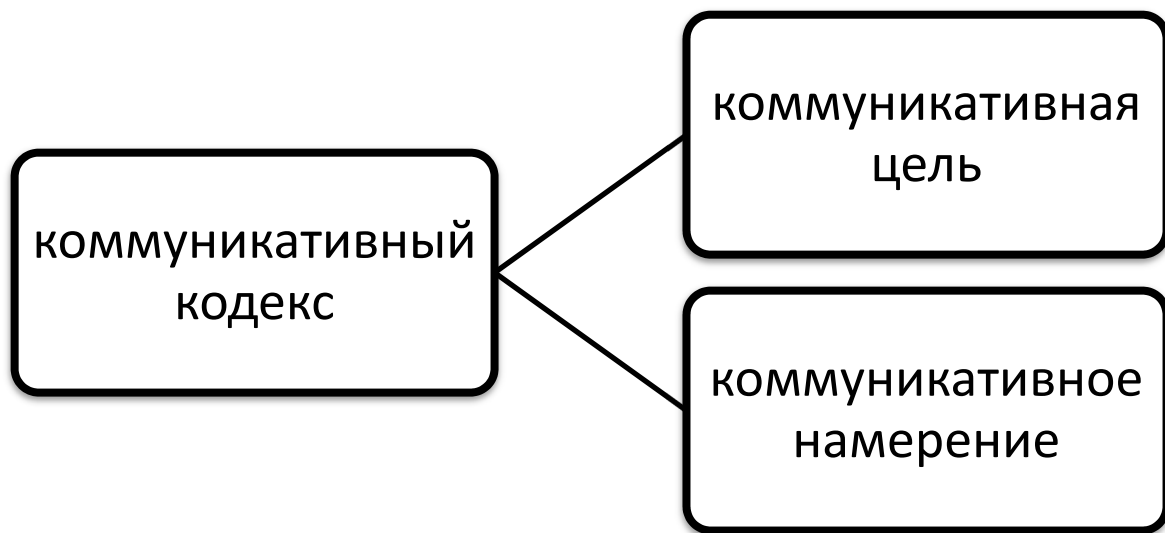
Первое правило советует избегать разговоров на личные темы; второе – не обременять собеседника обещаниями или обязательствами; третье правило призывает вести беседу доброжелательно и не осуждать других; четвертое

подчеркивает необходимость вести себя скромно, вежливо; пятое правило призывает к миру и солидарности, для успешной коммуникации важно отсутствие конфликтов; последнее правило указывает на обязательную доброжелательность в общении с партнером.

Особенно важно создать позитивный коммуникативный климат, который может помочь установить контакт между говорящим и слушающим. Доверие и открытость в общении увеличивают передачу информации и точность её интерпретации. Соблюдение принципов кооперации и вежливости, а также использование психологических принципов помогают поддерживать успешное взаимодействие.

Принцип кооперации и принцип вежливости составляют основу коммуникативного кодекса, регулирующего речевое поведение обеих сторон в ходе коммуникативного акта.

При подготовке к ответу на третий вопрос необходимо знать базовые категории, формирующие коммуникативный кодекс.

При рассмотрении коммуникативного кодекса и анализе его применения в речевом общении, необходимо учитывать, что установленные правила не являются жесткими и абсолютными. Соблюдение одного правила может противоречить другому, и это неизбежно. Однако важно отметить, что

использование этих принципов способствует более эффективной организации речевого взаимодействия и улучшает его результативность.

Психологические принципы эффективной коммуникации:

1. Принцип равной безопасности – отсутствие психологического или другого ущерба для партнёра в процессе обмена информацией. Запрещаются оскорбления и унижение собеседника. Каждый участник имеет право на защиту своей точки зрения и обязан относиться с уважением к личности партнера.

2. Принцип децентрической направленности – направление сил на поиск оптимального решения задачи, а не на защиту собственных интересов. Это предполагает анализ ситуации с позиции другого человека, а не только через призму собственных амбиций.

3. Принцип адекватности – честное восприятие сказанного и не искажение смысла высказываний собеседника. Подмена позиции оппонента или его слов лишь затрудняет взаимопонимание и порождает конфликты.

Рассматривая коммуникативный кодекс и анализ его применения в речевом общении, необходимо учитывать, что установленные правила не являются жесткими и абсолютными. Соблюдение одного правила может противоречить другому, и это неизбежно. Однако важно отметить, что использование этих принципов способствует более эффективной организации речевого взаимодействия и улучшает его результативность.

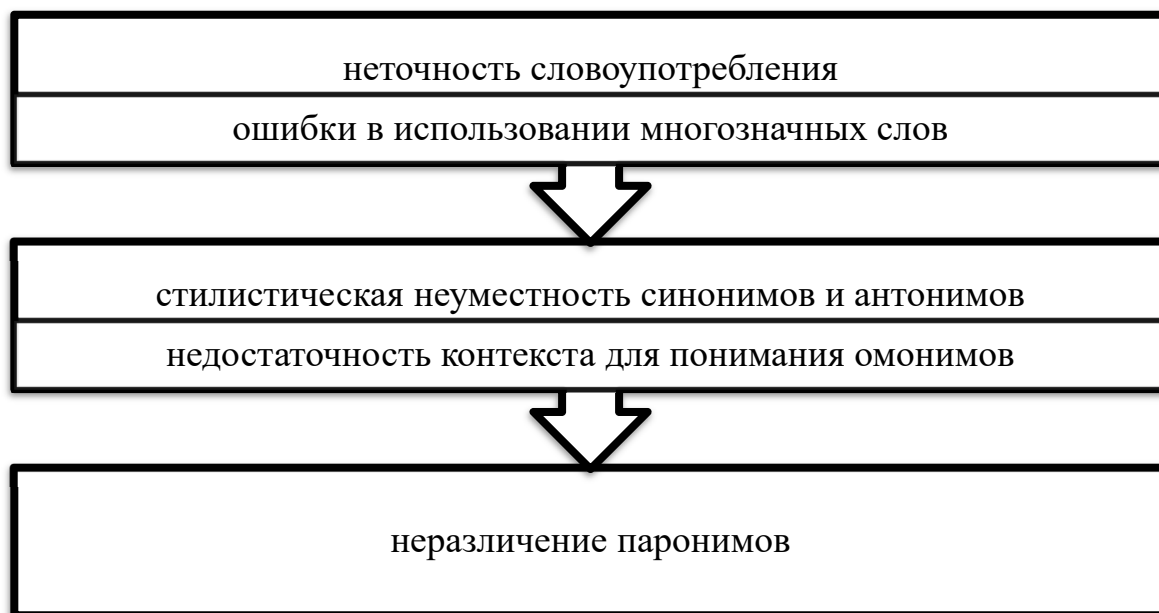
Для создания благоприятной психологической атмосферы в речевом общении необходимо признать разнообразие мнений и точек зрения.

Важно помнить, что главное в том, что понял слушающий, а не в том, что произносил говорящий! А также то, что вина за неправильно интерпретируемое сообщение лежит на адресанте, а не на адресате!

При подготовке к ответу на четвертый вопрос следует помнить, что межличностные барьеры, которые возникают в процессе коммуникации, часто объясняются особенностями восприятия тех речевых средств, которые использует автор сообщения. Серьезным препятствием при информационном

обмене является расхождение в понимании смысла употребляемых слов у отправителя и получателя.

Причины возникновения барьеров в коммуникации:

Факторы, влияющие на отбор лексических средств: значение слова, его многозначность, сочетаемость с другими словами, эмоционально-экспрессивную окраску, стилистическую характеристику, сферу употребления, грамматическую оформленность.

Б.Ф. Поршнев выделил **четыре уровня непонимания**: фонетический, семантический, стилистический и логический.

Фонетический уровень непонимания: слишком быстрое произношение и артикулированное выражение, а также диалект и чересчур активная жестикуляция, особенно если они не соответствуют контексту, могут стать серьезным барьером восприятия. Чтобы обойти эти преграды, оратору необходимо приложить все усилия, для придания его речи ясности, благозвучия и понятности. Предвидя появление подобных затруднений, необходимо заботиться о дикции, поставленном голосе, оптимальной жестикуляции и разнообразной интонации. Эти навыки лежат в зоне тренировок и самосовершенствования, осуществляемых через специализированные упражнения и рефлексиию.

Семантическое непонимание представляет собой серьезный барьер в коммуникации. Этот феномен обусловлен тем, что слова любого языка обычно обладают многими значениями. В каждом конкретном контексте использование слова может раскрыть дополнительные семантические оттенки, которые не всегда очевидны.

Согласно принципу «смысловых полей», одно и то же слово может вызывать различные ассоциации у разных людей. Это означает, что слова и действия, казалось бы одинаковые на первый взгляд, могут восприниматься совершенно иначе, в зависимости от личного опыта, культурного фона и эмоционального состояния собеседников.

Семантический уровень непонимания может привести к значительному ухудшению качества общения, так как интерпретация сообщений становится затруднительной. Когда люди не могут достичь взаимопонимания из-за различий в восприятии значений, это может вызвать недоразумения и конфликты. Нахождение «на одной волне» в общении требует внимания к этим нюансам значений, чтобы избежать комических ошибок и неправильно понятых заявлений.

Очень часто семантический уровень непонимания проявляется в тех случаях, когда у человека нет тех же ассоциаций, знаний того культурного контекста, который позволяет адекватно воспринять не только прямое, «буквальное» значение слов и выражений, но и другие, подразумевающиеся смыслы.

Стилистический, или синтаксический барьер обнаруживается при получении реципиентом сообщения, построенного с грамматическими и/или стилистическими нарушениями.

Отметим, что стиль в коммуникации - это не просто формат словесных высказываний, но и способ гармонизации формы и содержания. Попытка разгадать цель другого становится чрезвычайно сложной, когда вербальная и невербальная составляющие не согласованы. Этот дисбаланс является проявлением несоответствия между формой (невербальным, экспрессивным

поведением) и содержанием (информацией, заключенной в словах). Возможно также недостаточное соответствие выбранного стиля выражения эмоциональному содержанию, которое передается. В конечном итоге можно говорить о «неправильном» стиле общения, который и является источником трудностей во взаимопонимании.

Логический барьер непонимания, вызванный неприятием одним участником диалога логических заключений и аргументов другого. Если человек, по мнению одного из собеседников, действует или говорит вопреки правилам логики, мы не только отказываемся его понимать, но и воспринимаем его отрицательно эмоционально. При этом мы подразумеваем, что существует только один верный логический подход – наш, однако каждый индивид живет и мыслит в соответствии со своей логикой. Когда логика говорящего и слушающего не согласуется, возникает барьер логического непонимания.

По сути, логика, аналогично языку, может быть «нашей» и «чужой». Чужая логика считается неверной, и, следовательно, мы можем реагировать на нее скептически или пренебрежительно. Если слушатель не принимает подобную логику сообщения как правильную, то разнообразные утверждения и выводы оратора на основе логическо-грамматической связи, такие как «поэтому», «следовательно» и прочие, будут рассмотрены им как попытка имитировать логику, и он не поверит в нее. В таких случаях мы можем сказать, что речевое воздействие сталкивается с логическими преградами непонимания.

При ответе на пятый вопрос важно помнить о том, что говорящий обычно несет ответственность за эффективность общения. Хотя слушающий – пассивная сторона, оба участника могут влиять на успешность диалога. Слушающий, заинтересованный в результате разговора, также должен стараться улучшить взаимодействие, действуя совместно с говорящим. Обе стороны могут вместе управлять эффективностью коммуникации.

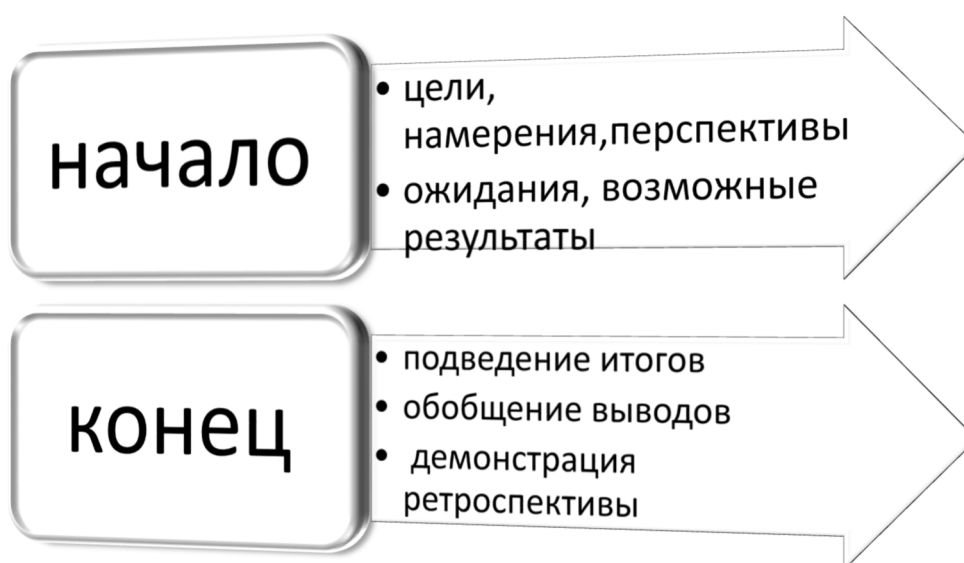
Чтобы преодолеть фонетический барьер, необходимо говорить четко, разборчиво и умеренно громко, избегая скороговорок. Соблюдение этих условий повышает усвояемость информации.

Скорость речи должна соответствовать уровню владения языком и знанию темы обсуждения. У людей разного возраста, образования и культурных норм разное восприятие темпа речи. Обратная связь с аудиторией позволяет корректировать скорость и дикцию в процессе общения.

Семантический барьер возникает из-за различных тезаурусов людей. Для его преодоления важно понимание словарного запаса другой стороны. Ошибки в коммуникации часто связаны с предположением, что другие думают так же, как мы. Эффективнее будет либо использовать простой язык, либо согласовывать понимание ключевых моментов заранее.

Структурирование информации помогает лучше понимать и быстрее запоминать. Правило рамки заключается в представлении информации в рамках целей и выводов, то есть начало и конец речи должны быть четко очерчены и содержать в себе наиболее важную информацию, так как именно эти части публичного выступления запоминаются и воспринимаются лучше всего.

Схема представления правила рамки

Для преодоления стилистического барьера важно соответствие стиля общения информации. Акцентируя внимание на структуре и цели, общение становится более эффективным и понятным.

В основе принципа последовательности лежит потребность в упорядочивании информации, чтобы обеспечить понимание и логическую связь между элементами. Правило следования может принимать различные формы:

- перечисление по порядку «во-первых, во-вторых, в-третьих...»
- ранжирование по важности «сначала основное..., а затем, менее значимое»
- логическое связывание «если это, тогда – то, исходя из этого, следует, что...».

Преодоление логического барьера требует понимания эффективности различных аргументов и методов их применения. Существуют два основных подхода к построению аргументации: восходящий (увеличивающий) и нисходящий (уменьшающий). При восходящем подходе сила аргументов увеличивается к концу сообщения, а при нисходящем она убывает. Важно отметить, что оценка "силы аргумента" является субъективной и зависит от значимости аргументов для каждого конкретного человека или группы, подчеркивая роль личного восприятия и понимания.

Исследование сравнительной эффективности односторонней и двусторонней аргументации включает в себя проблему построения логической структуры сообщения. Односторонняя аргументация эффективнее, когда подтверждает существующие убеждения аудитории, а двусторонняя воздействует на тех, кто изначально скептически по отношению к представленной информации или убеждениям.

Двусторонняя аргументация более предпочтительна и эффективна в случае:

- а) образованной аудитории
- б) расхождения во мнениях с коммуникатором

в) вероятности возможного оспаривания в будущем.

Односторонняя аргументация эффективна, когда взгляды аудитории и коммуникатора совпадают и не ожидается контрдействий.

Таким образом, понимание позиции партнера, его взглядов, целей и индивидуальных особенностей является главным условием для успешного преодоления любых барьеров в коммуникации. Чем более говорящий учитывает особенности слушающего, тем более успешным будет взаимодействие.

Задания

Задание 1. Ознакомьтесь с представленными случаями употребления «ты» и «вы» в коммуникации.

Вы:

- к незнакомому, малознакомому человеку
- в официальной обстановке
- к равному или старшему по возрасту, положению
- при подчеркнуто вежливом отношении к адресату

Ты:

- к равному или младшему по возрасту, положению адресату
- к хорошо знакомому
- при дружеском отношении
- в неофициальной обстановке

Приведите свои примеры правильного и неправильного использования конструкций с «ты»/ «вы» в различных случаях коммуникации.

Задание 2. Составьте таблицу, содержащую формулы речевого этикета.

Задание 3. На основе данных таблицы из задания 2 назовите формулы речевого этикета, используемые при обращении:

1. К пожилому человеку, чтобы узнать, который час. 2. К преподавателю с просьбой принять отработку пропущенного занятия. 3. К секретарю в приемной, чтобы уточнить время начала совещания. 4. К приятелю, чтобы

попросить у него ручку. 5. К возможному свидетелю преступления, чтобы получить его показания.

Задание 4. Подготовьте выступление на одну из тем: «Речь, которая мне запомнилась», «Оратор, который произвел на меня впечатление», «Каких ораторов мне не нравится слушать».

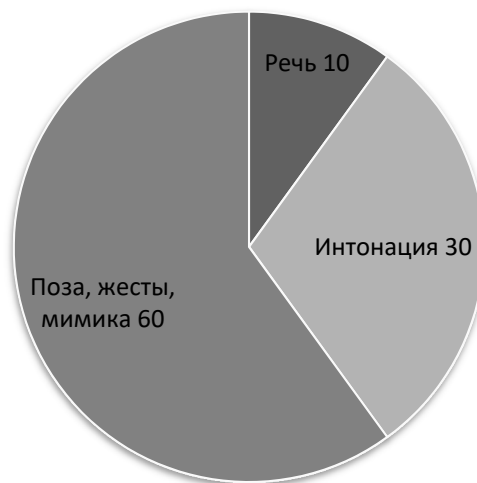
Тема 3. Невербальные средства общения

Вопросы

1. Мимика.
2. Жестикуляция. Типы жестов.
3. Интонация.
4. Пауза.

При подготовке к ответу на первый вопрос необходимо помнить, что эффективность общения зависит не только от того, насколько хорошо мы понимаем слова нашего собеседника, но и от нашей способности анализировать его поведение: мимику, жесты, движения, позу, направленность взгляда, интонацию. Этот «язык» невербального общения помогает нам донести свои чувства и выразиться полнее, показывает, как на самом деле люди относятся друг к другу. Исследователи обнаружили, что при слушании лекций или выступлений до 30-40% важной информации, содержащейся в тексте, может не быть усвоено, если невербальные средства не соответствуют тексту.

Соотношение вербальной и невербальной составляющих в процессе коммуникации

Все средства невербального общения делятся на экстралингвистические (не связанные непосредственно с речью) и паралингвистические (неразрывно связанные с речью). К экстралингвистическим относятся мимика, жесты, пантомимика, т.е. язык телодвижений. Паралингвистические средства включают интонацию и паузы.

Выражение лица является ключевым индикатором чувств говорящего. Исследования показывают, что при «замороженном», скрытом лице говорящего теряется не менее 10-15% информации. Мимика помогает нам лучше понимать нашего собеседника, определять его эмоции. К примеру, поднятые брови, широко раскрытые глаза, опущенные уголки губ и приоткрытый рот могут свидетельствовать об удивлении; в то время как опущенные брови, морщины на лбу, прищуренные глаза и стиснутые зубы говорят о гневе. Сожаление могут выражать сведенные брови, потухшие глаза и слегка опущенные уголки губ, а радость - покойные глаза и поднятые уголки губ.

Важно уметь «читать» мимику собеседника и понимать его эмоции. К тому же, стоит также оценить свою мимику и ее выразительность.

При подготовке к ответу на второй вопрос нужно учитывать, что жест используется чаще всего не сам по себе, а сопровождает слово, служит для него своеобразным подспорьем, а иногда уточняет его.

Знаменитый оратор Демосфен на вопрос, что нужно для хорошего оратора, ответил так: «Жесты, жесты и жесты!». Поза, жесты, действия сами по себе очень выразительны.

Однако не все жесты полезны при общении, и более того могут вызывать негативное впечатление. Например, таковыми являются механические жесты, не связанные со смыслом слов (прикасаться к волосам во время разговора, постукивать пальцами о стол, крутить пуговицу или застегивать – расстегивать молнию и т.п.), они отвлекают внимание слушателя от содержания речи, мешают её восприятию. Нередко они бывают результатом волнения говорящего, свидетельствуют о его неуверенности в себе.

Деление жестов по назначению

Ритмические жесты связаны с ритмикой речи. Их функция заключается в выделении логического ударения, замедлении и ускорении речи, акцентировании на паузах.

Эмоциональные жесты передают разнообразные оттенки чувств. Некоторые жесты стали общезначимыми и закрепились в устойчивых сочетаниях: *бить себя в грудь, стукнуть кулаком по столу, хлопнуть (ударить) себя по лбу, повернуться спиной, пожать плечами, развести руками, указать на дверь* и т.п.

С помощью указательных жестов говорящий не просто выделяет один из предметов в ряду, но ярко обозначает местонахождение, подчеркивает последовательность предметов. Указывать можно не только рукой, пальцем или кивком головы, но и взглядом или поворотом всего тела.

Указательные жесты следует применять сдержанно, лишь в крайне необходимых случаях, когда предмет действительно требует непосредственного внимания.

Изобразительные жесты - это как волшебство, когда говорящий, словно художник, создает в воздухе картину тех предметов, о которых говорит. Они появляются, когда слова не в состоянии полностью передать мысль; когда недостаточно слов по какой-то причине, будь то эмоциональность говорящего, его нерешительность или просто нехватка лексики; или когда нужно усилить воздействие на слушателя визуальным запоминающимся образом. Однако важно помнить, что изобразительные жесты следует использовать благоразумно, не допуская замены вербальных средств одними лишь жестами.

Символические жесты всегда носят условный характер и имеют точное, стандартное значение, понятное всем носителям языка. Например, скрещенные руки обозначают защищенность, руки за головой - высокомерие, руки в боках - непокорность, а обхватывание головы руками - знак тревоги или беды. Такие символические жесты часто применяются в типичных ситуациях, не требующих лишних слов.

При подготовке к ответу на третий вопрос стоит помнить, что интонация – это искусное сочетание четырех ключевых акустических элементов: тон голоса, интенсивность звучания, продолжительность звука и тембр.

Тон речи олицетворяет высоту диапазона гласных, звонких и глухих согласных. Он формируется в процессе проталкивания воздушной струи через горло, вибрации голосовых связок и отражения звука в полости рта и носа. Изменение тона создает мелодический узор в речи, причем монотонность считается враждебной. Экстремально низкий или высокий тон может быть физически утомительным или раздражающим, требуя увеличенной концентрации от аудитории.

Важной задачей оратора является определение и использование широкого диапазона голоса в своей речи, чтобы обогатить его тоновое многообразие.

Интенсивность звука зависит от напряженности и амплитуды колебаний голосовых связок - чем больший размах амплитуды, тем сильнее звук. Уровни интенсивности воспринимаются слухом как низкий, средний и высокий, и хотя уровень силы звучания может оставаться стабильным (спокойный ровный голос), его направление и характер обычно изменяются в течение выступления: то нарастают, то уменьшаются, иногда плавно, иногда резко.

Взаимодействие тона и интенсивности подчеркивает громкость высказывания, участвуя в формировании общего впечатления от речи.

Темп речи – это скорость произнесения лексических единиц в речи. Можно измерять темп речи двумя методами: по количеству произнесенных звуков или слогов в единицу времени (например, за секунду), либо по средней длительности произнесенных звуков или слогов.

Для успешного выступления необходимо овладеть мастерством изменения темпа речи в зависимости от контекста. Когда на повестке дня ключевые моменты, определения или выводы, оратор замедляет темп, чтобы словно ударить по акцентам и сделать высказывание более ярким. В то же время, если в выступлении присутствует страсть и эмоциональный подъем, темп речи ускоряется, чтобы передать эту энергию.

Тембр голоса – это особая мелодия звучания, которая делает голос каждого уникальным. Он меняется в зависимости от внутреннего состояния оратора, добавляя речи оттенки и настроение.

Интонация играет важную роль в структуре высказывания. Она помогает обозначить конец мысли, определить завершенность высказывания и указать на тип прочитанного или произнесенного предложения – вопросительное, восклицательное или повествовательное. В письменной речи синтаксическую функцию интонации можно уловить в знаках препинания.

Общая атмосфера высказывания формируется благодаря интонации, перенимающей как смысловые, так и эмоциональные оттенки, отражая внутреннее состояние говорящих, их отношение к теме разговора и друг к другу.

При подготовке к ответу на четвертый вопрос нужно понимать, что пауза влияет на формирование ритма речи, представляя собой временную остановку звучания, когда речевые органы не произносят звуки и прерывают поток речи. Существуют два вида пауз: "пустые", вызванные недостатком мысли, и "заполненные" - паузы размышления или хезитации.

Паузы хезитации чаще всего наблюдаются в речи о политических, социальных или научных вопросах, когда говорящие еще формируют свое мнение или рассматривают различные точки зрения. Они помогают организовать мысли, находить подходящую и точную формулировку высказывания. Заменять паузы хезитации можно специфическими словами, указывающими на переосмысление высказывания.

Интонационно-логические паузы отделяют речевые такты друг от друга и могут значительно изменить смысл высказывания, в зависимости от их расположения в предложении. Например, известное предложение "Казнить нельзя помиловать" при изменении места паузы может противоположным образом трактоваться.

Паузы важны в речи, поскольку позволяют говорящему обдумать свои высказывания, найти лучший способ их сформулировать, и передать свою мысль более ясно и точно.

Помимо пауз хезитации, логических и психологических, важны также интонационно-синтаксические паузы. Эти паузы соответствуют знакам препинания в письменной речи, имеют разную длительность - самая короткая пауза на месте запятой, а самую длинную требует точка. Интонационно-синтаксическая пауза отделяет однородные члены предложения, вставные конструкции, обращения и заполняет пропуски слов в предложении.

Кроме этого, существуют ситуативные и физиологические паузы. Ситуативные паузы обусловлены контекстом, например, учитель, диктующий текст ученикам, может делать такие паузы. Физиологические паузы возникают из-за нехватки воздуха в легких, особенно при одышке, или при нарушениях центральной нервной системы, когда трудно найти нужное слово или выразить мысль. Важно, чтобы человек мог избегать таких пауз и плавно выражать свои мысли.

К.С. Станиславский говорил: «Пауза – важнейший элемент нашей речи и один из главных её козырей».

Задания

Задание 1. Подумайте, что означают описываемые жесты, определите, к какой группе они относятся, каковы условия их применения. Возможно ли у этих жестов какое-то звуковое сопровождение? Какие сопутствующие жесты могут воспроизводиться?

– стоя лицом к адресату, резко вытянуть руку с указательным пальцем в направлении двери;

– из свободного положения адресант резко выпрямляется, прижимает вытянутые вытянутые вниз руки к бокам; ноги сдвинуты и прижаты одна к другой; адресант остается в таком положении какое-то время;

– жестикулирующий быстро и несильно наклоняет голову, указывая этим движением на некий предмет/объект; после голова возвращается в исходное положение;

– адресант по очереди сжимает одной рукой кисть другой, при этом сильно и неестественно выгибая эту кисть. *Данный жест обычно используется в ситуации, когда говорящий очень хочет, но никак не может повлиять на ситуацию;

– встретившись взглядом с адресатом, говорящий начинает смотреть в другую сторону.

Задание 2. Выпишите из «Словаря языка русских жестов» Григорьева Е.Н., Григорьевой С.А., Крейдлин Г.Е. понятие термина «кинесика». Доказать необходимость понимания ее основных принципов сотрудниками ОВД.

Задание 3. Составьте сопоставительную таблицу, характеризующую специфику мужских и женских жестов.

Задание 4. Опишите, из чего складывается интонация, на какие части делится фраза при определении характера интонации, охарактеризуйте типы интонации русского языка. Какие функции она выполняет?

Задание 5. Что такое тон? Дайте определение понятию «тембр» голоса.

Тема 4. Вербальные средства общения

Вопросы

1. Виды вербальных средств общения.
2. Письменная речь.
3. Устная речь.

При подготовке к ответу на первый вопрос необходимо понимать, что вербальное общение – это общение, которое осуществляется посредством слов, т.е. это знаковое общение.

Одним из ключевых способов взаимодействия на словесном уровне является использование языка. Речь распадается на различные формы: письменную и устную, чтение и аудирование, а также на внутреннюю рефлексию и внешний обмен мнениями. Следовательно, под вербальными инструментами коммуникации понимается умение формулировать мысли устно и письменно, слушать и воспринимать информацию, а также проводить внутренние диалоги с самим собой и внешние - с окружающими людьми.

Суть словесной стороны общения заключается в использовании того языка, на котором происходит общение. Например, иностранец может испытывать затруднения в понимании русского языка из-за его многообразия междометий и уменьшительных суффиксов. Поэтому для обеспечения взаимопонимания между собеседниками существуют определенные правила словесного общения, виды вербальной связи и общепринятые формы обмена информацией. И поскольку словесное общение происходит на русском языке, важно учитывать стилистику текста, с помощью которой мы передаем информацию. Существуют пять основных стилей:

- Научный - данный вид общения основывается на научной терминологии. Речь, используемая в научной сфере, отличается логичностью, связью понятий и обобщенностью;
- Официально-деловой - широко известен как язык законов. Этот стиль выполняет функции указания и долженствования при передаче информации.

Документы, составленные в официальном стиле, обычно стандартны и лишены эмоциональной окраски, но точны и понятны;

- Публицистический - главное предназначение этого стиля - воздействие на публику. Он отличается эмоциональным оттенком, экспрессивностью и отсутствием жестких стандартов;

- Разговорный стиль - это способ общения в повседневной жизни, в неформальной обстановке. В литературе встречается в виде диалогов и монологов на быденные темы;

- Художественный - стиль, который использует самые яркие выразительные средства. Помимо стандартных форм, характерных для других стилей, он может включать диалекты, жаргон и просторечие.

Важные аспекты вербального общения не ограничиваются только правилами языка. При взаимодействии с другими людьми необходимо учитывать не только то, что говорите, но и ваше взаимодействие на разных уровнях общения. Психология вербального общения разделяется на четыре уровня:

- Интуитивный уровень - когда человек осознает истинные причины сообщения, услышав информацию издали или прочитав ее, а также способен распознать тонкие намеки в разговоре;

- Этический уровень - здесь важны интонации, мимика, взгляды и жесты. Люди с развитой интуицией могут легко понять подобные сигналы;

- Логический уровень - где происходит ясный обмен информацией в письменной или устной форме;

- Физический уровень - включая различные виды касаний. Этот уровень возникает при близком контакте между людьми; способные читать эмоции, дыхание и сердцебиение получают дополнительные данные, являющиеся их преимуществом в коммуникации.

Вербальное общение помогает определить социальное положение и уровень интеллекта вашего собеседника. Ваша речь влияет на других и способствует вашему профессиональному росту. Иногда первое впечатление

о человеке может быть ослаблено его речью, поэтому важно выражаться грамотно, чтобы быть понятым и принятым. Помните, что вы можете оказаться на его месте в любой момент, поэтому внимательно относитесь к своей коммуникации.

При подготовке к ответу на второй вопрос необходимо помнить, что письменная речь – это речь, графически закреплённая. Она может быть заранее обдумана и исправлена. Для неё характерны следующие языковые особенности:

преобладание книжной лексики

строгое соблюдение языковых норм

отсутствие внеязыковых элементов

наличие страдательных конструкций

использование производных предлогов

Письменная речь обычно обращается к отсутствующим. Тот, кто пишет, не видит своего читателя, а может лишь мысленно представить его себе. На письменную речь не влияет реакция тех, кто её читает.

Письменная речь даёт возможность усвоить знания, накопленные человеком, расширяет сферу человеческого общения, разрывает рамки непосредственного окружения.

Основная функция письменного изложения заключается в оформлении устного текста таким образом, чтобы сохранить его содержание и контекст на бумаге или в электронном виде. Письменная форма коммуникации становится

необходимой, когда непосредственное общение не представляется возможным из-за физического или временного разделения между участниками.

Письменная речь ориентирована на визуальное восприятие. При чтении текста есть возможность перечитать неясные моменты, делать заметки, расшифровывать значение слов, проверять толкование в словарях.

Поэтому письменная форма общения обладает своими уникальными особенностями. В письменной речи используется литературный язык, который строго нормирован и регламентирован. Порядок слов в предложениях фиксирован, инверсия редко применяется, и в некоторых стилях (официально-деловой) она недопустима. Предложение, как основная структурная единица письменной речи, передает сложные логические связи через синтаксис. Таким образом, письменная речь часто содержит сложные синтаксические конструкции, причастные и деепричастные обороты, эксплицитированные определения, вставные фразы и другие элементы. При соединении предложений в параграфы каждое из них тесно переплетено с предыдущим и следующим контекстом.

Поскольку письменная речь ориентирована на восприятие органами зрения, она обладает чёткой структурной и формальной организацией: имеет систему нумерации страниц, деление на разделы, параграфы, систему ссылок, шрифтовые выделения и т.п.

Письменная речь отличается тем, что в самой форме речевой деятельности находят определённое отражение условия и цель общения, например, художественное произведение или описание научного эксперимента, заявление об отпуске или информационное сообщение в газете. Следовательно, письменная речь обладает стилеобразующей функцией, что находит отражение в выборе языковых средств, которые используются для создания того или иного текста, отражающего типические особенности определённого функционального стиля. Письменная форма является основной

формой существования речи в научном, публицистическом, официально-деловом и художественном стилях.

При подготовке к ответу на третий вопрос нужно учитывать, что устная речь – передача мыслей и чувств через звук. Устная форма общения появилась задолго до изобретения письменности, и она не перестает удивлять своей мощностью и красотой. В устной речи каждое слово, каждая пауза, даже интонация имеют огромное значение и могут перенести слушателя в мир чувств и эмоций гораздо глубже, чем это возможно в письменной форме. Интонационное разнообразие устной речи заставляет нас переживать весь диапазон человеческих эмоций – от радости до грусти, от страха до надежды.

Ключевая особенность устной речи – это взаимодействие собеседников. Говорящий и слушающий в устной коммуникации создают особый вид связи, при котором задействуется также и зрение, так как чаще всего коммуникаторы при устном общении видят друг друга, следовательно, реакции, выраженные лицом и телом, жесты и мимика – все это активно влияет на то, как будет воспринята и понята речь. Это взаимодействие добавляет новые оттенки и нюансы к общению и делает его более живым и динамичным.

Восприятие устной речи в ходе непосредственного общения осуществляется одновременно через слуховой и зрительный каналы. Поэтому используются различные средства, такие как мимика, жесты, характер взгляда и пространственное расположение, чтобы сделать речь выразительнее и понятнее. Эти лингвистические и экстралингвистические приемы способствуют усилению смысловой глубины и эмоциональной интенсивности устного высказывания. Важно, чтобы устная речь была структурированной и доступной для аудитории, чтобы её содержание было легко воспринимаемым и запоминающимся.

Одной из ключевых особенностей устной речи является её необратимость, прогрессивное развитие во времени и линейность процесса общения.

Выделяют подготовленные формы устной речи (лекции, речи в суде) и неподготовленные (разговоры и беседы). Хотя подготовленная речь характеризуется структурностью и продуманностью, говорящий всё же стремится к непринужденности и естественности, чтобы создать ощущение живого общения.

Неподготовленная устная речь отличается спонтанностью и актуальностью. При этом такое высказывание формируется постепенно, по частям в зависимости от осознания произнесенного, следующего шага и необходимости уточнений. В связи с чем, в устной речи наблюдается множество пауз, а использование междометий в паузах (например, "э-э" или "гм") позволяет говорящему собраться с мыслями перед продолжением рассказа. Коммуникатор должен следить за логикой, синтаксисом и частично лексическим уровнем языка, чтобы уверенно и связно выразить свои мысли. Фонетические и морфологические аспекты языка, включая произношение и форму грамматики, автоматически воплощаются в речь. В результате, у устной речи можно оценить меньшую точность словоупотребления, наличие ошибок в высказывании, более сжатые предложения и отсутствие сложных оборотов. Чтобы поддерживать связность речи, говорящий часто заменяет причастные и деепричастные обороты на сложные предложения, а существительные на глаголы, а также применяет инверсию. Важно отметить, что устная коммуникация обладает своими переходными особенностями, включая прерывания, автокомментирование и элементы колебания, которые являются ключевыми для успешного общения. В отличие от письменной речи, устный диалог развивается путем ассоциативных связей, а не строгой логической последовательности мыслей.

Устная форма речи закреплена за всеми функциональными стилями русского языка, однако она имеет несомненное преимущество в разговорно-бытовом стиле речи. Выделяют следующие функциональные разновидности устной речи: устную научную речь, устную публицистическую речь, виды устной речи в сфере официально-делового общения, художественную речь и

разговорную речь. Следует отметить, что разговорная речь оказывает влияние на все разновидности устной речи. Это выражается в проявлении авторского «я», личностного начала с целью усиления воздействия на слушающих. Поэтому в устной речи используются эмоционально и экспрессивно окрашенная лексика, образные сравнительные конструкции, фразеологизмы, пословицы, поговорки, даже просторечные элементы.

Разговорная речь обслуживает такую языковую сферу коммуникации, для которой характерны: непринуждённость общения; неофициальность отношений между говорящими; неподготовленность речи; непосредственное участие говорящих в акте коммуникации; устная форма как основная форма реализации; сильная опора на внеязыковую ситуацию, приводящая к тому, что внеязыковая ситуация становится составной частью коммуникации, «вплавляется» в речь; использование невербальных средств коммуникации; принципиальная возможность мены говорящий – слушающий.

В отличие от разговорной, кодифицированная речь используется преимущественно в официальных сферах общения (симпозиумы, съезды, конференции, собрания, заседания и т.д.). Чаще всего она бывает заранее подготовлена и далеко не всегда опирается на внеязыковую ситуацию. Для кодифицированной речи характерно умеренное использование невербальных средств коммуникации.

Задания

Задание 1. Раскройте содержание понятия «композиция речи»

Задание 2. Составьте таблицу, характеризующую основные элементы композиции речи: вступление, основную часть, заключение.

Задание 3. В чем раскрывается предмет судебной речи? Дайте определение понятию «тезис» в рамках написания публичного выступления.

Задание 4. Прочитайте поговорки. Выберите одну из них и используйте к качестве тезиса к краткому выступлению. Составьте небольшое выступление в соответствии с композицией речи.

1. Знай более, а говори менее. 2. Шумом праву не быть. 3. Оговорка – не обида. 4. Где много слов, там мало толку. 5. Не все сказывай, что поминается. 6. Живое слово дороже мертвой буквы. 7. Лучше уж недоговорить, чем переговорить. 8. Говорить не думая – что стрелять, не целясь. 9. Короткую речь слушать хорошо, под долгую речь думать хорошо.

Задание 5. Прочитайте первую речь Демосфена против Филиппа. Проанализируйте язык и стиль данной речи.

Тема 5. Основные качества юридической речи

Вопросы

1. Речевая культура юриста.
2. Точность речи.
3. Понятность речи.
4. Чистота речи.
5. Правильность речи.
6. Логичность речи.

При подготовке к ответу на первый вопрос необходимо иметь в виду, что культура речи означает не только умение применять языковые средства для достижения коммуникативных целей, но и проявление авторского подхода и креативности. Это использование слов и грамматических конструкций, которые делают высказывание более точным, эффектным и запоминающимся в контексте конкретной ситуации.

Одним из ключевых аспектов культуры речи является нормативность, которая предполагает соблюдение правил литературного языка и избегание жаргонизмов, диалектов и просторечия. Это помогает выражать мысли четко и адекватно, придавая высказыванию профессиональный характер, который вызывает уважение у адресата.

Высшим уровнем культуры речи является речевое мастерство, которое выражается в умении логично, ясно и убедительно излагать мысли, используя разнообразные лексические обороты и грамматические структуры. Речевое мастерство позволяет выбирать наиболее подходящие слова и фразы для определенной аудитории и ситуации. Также важным аспектом является умение применять риторические приемы для создания эмоционального и психологического воздействия на аудиторию.

Для юриста умение хорошо говорить – это прямая профессиональная необходимость. Прежде всего потому, что профессия юриста требует не только профессионального мастерства, но и широкого общего образования. И

независимо от его коммуникативной роли – составляет ли он законопроекты, ведет дознание, оформляет гражданские сделки, выносит приговоры, защищает права подсудимых, следит за законностью судебных решений, занимается научной работой – он правоведа, разъясняющий гражданам нормы права.

Ежедневно юрист встречается с самыми неожиданными ситуациями, которые требуют от него мудрости в оценке и принятии решений, способных убедить в правильности его взглядов. К тому же, в ежедневной практике юриста встречаются люди самых различных областей профессиональной деятельности и культурного уровня. В каждом случае необходимо найти тот самый тон и формулировки, которые убедят и донесут мысли ясно и грамотно. Неправильное использование языковых средств может привести к недоверию и отрицательной реакции со стороны аудитории, утрате уважения и появлению сомнений в компетентности юриста.

Деятельность юриста обуславливает особые качества речи, необходимые для ее успешного применения в данной сфере. Каково бы ни было дело, ораторское искусство в суде требует логики и убедительности. Доказательность является ключевым аспектом в судебных выступлениях. Всякое высказывание должно быть обосновано и аргументировано. Разъяснить, убедить, доказать – вот три тесно связанные задачи, определяющие содержание судебной риторики.

При подготовке к ответу на второй вопрос необходимо понять, что ясность мысли ведет к точности выражения, что является ключевым элементом качественной речи. Точность в речи выражается в соответствии утверждений реальности (фактическая точность) и гармонии между речью и мыслью (понятийная точность), зависящей от тщательного подбора слов. Поиск понятийной точности заключается в выборе наилучшего выражения, соответствующего задумке говорящего.

Факторы, влияющие на выбор лексических средств:

Отсутствие навыка подбора точных слов ведет к лексическим ошибкам, что приводит к неправильному пониманию и интерпретации сказанного. Следует быть осторожным при подборе слов, чтобы избежать плеоназмов, тавтологий и двусмысленностей, вызванных контекстуальной неопределенностью. Путаница между паронимами, словами, звучащими и пишущимися похоже, но имеющими разные значения, также может привести к неточностям и непониманию. Различать эти тонкости языка поможет улучшение стилистики и сочетаемости слов в речи. Именно точность обуславливает понимание и правильную интерпретацию того, что было сказано в сообщении.

При подготовке к ответу на третий вопрос необходимо знать, что среди требований, предъявляемых к языку говорящего или пишущего, выделяется требование понятности. Соблюдение данного требования важно потому, что оно связано с действенностью, эффективностью речи.

Две основные категории лексики

Профессионализмы – слова и фразы, употребляемые представителями одной профессии (юристы, журналисты, социологи, философы, медики, шахтеры и др.). Они чаще всего не являются официальными терминами, процессом установленными органами нормирования. Профессиональные термины зачастую имеют собственную экспрессивность, что приближает их к жаргонизмам.

Диалектизмы – слова, ограниченные территориально, присущие определенным диалектам и понятные лишь местным жителям.

Жаргонизмы – слова и выражения, принадлежащие какому-либо жаргону, специфическому сленгу. В научно-литературных кругах термин «жаргон» обычно применяется для обозначения различных вариантов использования общенародного языка, служащих взаимопониманию различных социокультурных групп.

Диалектные слова, а тем более жаргонизмы и арготизмы, как правило, недопустимы в речи. Эти элементы ограниченной сферы употребления могут

быть введены в речь только с определённой целью, например, в качестве выразительных средств, подчёркивающих отношение говорящего, но делать это следует осторожно, с пониманием целесообразности и уместности такого применения в каждом конкретном случае.

Особого внимания требует использование ещё одной значительной группы слов ограниченной сферы употребления – терминологической лексики.

Термины – это ключевые слова, которые точно определяют концепцию в специальной области, будь то наука, техника, искусство или общественная жизнь. Часто встречающиеся в речи профессионалов – юристов, инженеров, экономистов, врачей, преподавателей и других – термины могут создавать препятствия, если не используются правильно. Необходимо помнить, что язык постоянно расширяется, и важно уметь объяснять термины, чтобы общение было эффективным и понятным.

Существует несколько способов объяснения слов, используемых лексикографами для составления словарей, преподавателями для обучения студентов и политиками, юристами и дипломатами для толкования документов и законов. Знание этих приемов важно для тех, кто ценит свою речь и хочет ее улучшить.

Наиболее распространенным способом объяснения слов является их логическое определение через указание ближайшего рода и видовых различий. Этот метод позволяет перечислить только отличительные особенности понятия. Например, «Логика – это наука о правильном мышлении», «Педагогика – наука об образовании, воспитании и обучении».

Распространённым является **синонимический способ** – объяснение с помощью слов, различных по звучанию, но имеющих близкое значение.

Довольно часто при объяснении слова применяют **описательный способ**, при котором его смысл передаётся посредством описания самого предмета, понятия, явления.

Поясняя значение слова, иногда хорошо обратиться к его **ЭТИМОЛОГИИ**. Этимология – наука, занимающаяся объяснением происхождения слов. Обращение к ней позволяет глубже понять сущность используемых слов, их точный смысл, границы применения.

При подготовке к ответу на четвертый вопрос следует учесть, что речь юриста, выступающего в суде, должна быть чистой. Чистота речи подразумевает отсутствие излишних слов, ненужных выражений и слов-паразитов. Хотя в языке эти слова не существуют, а становятся таковыми в устной речи благодаря частому и неоправданному использованию. К сожалению, многие люди добавляют в свою речь такие «любимые фразы», как: *так сказать, значит, вот, собственно говоря и т.д.* Это создает крайне негативное впечатление.

Зачастую привычка вставлять в речь какое-либо слово становится отличительным признаком говорящего. Если он является публичной личностью или занимает высокий пост, должность, то такая особенность становится предметом насмешек и пародирования.

Слова-сорняки не несут никакой информативности, они только затрудняют восприятие речи, отвлекают от основного содержания высказывания. Также слова-сорняки оказывают психологическое влияние на слушающих, которые начинают подсчитывать количество таких слов в речи говорящего.

Основанием появления слов-сорняков в речи порой является волнение и неумение мыслить публично, но главной причиной является, конечно, бедность лексикона, индивидуально словаря коммуникатора. Расширение собственного словарного запаса повышает качество речевой деятельности и шансы на успех в произношении публичной речи.

При подготовке к ответу на пятый вопрос необходимо уяснить, что в судебной речи, как важном инструменте обеспечения правосудия, играет решающую роль правильность выражения. Эта точность языка

обеспечивается соблюдением широко принятых норм литературной речи. Языковые стандарты представляют собой устоявшиеся в обществе и закреплённые правилами варианты произношения, употребления слов, правописания, а также расстановки знаков препинания и словообразования. Эти нормы сформировались в течение времени в языке как результат отбора наиболее уместных вариантов, отражая реальные тенденции языкового развития. Они характеризуются относительной стабильностью и обязательностью для использования. Соблюдение лексических норм способствует точности выбора слов, а орфоэпические и акцентологические нормы создают единство звучания речи. Грамматические нормы (морфологические и синтаксические) регулируют единообразие форм и сочетаний слов. Стилистические нормы придают выразительность речи с помощью эмоционально и функционально окрашенных языковых средств.

При подготовке к шестому вопросу необходимо знать и соблюдать основные законы формальной логики, которым необходимо следовать в процессе составления и произнесения публичной речи.

Логические законы самостоятельны и действуют вне зависимости от воли и желания людей в любом процессе познания, они отражают естественные процессы и явления реального мира:

тождества

"Каждая мысль в процессе данного рассуждения должна иметь одно и то же определенное, устойчивое содержание"

противоречия

"Две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, не могут быть одновременно истинными"

исключения

третьего

"Из двух противоречащих высказываний в одно и то же время и в одном и том же отношении одно непременно истинно"

достаточного основания

"Всякая правильная мысль должна быть обоснованна другими мыслями, истинность которых доказана"

Таким образом, требования законов формальной логики кратко можно выразить так: правильное рассуждение должно быть определенным, т.е. ясным и четким, последовательным и непротиворечивым, обоснованным и доказательным.

Задания

Задание 1. Подготовьте краткое выступление на тему «Бранные слова в лексике современного русского языка». Опишите причины распространения данной лексики и пути решения проблемы.

Задание 2. Составьте ассоциативные ряды по темам: «ораторское искусство», «речевое общение», «культура речи».

Задание 3. Подберите русские синонимы иноязычным лексическим единицам:

Амбиция, анализ, мемуары, библиотека, пунктуальный, вердикт, реставрация, вестибюль, лексикон, вокальный, импорт, детальный, фауна, экспорт, флора.

Задание 4. Разграничте паронимы:

Бережный – бережливый, столб – столп, тяготится – тяготеет, удачный – удачливый, обидный – обидчивый, понятный – понятливый, хозяйский – хозяйственный, соседский – соседний.

Задание 5. Объясните значение иноязычных слов:

Адаптация, альянс, апартеид, беспрецедентный, брифинг, геноцид, декларация, диссидент, догматизм, инсинуация, конгломерат, мораторий, пакт, статус-кво, хунта.

Задание 6.

Прочитайте речь Ф. Н. Плевако в защиту Каструбо-Карицкого. Проанализируйте язык и стиль данного выступления. Укажите, какие средства речевой выразительности использованы автором. В чем, на ваш взгляд, состоит пафос речи?

Тема 6. Общение в юридической практике

Вопросы

1. Сущность общения и факторы, его определяющие
2. Характеристика и содержание общения
3. Коммуникативная компетентность. Стратегии и тактики общения
4. Профессиональная коммуникация сотрудников органов внутренних дел

При подготовке к ответу на первый вопрос необходимо учитывать, что изучением тех или иных сторон общения заняты разные науки: философия и психология, психиатрия и этология, социология и информатика.

Общение представляет собой процесс взаимодействия, включающий минимум два человека, направленный на взаимное познание, установление и развитие отношений, воздействие на взгляды, состояния и поведение друг друга, а также на согласование их совместной деятельности.

Человек – социальное существо, его жизнедеятельность и развитие невозможны без общения и взаимодействия с другими представителями homo sapiens.

Главная цель общения — обмен информацией различного рода.

Специфика межличностного общения проявляется в различных аспектах: в наличии или отсутствии обратной связи, возникновении и устранении коммуникативных барьеров, в речевом воздействии, а также в различных способах передачи информации.

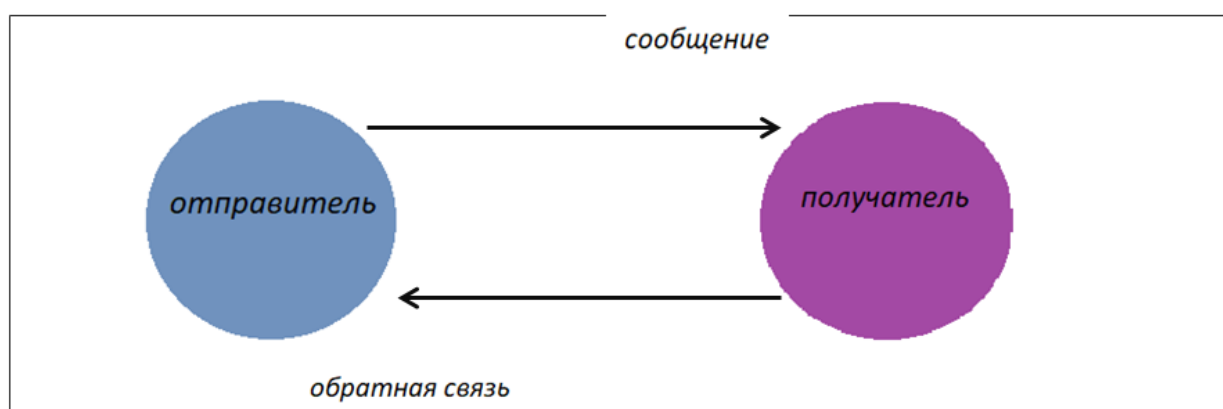
Очевидно, что общение и обмен информацией между людьми осуществляются не только с помощью языка.

Средства передачи информации от человека к человеку

↓
вербальные

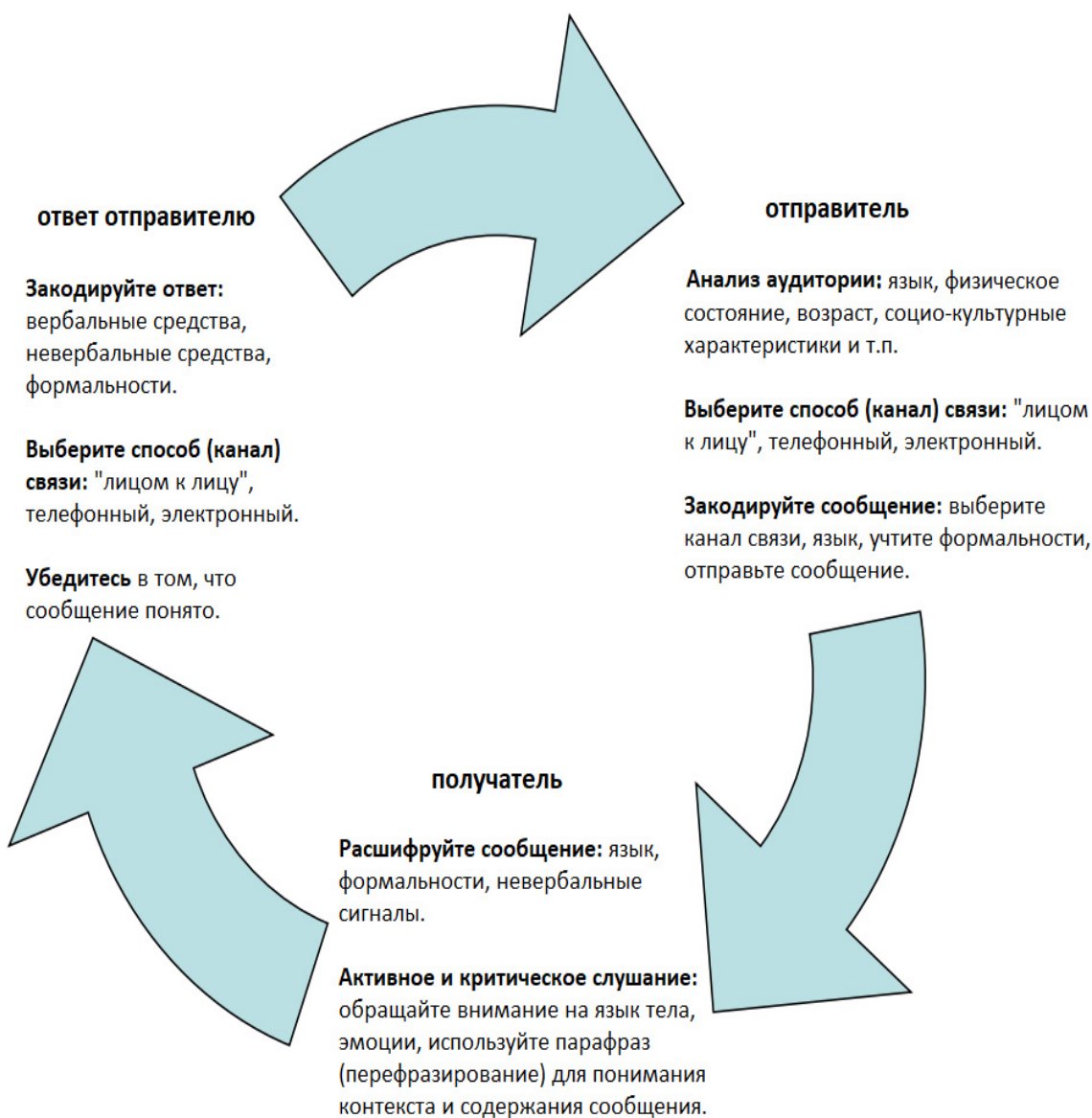
↓
невербальные

Обратная связь представляет собой информацию, содержащую реакцию получателя на действия коммуникатора. Она имеет целью помочь собеседнику понять, как его поступки воспринимаются другими людьми и какие чувства они вызывают.

Другими значимыми элементами речевого взаимодействия являются *речевое событие* и *речевая ситуация*, которые определяют контекст высказывания, помогая понять его смысл.

Речевое событие включает словесную речь (то, что говорится, сообщается), и то, что её сопровождает (жесты, мимика, движения), а также условия, обстановку, в которой происходит речевое общение между участниками.

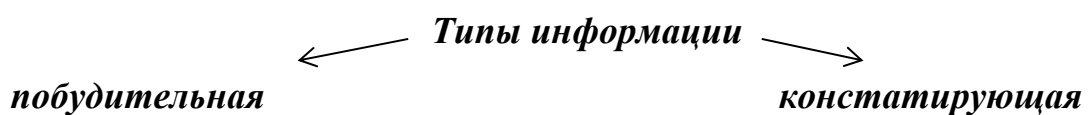

Речевая ситуация описывает время, место и участников общения, уточняя значение грамматических категорий и обогащая понимание сообщения.

При подготовке к ответу на второй вопрос важно учитывать *структуру общения*, которую можно описать через три взаимосвязанные сферы:

Это напоминает о том, что общение – *комплексный* процесс, включающий различные аспекты. Взаимодействие между партнёрами в общении – это не просто обмен информацией, но и активный и интенсивный процесс передачи знаний, мнений и чувств. *Речь* играет ключевую роль в этом процессе, поскольку является не только средством донесения информации, но и инструментом воздействия на участников общения.

Этапы общения:

- 1. Потребность в общении (необходимо сообщить или узнать информацию, повлиять на собеседника и т. п.) – побуждает человека вступить в контакт с другими людьми.*
- 2. Ориентировка в целях общения, в ситуации общения.*
- 3. Ориентировка в личности собеседника.*
- 4. Планирование содержания своего сообщения – человек представляет себе (обычно бессознательно), что именно скажет.*
- 5. Бессознательный (иногда сознательный) выбор конкретных языковых средств и линии поведения.*
- 6. Восприятие и оценка ответной реакции собеседника, контроль эффективности общения на основе установления обратной связи.*
- 7. Корректировка направления, стиля, методов общения.*

Если одно звено в процессе общения нарушено, говорящий сталкивается с неспособностью достичь запланированных целей общения, что делает ситуацию менее результативной.

Освоение всех перечисленных компонентов способствует развитию «социального интеллекта», «практически-психологического ума», «коммуникативной компетентности», «коммуникабельности».

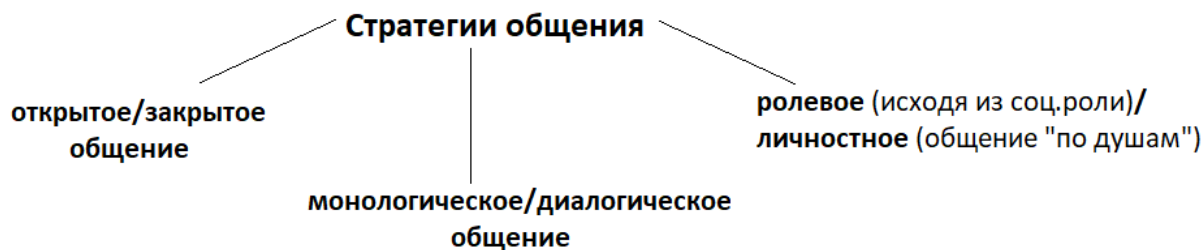
При подготовке к ответу на третий вопрос следует отметить, что *если в процессе коммуникации не достигается взаимопонимания*, то общение становится неэффективным.

Эффективное, этичное и успешное общение зависит от уровня владения коммуникативной компетентностью.

Коммуникативная компетентность подразумевает способность устанавливать и поддерживать эффективное общение в различных ситуациях межличностного взаимодействия.

Причины неудачной коммуникации:

- *стереотипы* — упрощенные мнения относительно отдельных лиц или ситуаций, в результате нет объективного анализа и понимания людей, ситуаций, проблем;
- *«предвзятые представления»* — склонность отвергать все, что противоречит собственным взглядам, что ново, необычно («Мы верим тому, чему хотим верить»). Мы редко осознаем, что толкование событий другим человеком столь же законно, как и наше собственное;
- *плохие отношения между людьми*, поскольку если отношение человека враждебное, то трудно его убедить в справедливости вашего взгляда;
- *отсутствие внимания и интереса собеседника*, а интерес возникает, когда человек осознает значение информации для себя (с помощью этой информации можно получить желаемое или предупредить нежелательное развитие событий);
- *пренебрежение фактами*, т. е. привычка делать выводы-заключения при отсутствии достаточного числа фактов;
- *ошибки в построении высказываний*: неправильный выбор слов, сложность сообщения, слабая убедительность, нелогичность и т. п.;
- *неверный выбор стратегии и тактики общения.*

Стратегия общения раскрывается в многообразии речевых приемов и тактик, которые способствуют достижению желаемого результата в каждом

отдельном случае. Так, например, в повседневной беседе и в бизнесе будут актуальны совершенно разные языковые средства. Когда речь идет о воздействии на разные группы общества, необходимо выбирать индивидуальные методы коммуникации, помня о том, что универсальных решений не существует.

При подготовке к ответу на четвертый вопрос необходимо запомнить, что важное отличие деятельности сотрудников внутренних дел от остальных видов деятельности заключается и в том, что она протекает в экстремальных условиях. Это не только общение с необычными людьми и столкновение с острыми моментами в опасных ситуациях.

Существуют основные концепции общения, способствующие разработке речевых стратегий и снятию межличностных барьеров: *эмпатия, активное и критичное слушание, вербальная и невербальная коммуникация и управление конфликтами.*

Знание этих концепций и владение ими особенно актуально и необходимо в ситуации взаимодействия сотрудников органов внутренних дел и граждан. Именно комплексное применение языковых умений и навыков, отражающих эти идеи, обеспечивает этичное, компетентное и продуктивное общение.

В своей профессиональной деятельности сотрудник полиции часто сталкивается с конфликтными ситуациями во всем их многообразии: от недовольства соседей до крупных общественных беспорядков или трагедий, а также всевозможных инцидентов, требующих немедленного и грамотного реагирования. Именно в умении управлять конфликтами проявляется способность устранять негативные факторы, влияющие на коммуникацию.

Основные принципы эффективного реагирования на конфликты, применимые в юридической практике или полицейской среде:

1. Оценивайте ситуацию, наблюдая за невербальными сигналами и анализируя их значение. Используйте критическое слушание.

2. Старайтесь быть профессионалом и сохранять объективность, не реагируйте эмоционально, сохраняйте уверенность в себе.

3. Проявляйте эмпатию и неподдельный интерес по отношению к собеседнику.

4. Изложите свое понимание проблемы. Задавайте вопросы, чтобы прояснить суть проблемы. Используйте вопросы, чтобы сохранить контроль над ситуацией.

Модель управления конфликтами применима ко многим коммуникативным ситуациям. Каждый этап позволяет применять активное слушание, вербальные и невербальные средства, эмпатию, социокультурное понимание к множеству уникальных ситуаций и контекстов, с которыми сталкивается сотрудник полиции в своей деятельности. Следование этой модели помогает *продемонстрировать уважение к собеседнику, профессионализм, а также сохранить контроль над процессом общения.*

Прогнозирование или предвидение воздействия высказывания на человека требует особых умений: знания психологии и умелого выбора языковых средств, адекватных целям, условиям, ситуации общения; учета соответствия вербальных и невербальных средств общения.

Общественный имидж играет значимую роль в работе сотрудников органов внутренних дел.

Люди могут формировать свое восприятие опосредованно, через то, что они слышат от друзей и родственников, посредством того, что они видят в новостях и средствах массовой информации. Так, например, негативное представление о полицейских создаст напряженность в ситуации общения.

Поэтому Министерство внутренних дел настаивает на безупречном служебном поведении своих сотрудников, а также на необходимости соблюдения этических норм и правил культуры речи.

Речевая культура представителей органов внутренних дел заключается в умении использовать все разнообразие средств системы языка и

оптимальном их применении в различных коммуникативных ситуациях с учетом *профессиональных целей и задач*.

Сотрудникам органов внутренних дел необходимо *владеть различными видами этикета* (профессиональным, речевым и т.д.), так как это способствует установлению позитивной атмосферы в общении и налаживанию хороших межличностных отношений.

Сотрудник органов внутренних дел постоянно подвергается оценке со стороны окружающих, и мнения о нем, выраженные в оценочной форме, не остаются незамеченными даже людьми, не имеющими лингвистической подготовки.

Культура речи начинается с уважения к аудитории и понимания своей *ответственности* за передаваемую информацию. Развитие навыков в области речевой культуры имеет профессиональное значение для успешной работы в органах внутренних дел, поскольку *язык является неотъемлемым инструментом юридической практики*.

Задания

Задание 1. Оцените с точки зрения современного этикета правила, рекомендованные «Эрмитажным уставом», разработанным при Екатерине II.

– Нельзя прерывать речь того, с кем ведешь беседу, независимо от его ранга.

– Не следует публично порицать третьих лиц.

– Разрешается вести споры, но без злословия; говорить следует умеренно и не очень громко, дабы у прочих тамо находящихся уши и голова не заболели.

– Ссоры из избы не выносить, а что зайдет в одно ухо, то бы вышло в другое прежде, нежели выступите из двери.

Задание 2. Замените недопустимые в деловом общении по телефону выражения на другие, выражающие ту же мысль, но в более мягкой форме.

Образец: Я не знаю → я сейчас узнаю, я постараюсь узнать, к сожалению, в данный момент я не могу вам точно сказать, но...

Мы этого не можем сделать. У нас этой модели нет. Позвоните завтра. Подождите. Мы такую работу не выполняем. Понятия не имею. Это не моя обязанность.

Задание 3. Сравните два текста. Какие правила убеждения были нарушены в разговоре с директором в тексте 1 и применены в тексте 2.

Текст 1.

Сотрудница обращается к своему руководителю.

- Сергей Николаевич, я бы хотела взять отпуск в июле.
- Людмила Ивановна, у вас отпуск по графику в сентябре.
- Да, но я прошу в июле, потому что у моего мужа отпуск в июле и мы бы хотели поехать вместе на море отдохнуть, мы так давно там не были!
- Все хотят. Ничем не могу помочь вам.

Текст 2.

- Сергей Николаевич, могу я сейчас поговорить с вами?
- Да, что у вас?
- Зимой был выработан график отпусков на этот год? Он сейчас в силе?
- Да, безусловно!
- А можно ли меняться между собой временем отпуска?
- Можно, если это не оголит никакого участка работы.
- Я договорилась с Ивановой (у нее отпуск в июле) поменяться со мной на полмесяца, если вы разрешите взять нам отпуска с разрывом, в два приема. По семейным обстоятельствам мне нужно хотя бы две недели в июле.
- А что ваши непосредственные руководители?
- Они согласны.

– Хорошо, пишите ваше заявление, но только завизируйте их у ваших руководителей... Я подпишу.

Задание 4. Прочитайте диалоги. Какие цели общения достигнуты, какие – нет? Можно ли назвать общение эффективным? Почему?

I. Дочь смотрит телевизор, входит мама:

– Катя, сходи в магазин, скоро ужин, а у нас хлеба нет...

– Ну вот... Вечно так, как по телевизору КВН, так мне то за хлебом надо идти, то ведро выносить, то с собакой надо гулять... И все надо, надо...

– Конечно, надо, ведь в жизни у каждого есть свои обязанности, хотим мы этого или не хотим... Я вот тоже после работы вместо того, чтобы ужин готовить, лучше бы отдохнула, полежала, посмотрела телевизор. Я КВН тоже очень люблю. Но ужинать-то надо.

– Мам, а давай мы досмотрим вместе, а потом я быстренько сбегаю в киоск за хлебом и вместе приготовим ужин! Как тебе мое предложение?

– Принимается.

II. Мальчик кричит из окна другу в доме напротив:

– Серега! Серега!

– А?

– Что задано по ботанике?

– А? Что? Не слышу! Громче!

– Что, спрашиваю, по ботанике задано?

– А? Что задано? По математике? Сейчас посмотрю. Пятьдесят шестое задание.

– Шестьдесят шестое?

– Нет, пятьдесят шестое!

– Понял, шестьдесят шестое.

III. В маршрутном такси:

– Передайте водителю! (Передает деньги.)

– А почему Вы со мной так грубо разговариваете?

– А что тут грубого? Вам что, трудно передать? Вы же рядом сидите!

Первый пассажир молча передает деньги и отворачивается.

Задание 5. Найдите недочеты в речи юристов. Объясните характер допущенных ошибок.

а) Прокурор: Уважаемый суд! Сегодня мы рассмотрим уголовное дело по обвинению У. И. Сапрыкина. Инициатор преступления вину полностью признал. Доминирующим в его деле является факт раскаяния и активное способствование раскрытию преступления. Вносит корректив в это дело тот факт, что подсудимый находился в состоянии аффекта.

б) Адвокат: Вы сами обращались к подсудимому по вопросу приобретения фармзавода на торгах?

Свидетель: Нет.

Адвокат: Прошу учесть, что данное приобретение не может быть рассмотрено в качестве доказательства проявления изменения волеизъявления арендодателя в отношении договора в рамках предъявленного обвинения.

в) Прокурор: развернутая перед вами картина во всей своей силе, во всем объеме, во всей полноте изображает такое обращение с ребенком, которое нельзя не признать издевательством во всех формах, во всех смыслах, во всех отношениях ... То, что вы слышали, это ужасно, это трагично, это превосходит всякие пределы, это содрогает все нервы, это поднимает волосы дыбом.

г) Защитник: Почему вы схватили первый попавший предмет и ударили Александрова?

Подсудимый: Не знаю.

Защитник: Вы, как лицо, находящее в здравом уме, могли предположить последствия своих действий?

Подсудимый: Да.

д) Адвокат: Сегодня мы рассмотрели уголовное дело по обвинению Т. М. Кузьминой. Человек должен поступать так, чтобы не причинять зла другим, позволять себе быть лицом, подрывающим устои общества.

е) Истец: Сессия горсовета проводилась под давлением первого зама председателя обл администрации. Он...

Судья: Это ваши оценочные понятия. Нас интересуют факты. Под давлением, без давления, улыбаясь, плача – это ваши оценки.

Истец: Депутаты не были проинформированы и поэтому ...

Судья: Опять-таки это оценочные понятия.

ж) Судья (после объяснений ответчика обращается к истцу): У вас вопросы к ней есть?

Истец: Вы говорите, что я не обращался к вам. Я обратился и получил отказ.

Судья: Она и говорит, что вы обращались к делу, а обжалуете действия директора.

з) Судья (обращаясь к истцу): Вы не отнесете повестку ответчику?

Истец: Уважаемый судья, он ни разу в суд не явился. Сколько я буду за ним бегать?

Судья: Значит, вы меня поняли. Или сами здесь, или роспись на повестке. Второго нет.

и) Судья (обращаясь к юристу ООО “Сапфир”). Ну, все-таки вы должны возмещать какой-то ущерб или нет, Сапфир?

к) – Здесь присутствуют представители ПУ?

– ...

– Еще раз спрашиваю: из ПУ есть кто-нибудь?

– ...

– Значит, будем начинать заседание без ПУ. Может быть, сотрудники педагогического университета подойдут позже.

– Господин председатель, мы здесь. Извините, не поняли, что вы обращаетесь к нам.

Тема 7. Основы ораторского мастерства

Вопросы

1. Основы ораторского искусства.
2. Оратор и его аудитория.
3. Подготовка речи: выбор темы, цель речи, поиск материала; начало, развертывание и завершение речи.
4. Приемы управления аудиторией.

При подготовке к ответу на первый вопрос необходимо знать, подробно теория ораторского искусства была изложена еще в античности.

Умение профессионально владеть словом всегда ценилось обществом. Особенно велика роль красноречия в сфере политики, общественной деятельности, судебной практике.

Чезаре Маккари Цицерон осуждает Катилину. 1889.

Вспомним, что риторика имеет черты науки и искусства; касается публичного и межличностного общения, устных и письменных текстов; предполагает эффективное речевое воздействие; затрагивает логику, чувства и мораль; убеждает, внушает и услаждает.

Качества хорошей речи:

- определенность речи;
- последовательность речи;
- обоснованность и доказательность речи.

Великий Аристотель (384-322), известный как «отец риторики», в своем трактате «Риторика» помещает размышление по поводу того, какие *виды речей* встречаются в той исторической реальности, которую он мог анализировать. Как истинный ученый, Аристотель подходит теоретично к этому вопросу. Он говорит о том, что *всякая речь слагается из трех важнейших компонентов*:

- 1) оратора (т.е. того, кто произносит речь);
- 2) слушателя (того, кто воспринимает речь);
- 3) непосредственно из самого выступления (ораторской речи).

Далее он выделяет следующие виды речи: *совещательные, судебные и эпидейктические*.

На основании чего Аристотель выводит эти виды? Он обращает внимание, во-первых, на *цели* речи и *метода*; во-вторых, на *ценности*, которые лежат в основании этих речей; в-третьих, на *временной* фактор.

<i>вид речи</i>	<i>временная ориентация</i>	<i>метод</i>	<i>цель</i>	<i>аудитория</i>
совещательная	будущее	убеждение или разубеждение	убеждение совета в (не)целесообразности обсуждаемого решения	лица, принимающие решение (законодатель/избиратели)
судебная	прошлое	обвинение или оправдание	эффективное воздействие на суд	лица, принимающие решение (судья/присяжные)
эпидейктическая	настоящее	похвала или порицание	создание определенной эмоции	зрители, наблюдатели, очевидцы

➤ *Подумайте, почему Аристотель соотнес совещательные речи с будущим, судебные – с прошлым, а эпидейктические – с настоящим.*

Классификация современного красноречия представлена Г.З. Апресяном, который выделяют следующие роды красноречия:

- социально-политическое;
- академическое, судебное;
- социально-бытовое;
- духовное, или церковно-богословское;
- военное;
- торгово-деловое.

Данная классификация достаточно полно отражает современное ораторское искусство, хотя не охватывает всех видов. В частности, в ней не представлены дискуссионные и полемические речи.

При подготовке к ответу на второй вопрос следует обратить внимание на то, что успех или неуспех выступления зависит от умений оратора и характеристик аудитории. Эффективным считается выступление, которое заинтересовало более 50 процентов слушателей.

В ходе речевой деятельности ратора складывается его *устойчивый образ*. Этот образ складывается как отношение индивидуального стиля к представлению общества о риторическом идеале и проявляется в аспектах *логоса, этоса и пафоса*.

Определение		
ЛОГОС – словесные средства, использованные в данной коммуникации при реализации замысла речи и доступные получателю речи.	ЭТОС – условия (тема, форма, содержание, значимые проблемы, протяженность речи, этические требования), которые получатель ставит перед создателем речи.	ПАФОС – замысел создателя речи, имеющего цель развить перед получателем речи тему в пределах определенного места и времени, эмоциональности речи.
Цель		
Аргументация посредством апелляции к рассудку, последовательностью доводов, построенных по законам логики в определенной системе, приемлемой и убедительной для аудитории.	Убеждение посредством апелляции к признаваемым аудиторией моральным принципам и ценностям (справедливость, честность, уважение к святыням, преданность родине и т.д.).	Возбуждение эмоции страсти, на базе которой происходит убеждение, подъем, воодушевление, т.е. становится возможным какое-либо решение и целесообразное действие.
Особенности		
Фактор проникновения мысли говорящего в сознание аудитории	Этическое и нравственно-философское начало	Источник создания смысла речи и объединения аудитории
Совершенство мастерства речи, выразительность	Выражение своего мнения всеми участниками.	Защита своей позиции, своего понимания истины.

Аудитория оценивает ратора по его высказываниям. Так, оцениваются не только правильность и красота высказываний, но и их продуктивность и конструктивность.

Кроме того, оратор должен определить *специфику аудитории*, перед которой ему предстоит произносить речь, и учесть это при создании текста и использовании специальных невербальных коммуникативных средств.

Критерии анализа аудитории:

- повод собрания аудитории;
- однородность или неоднородность аудитории;
- социально-культурные характеристики;
- интеллектуальные характеристики (степень подготовленности);
- количественные характеристики.

При подготовке по третьему вопросу следует изучить *законы построения речи*.

Древними риториками был разработан специальный механизм для создания убедительной речи, преобразования внутренней речи во внешнюю; некую модель действий, обеспечивающих эффективное решение целей, которые автор ставит, определяя и раскрывая тему. Это проверенная веками схема лежит в основе создания любого текста. Знание этой модели необходимо. Канон предлагает *5 этапов*, каждый из которых представляет собой определенное действие, помогающее лучше, точнее выразить мысль.

I. Инвенция – первый этап подготовки речи, на котором оратор должен определить, *о чем* он будет говорить, то есть определить *предмет речи, ее тему и тезисы*.

Замысел речи: предмет и тема

- предмет шире, тема определеннее;
- тема должна быть **интересной** для оратора;
- тема должна быть **известной** для оратора;
- тема находится на **стыке интересов** оратора и аудитории

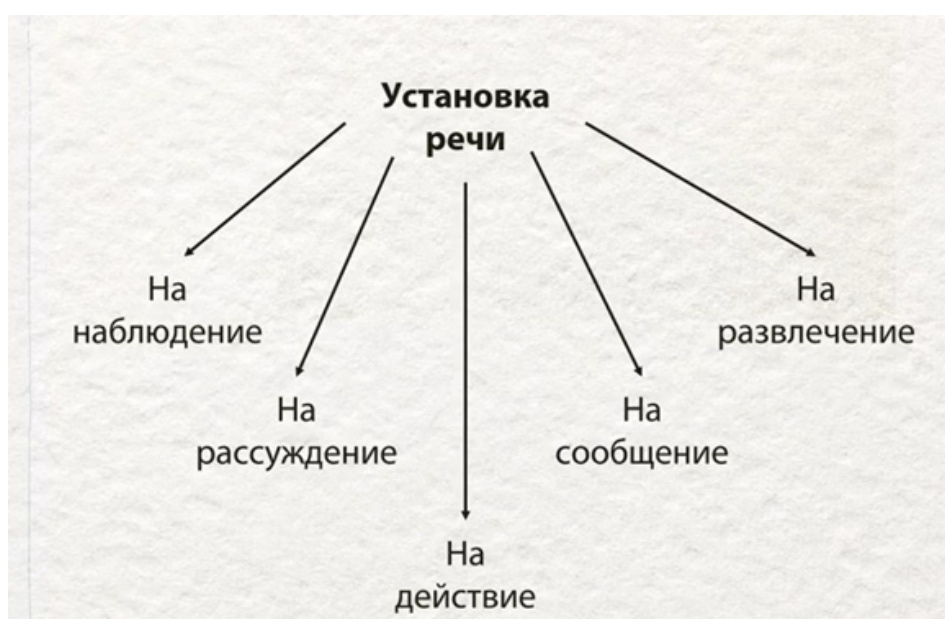
Замысел речи: тезис и проблема

- тезис – основная мысль речи;
- тезис – решение проблемы;
- тезис нуждается в доказательстве;
- тезис может быть истинным или ложным
- тезис нужно формулировать корректно и понятно;
- тезис должен быть приемлемым для аудитории.

Если оратор не задумывается о том, **что** он говорит, его выступление не будет иметь успеха.

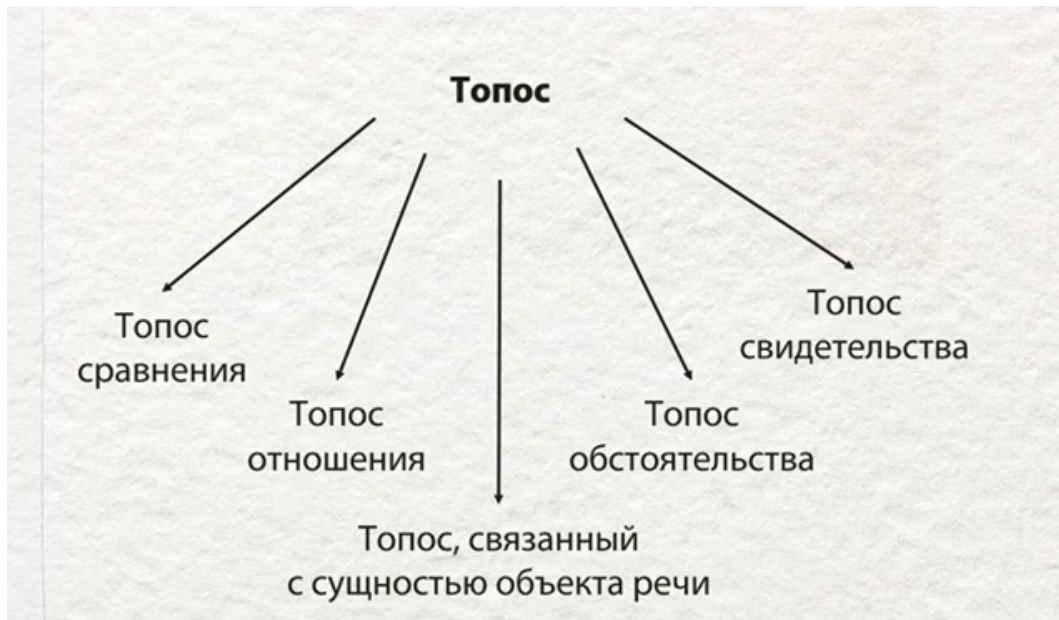
Цель речи может быть сформулирована не только для себя, но и для своих слушателей. Это будет способствовать лучшему пониманию ораторской речи. Важно также помнить, что *тема и цель соотносятся с конкретным видом речи*.

На этом же этапе можно *определить установку и круг вопросов*, которые будут соответствовать специфике аудитории, перед которой предстоит выступить оратору.

Важным разделом инвенции является *топика*, то есть риторическое учение о *содержательной* стороне речи. Она представляет собой некие общие алгоритмы развертывания речи, набор правильных, уместных суждений и аргументов, с помощью которых мыслит каждый человек. В риторике такие схемы из-за своей обобщающей природы получили название *общих мест*, или *топов* (др.-греч. τόπος – «место»).

Впервые учение о топосах как об *универсальных смысловых моделях, позволяющих определить и раскрыть тему*, предложил **Аристотель**. Таких топов в классической риторике выделялось до сорока. Приведем лишь несколько в качестве примера:

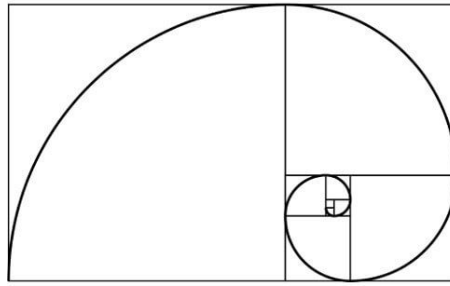

Стоит отметить, что отвлеченная идея, представляющая собой топос, может быть положена в основу *рассуждения, повествования, описания*. Кроме того, на основе топоса строится *аргумент*.

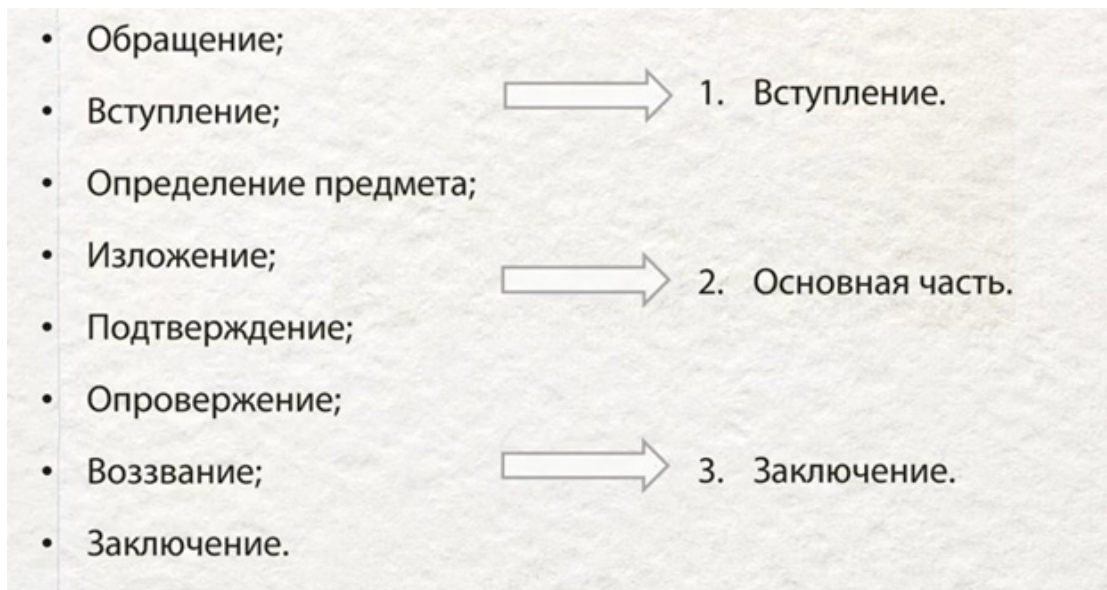
II. Диспозиция (или композиция) в классическом каноне – это искусство *организации* сообщения, развертывания речи.

Диспозиция – это наука *развития мысли*, которая дает ощутить *сообщение как процесс*.

Основным требованием диспозиции является *установление четкого членения сообщения* и *обеспечение внутренней связности* между его частями.

Для публичной речи античными риториками была разработана особая композиция, состоящая из восьми частей. Особый вклад внес **Квинтилиан**. Он предложил восьмичастную структуру, ставшую классической.

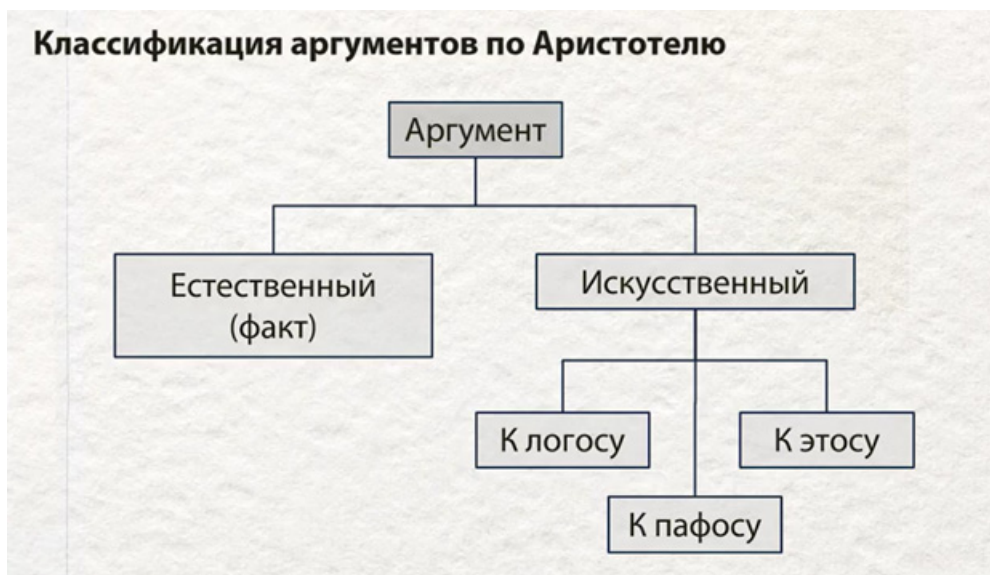
Можно представить эту структуру и в более редуцированном варианте.

Современная филология следующие *виды композиции*: линейная, ступенчатая, концентрическая, параллельная, дискретная, кольцевая, контрастная.

В зависимости от жанра *композиция может быть жесткой* (справки, заявления) *и вариативной*, когда автор может менять местами фрагменты текста.

Наиболее значимый раздел диспозиции – *аргументация*. Именно она занимает большую часть выступления. *Теорию аргументации* разработал **Аристотель**. Под ней подразумевается процесс приведения доказательств, объяснений, примеров и т.п. для обоснования какой-либо мысли.

Классификация аргументов по Аристотелю

Аргументы – это доказательства, приводимые в поддержку или опровержение тезиса (главного утверждения оратора, которое он старается обосновать). Поэтому от тезиса к аргументу можно задать вопрос «почему?».

Риторическая аргументация отличается от собственно логической:

- учитывается роль оратора и аудитории;
- такая аргументация может опираться на мнения;
- включает в себя этику и психологию;
- доказывает лишь общественно значимые положения.

Важно отметить, что *аргументы следует приводить в системе*, а это значит, что необходимо продумать, с каких аргументов риторю стоит начать свое доказательство (или опровержение), какими закончить.

Сила и убедительность аргументов – понятие относительное, так как многое зависит от ситуации, эмоционально-психического состояния слушателей и многих других факторов (пол, возраст, статус, национальные особенности, конфессиональная принадлежность и т.д.).

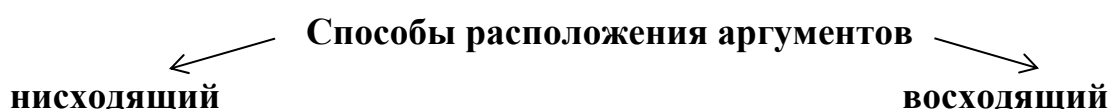
Однако можно выделить ряд типовых аргументов, которые считаются сильными в большинстве случаев:

- 1) научные аксиомы;
- 2) положения законов, официальные документы;
- 3) законы природы, а также выводы, подтвержденные экспериментально;

- 4) ссылки на признанные авторитеты, цитаты из проверенных и авторитетных источников;
- 5) показания очевидцев и свидетелей;
- 6) данные статистики, заключения экспертов и т.п.

Слабые аргументы могут использоваться в качестве дополнения к сильным. Для публичной речи количество аргументов может быть не более трех. Каждый аргумент должен быть тщательно продуман.

Латинская поговорка гласит: «доказательства стоит не считать, но взвешивать».

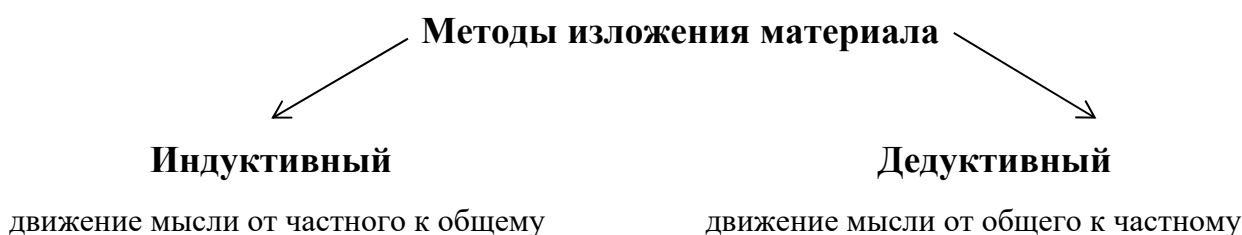

Эти два способа различаются по тому, как предложенные аргументы ослабляют или усиливают речь.

Нисходящая аргументация заключается в том, что сначала оратор приводит наиболее сильные аргументы, затем менее сильные, а завершает выступление эмоциональной просьбой или побуждением.

Восходящая аргументация предполагает, что логические аргументы и накал чувств усиливаются к концу выступления.

Следует также помнить о том, что *нарушение формальных логических законов* (смотрите главу 8) ослабляет и обесценивает ваше доказательство.

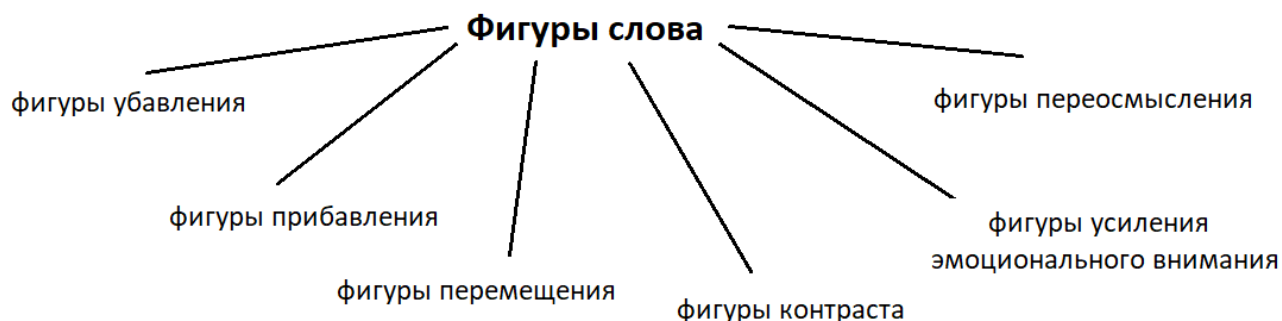
«Всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, – у неё должно быть тело с головой и ногами, причём туловище и конечности должны подходить друг другу и соответствовать целому», – Платон.

Таким образом, все части и компоненты речи должны соотноситься *по цели, стилистическим особенностям, сочетанию рациональных и эмоциональных элементов*. Именно благодаря этому достигается *цельность речи*.

III. Следующим этапом подготовки речи является *элокуция*, или её «украшение».

Продумывая композицию основной части выступления, оратор должен определить, *какие риторические приемы* он будет использовать с целью привлечения внимания слушателей.

Аристотель писал о том, что «необходимо навести блеск» речи, то есть так ее обработать, чтобы была возможность индивидуальные особенности создателя речи, его художественное мастерство, продемонстрировать владение приемами и средствами выразительности и т.д. Помимо этого, на данном этапе улучшается *качество речи*, устраняются различные ошибки, стилевые несоответствия и т.д.

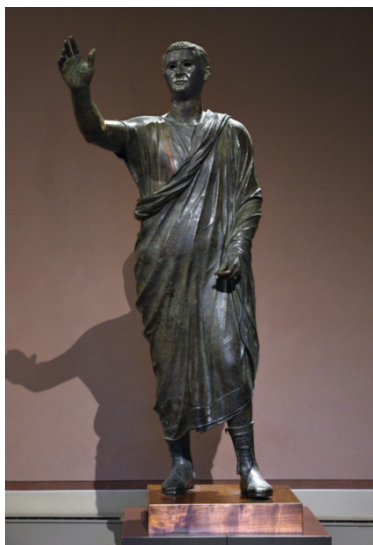

IV. После тщательной проработки и редактирования текста будущего выступления на этапе *мемория (запоминание)* необходимо выделить

ключевые фрагменты и выучить их. Оратор работает над техникой речи и осваивает приемы запоминания больших объемов текстовой информации.

V. Под *акцио* понимается *произнесение* речи перед публикой. На данном этапе важно использование актерского мастерства: владение голосом (его акцентно-интонационным богатством), мимикой и т.п. Оратору следует продумать свое поведение перед публикой, отрепетировать выступление.

Данный алгоритм действий является универсальным при создании любой речи.

Оратор. Конец II – начало I в. до н.э.

При готовности к ответу на четвертый вопрос, стоит помнить об исключительной важности для оратора проявления искренней доброжелательности, уважения и речевой компетентности в общении с аудиторией.

Нравственно-этический критерий – одно из главных требований, предъявляемых оратору.

Профессиональный подход к выступлению подразумевает способность работать с различными типами слушателей.

Контакт со слушателями

интеллектуальное
сопереживание

эмоциональное
сопереживание

Кроме того, существуют специальные *речевые действия*, которые способствующие установлению контакта с аудиторией: *обращение, приветствие, комплимент, прощание, а также различные морфологические, синтаксические и стилистические средства языка.*

Выработано множество приемов, помогающих управлять вниманием слушателей. В качестве примеров можно предложить некоторые из них:

прямое требование внимания	обращение к публике с неожиданным вопросом	тайна занимательности (предмет речи сообщается не сразу)
вопросно-ответный ход	апелляция к интересам аудитории	прямое требование внимания
юмор	использование интонационных и голосовых возможностей	паузы

Важно помнить, что соблюдение принципа уместности, этических норм и логических законов, знание психологии, а также несение *ответственности* за сказанное являются ключевыми факторами убедительного и успешного публичного выступления.

Задания

Задание 1. С кем из двух величайших мыслителей древности – Демосфеном или Цицероном – вы согласны в определении требований к личности оратора?

...Ценность представляет не сама по себе речь оратора и не звучность его голоса, а то, насколько он разделяет точку зрения народа и насколько ненавидит и любит тех же людей, каких и отечество (Демосфен, речь «О венце»);

...Оратор должен обладать остроумием диалектика, мыслями философа, словами чуть ли не поэта, памятью законоведа, голосом трагика, игрою такой, как у лучших лицедеёв (Цицерон, трактат «Об ораторском искусстве»).

Сформулируйте ваше представление об идеальном современном ораторе.

Задания 2. Раскройте специфику основных и наиболее важных топосов.

Задание 3. Пользуясь топами «род и вид» и «разновидности», «размножьте» следующие идеи: Дружба. Зависть. Любовь. Страх. Страсть.

Задание 4. Подготовьте рассказ, используя предложенные топосы (на выбор):

1. топосы «определение», «род и вид», «сопоставление»;
2. топосы «обстоятельства» и «сопоставление».

Задание 5. Дайте характеристику фигурам слова, перечисленным в пункте 3. Приведите примеры.

Задание 6. Используя следующий фрагмент из речи Д. И. Менделеева, приведите примеры метафоры, олицетворения, антитезы, риторического вопроса, инверсии. Укажите основную мысль (тезис).

И если этот фонарь знания внесете в Россию, то вы сделаете в самом деле то, что от вас ожидает Россия, ибо от чего же зависит ее благосостояние? От чего зависит богатство или бедность ее народа и ее международная свобода? Ведь только независимость экономическая есть независимость действительная, всякая прочая есть фиктивная.

Задание 7. Опишите приемы управления аудиторией.

Задание 8. Составьте фрагмент защитительной речи, в которой увяжите положительную характеристику личности подзащитного с мыслями о необходимости его оправдания или смягчения наказания.

Задание 9. Составьте фрагмент обвинительной речи, увязав отрицательную характеристику личности подсудимого с существом рассматриваемого судебного дела.

Задание 10. Прочитайте «Первую речь против Катилины» Цицерона. Подготовьте письменный анализ речи.

Тема 8. Основы полемического мастерства

Вопросы

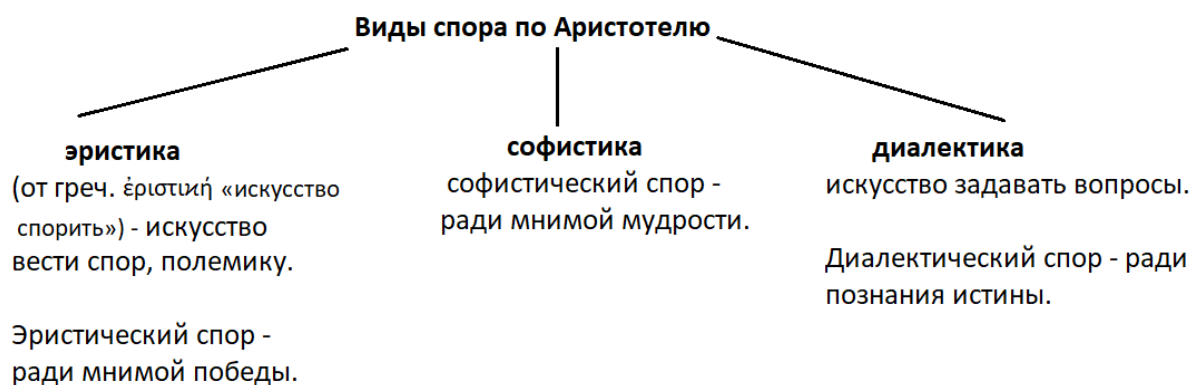
1. Понятие «полемическое мастерство».
2. Спор. Виды спора
3. Логические законы, необходимые полемисту.
4. Логические ошибки в споре.
5. Использование полемических приемов и уловок

При подготовке к ответу на первый вопрос важно осознать, что умение исследовать и обсуждать актуальные темы, убедительно подтверждать свою точку зрения, опровергать аргументы оппонента и владеть искусством диалектики – это неотъемлемая черта образованного человека.

Понятие «*полемическое мастерство*» включает в себя знание предмета спора во всех его аспектах: *умение соблюдать этикет полемики, убеждать, опровергать и использовать различные методы аргументации, а также умение противостоять уловкам соперника.*

При подготовке к ответу на второй вопрос следует обратить внимание на то, что в современной научной литературе понятие «*спор*» означает столкновение точек зрения, разногласия по вопросам, борьбу за свою правоту. Но единственно верного определения этого слова не существует. В русском языке есть множество синонимов, но не все они являются равнозначными.

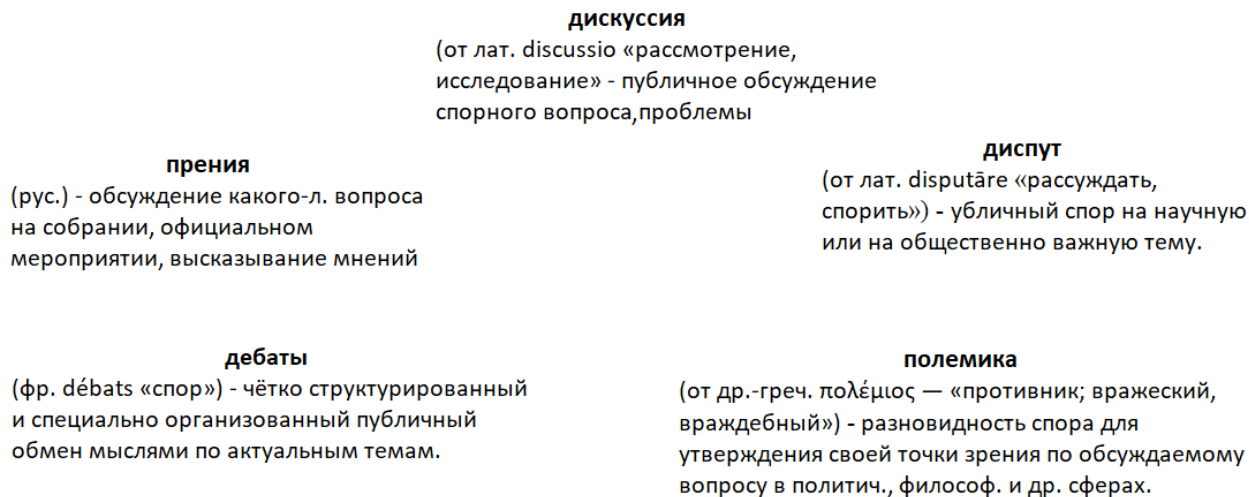
Существуют различные *виды спора*, но общей классификации пока не разработано.

На структуру спора влияют цель, социальное значение, количество участников и форма проведения.

Участники спора имеют разные мотивы, исходя из которых можно выделить следующие виды спора: *борьба за истину, убеждение, спор ради спора и спор за победу.*

Разновидности спора

При подготовке к ответу на третий вопрос нужно учитывать, что в ходе спора, дискуссии полемисту необходимо обладать ясным мышлением, логически строить свои высказывания, представлять аргументы последовательно, проявляя высокий уровень культуры мышления.

Важно придерживаться основных принципов *формальной логики*, которые отражают длительный опыт человеческой деятельности и являются отражением законных процессов и явлений в объективном мире. Законы формальной логики дисциплинируют мышление и способствуют большей эффективности воздействия на аудиторию.

При подготовке к ответу на четвертый вопрос следует учесть, что ошибка в логических рассуждениях участников спора, независимо от своего замысла, усложняет проведение диалога, мешает разрешению разногласий и принятию верного решения.

Логичность речи – это коммуникативное качество, предполагающее умение последовательно, непротиворечиво и аргументированно оформлять ее содержание. Логика демонстрирует *связь языка и мышления*.

Поэтому профессиональным полемистам важно не допускать логических ошибок в своем высказывании, умело раскрывать логические недочеты у оппонентов и разоблачать манипуляции с логикой.

Нарушение закона тождества.

Основные ошибки		
подмена темы	подмена понятия	несоответствие аргументов тезису
Тема: ход реализации проекта. Содержание: воспоминание о детстве.	– Интересно, что грядущее нам готовит? – Ничего. Оно вообще не умеет готовить.	Я решила выбрать профессию полицейского, так как считаю, что выбор профессии – это серьезно.

Нарушение закона противоречия

«В первый период творчества Маяковский ничем не отличался от футуристов. <...>

Уже с самого начала своего творчества Маяковский обладал качествами, которые существенно отличали его от представителей футуризма».

Мнимые противоречия:

«В детстве у меня не было детства» (А.П. Чехов)

«Я знаю только то, что я ничего не знаю» (Сократ)

«История учит только тому, что она никого ничему не учит» (Г. Гегель)

«Самое непостижимое в мире заключается в том, что он постижим» (А. Эйнштейн)

Нарушение закона исключенного третьего

Из двух противоречащих суждений одно должно быть истинным, другое ложным, а третьего не дано

Аристотель

При нарушении этого закона возникает ошибка – противоречивость рассуждений.

Наглядный пример – отрывок из пьесы «Мещанин во дворянстве» по одноимённой пьесе Ж.Б. Мольера.

Господин Журден нарушает закон исключённого третьего и говорит, что он хочет написать записочку даме, но не хочет писать ни стихов, ни прозы, а учитель объясняет ему, что мы можем излагать свои мысли не иначе, как

стихами или прозой, то есть третьего не существует. (Театр им. Е. Вахтангова, 1977 г.)

Нарушение закона достаточного основания.

При подборе аргументов не учитывается их неактуальность или их слабость.

Всякая мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана ранее

Г. Лейбниц

При изучении пятого вопроса стоит помнить, что опытные полемисты, чтобы отстоять свою позицию и опровергнуть мнение оппонента, применяют различные методы опровержения в споре. *Уместное* использование таких элементов, как юмор, ирония, помогает им не только смутить оппонента и вывести его из логического равновесия, но и разрушить тщательно выстроенные аргументы. Эти стилистические приемы усиливают убедительность выступления, эмоциональное воздействие на аудиторию, а также способствуют разрядке напряженной атмосферы, помогая полемистам добиться успеха в дебатах. Однако нужно помнить, что полемист может прибегнуть к различным уловкам. Поэтому важно вовремя выявить уловку и разрушить замысел оппонента, пытавшегося применить её.

Под *уловкой* в ходе спора понимается каждый хитрый прием, нацеленный на упрощение собственного положения и усложнение позиции противника. В процессе полемики участники часто оказываются в затруднительной ситуации и стремятся найти обходное решение.

Выделяют *допустимые и недопустимые уловки*.

К *допустимым уловкам* можно прибегать, если заметно, что оппонент стремится облегчить для себя спор с помощью непозволительных приемов.

Допустимые уловки в споре:

- «сведение к абсурду»;
- «оттягивание возражения»;
- «вопрос-капкан»;
- «возвратный удар»;
- «субъективный довод».

К *недопустимым уловкам* относится неправильный выход из спора, то есть ситуация, когда противник не в состоянии поддерживать аргументацию из-за слабости собственной позиции в данном споре.

Недопустимые уловки в споре:

- «довод к городовому»;
- «просвечивание насквозь», или «чтение в сердцах»;
- «двойная бухгалтерия»;
- софизмы;
- «аргумент к личности» (ad hominem);
- «аргумент к силе» (ad baculum);
- «аргумент к толпе» (ad populum).

Меры против уловок:

- Уметь быстро распознавать уловку и либо игнорировать их, либо заявлять об этом.
- Указывать на логические ошибки, если оппонент использует софизмы.
- Спорить только о том, что хорошо вам известно.
- Тщательно и отчетливо выявлять тезис и антитезис, все доводы – свои и противника.
- Сохранять спокойствие и самообладание в споре.
- Научиться охватывать спор целиком, суть разговора, а не двигаться от довода к доводу.
- Не спорить без необходимости с недобросовестным или невежливым

собеседником. Но если вы оказались в подобной ситуации, то защищайте свою позицию и себя, используя допустимые для этого средства. Важно сохранять чувство собственного достоинства.

В публичных спорах большое влияние на оппонентов и слушателей оказывает воздействие слов и атмосферы. Поэтому не стоит уподобляться самоуверенному, категоричному и решительному тону. Помимо этого, существует множество других уловок, направленных на психологическое воздействие участников спора. Среди них – насмешки, попытки уничтожить соперника, создание сомнений в его словах, жесткая критика высказываний, оскорбительные замечания и др.

Задания

Задание 1. Объясните, кто такой проponent, а кто – оппонент? В чем различие тактик проponentа и оппонента? Какие приемы используются в каждой тактике? Какая из тактик, с вашей точки зрения, выгоднее? Какая больше подходит для вас лично (по вашему собственному мнению; по мнению ваших товарищей и близких – спросите их)?

Задание 2. Раскройте суть полемических уловок, перечисленных в пятом вопросе темы.

Задание 3. Прочитайте главу 11 из книги известного философа и логика С. И. Поварнина «Спор. О теории и практике спора». Сформулируйте её основные мысли в виде рекомендаций участникам спора.

Задание 4. Проанализируйте приемы, использованные в защитительной речи известнейшего адвоката Ф.Н. Плевако. Определите, какие аргументы использует адвокат для убеждения присяжных. Можно ли доводы, приведенные Ф.Н. Плевако, назвать корректными?

Суд присяжных рассматривает дело старушки, потомственной почетной гражданки, которая украла жестяной чайник стоимостью 30 копеек. Прокурор,

зная о том, что защищать её будет Плевако, решил заранее парализовать влияние его речи и сам высказал всё, что можно было сказать в защиту старушки: бедность, горькая нужда, кража незначительная, даже подчеркнул, что подсудимая вызывает не негодование, а жалость. Однако неуважение к праву частной собственности может привести к разрушению основ государства и гибели страны.

Поднялся Плевако:

– Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за более, чем тысячелетнее существование. Печенег терзали ее, половцы, татары, поляки. Около двух десятков языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно.

Подсудимая была оправдана.

Задание 5. Проведите дискуссию.

Инструкция: Задается дискуссионная тема: «Цифровые технологии в обучении и повседневной жизни: за и против». Участники делятся на две группы: 1-я группа – условно согласные с утверждением (придерживающиеся одной точки зрения), 2-я группа придерживается другой точки зрения. Задание: высказать свое мнение по заданной теме.

Приложения

Речь 1. Лисий. Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена

Много дал бы я, судьи, за то, чтобы вы судили обо мне так же, как о себе, если бы нечто подобное произошло с вами; и если на мое дело вы посмотрите как на свое собственное, то, я уверен, каждого из вас случившееся возмутит настолько, что наказание, предусмотренное законом, вам покажется слишком мягким. Да и не только у вас, но повсюду в Элладе с этим бы согласились, потому что это - единственное преступление, за которое в любом государстве, будь оно демократическим или олигархическим, даже последний бедняк может привлечь к ответу самых видных людей, так что самый ничтожный простолоудин в этом отношении имеет те же права, что и самый знатный человек: настолько тяжким всюду считается бесчестие, причиненное таким преступлением. Поэтому приговор ваш, я полагаю, будет единодушным, и надеюсь, никто из вас не посмотрит на мое дело пренебрежительно, считая, что такого преступника можно было отпустить безнаказанным или наказать не слишком сурово. А мне, судьи, остается только доказать, что Эратосфен соблазнил мою жену, развратил ее, опозорил моих детей и меня обесчестил тем, что пробрался в мой дом, что это было единственной причиной моей вражды к нему и что не ради денег, не ради обогащения или корысти я это сделал, а только затем, чтобы покарать его в соответствии с законом.

Впрочем, расскажу обо всем по порядку, с самого начала, честно и правдиво, потому что сейчас для меня единственное спасение - описать все как было. Когда я женился и привел жену в дом, поначалу я взял себе за правило не донимать ее чрезмерной строгостью, но и не давать ей слишком много воли - словом, присматривал за ней как положено. А когда родился ребенок, я целиком ей доверился, считая, что ребенок - самый прочный залог супружеской верности. Так вот, афиняне, первое время не было жены лучше ее: она была превосходной хозяйкой, рачительной, бережливой, старательной. А все беды мои начались со смертью моей матери. Во время похорон моя жена сопровождала тело покойной, и тут ее увидел этот человек. А спустя некоторое время он и соблазнил ее: выследив служанку, ходившую на рынок за покупками, через нее он стал делать жене предложения и в конце концов погубил ее.

А надо вам сказать, судьи, что домик у меня двухэтажный, причем наверху, в женской половине, и внизу, в мужской половине, комнаты расположены совершенно одинаково. Когда у нас появился ребенок, мать начала кормить его грудью, и, чтобы ей не подвергаться опасности, спускаясь вниз по крутой лестнице всякий раз, как нужно помыться, я переселился на верхний этаж, а женщины устроились внизу. Так и повелось, что жена часто уходила вниз убаюкать ребенка или дать ему грудь, чтобы он не кричал. Так продолжалось долгое время, но мне и в голову не приходило заподозрить что-

то неладное; я по-прежнему наивно считал свою жену самой честной женщиной в городе.

Как-то раз я неожиданно вернулся домой из деревни. После ужина ребенок стал кричать и плакать: как выяснилось впоследствии, служанка нарочно дразнила его, потому что тот человек уже находился в доме. Я велел жене спуститься вниз и дать ребенку грудь, чтобы он перестал плакать. Она сначала отказывалась, делая вид, что очень рада моему приезду и очень соскучилась по мне. Я уже начал сердиться и велел ей выполнять то, что приказано, а она говорит: "Это тебе для того нужно, чтобы с нашей служанкой побаловаться. Ты и раньше, подвыпив, к ней приставал". Я засмеялся в ответ, а она встает и, уходя, запирает дверь; будто бы в шутку, а ключ вынимает и уносит с собой. Не придав этому значения и ничего не подозревая, я крепко заснул, потому что устал с дороги. Утром жена вернулась и отперла дверь. Когда я спросил, почему ночью внизу скрипели двери, она ответила, что в комнате у ребенка погас светильник и ей пришлось попросить огня у соседей. Я промолчал, решив, что так оно и было. Однако мне показалось, что лицо у нее накрашено, хотя еще не прошло месяца после смерти ее брата. Но и на это я промолчал и ушел из дому.

Спустя некоторое время, - а я все еще был в полном неведении о постигшей меня беде, - подходит ко мне незнакомая старуха. Уже потом до меня дошли слухи, что ее ко мне подослала другая женщина, соблазненная Эратосфеном: недовольная и даже оскорбленная тем, что он стал реже посещать ее, она устроила за ним слежку, пока не дозналась до причины. (Так вот, эта старуха, поджидавшая возле моего дома, подходит ко мне и говорит: "Евфилет, я не хотела бы сплетничать, но человек, который позорит тебя и твою жену, вместе с тем враг мне и моей госпоже. Так вот, если ты хорошенько допросишь служанку, которая ходит за покупками на рынок и прислуживает вам за столом, то сам во всем убедишься. Я говорю об Эратосфене из Эй: это он соблазнил твою жену, а до нее еще и многих других. На эти дела он мастер". Сказав это, она ушла, а меня, судьи, как громом поразило; я разом вспомнил все, что мне раньше казалось подозрительным, - и то, как меня заперли в спальне, и то, что в ту ночь скрипели обе двери, внутренняя и наружная, чего раньше никогда не случалось, и то, что лицо у жены было накрашено, - и чем больше я это припоминал, тем больше укреплялся в своих подозрениях.

Вернувшись домой, я приказал служанке идти со мной на рынок, но вместо рынка повел ее к одному из моих приятелей и там ей напрямик объявил, что мне все известно о том, что творится у меня в доме. "Так вот, - сказал я, - выбирай одно из двух: или я тебя прикажу выпороть и отправлю на мельницу, где мучениям твоим не будет конца, или ты во всем честно признаешься и получишь прощение. Но берегись, если обманешь; лучше все расскажи почестному". Сперва она отпиралась: пусть, мол, с ней делают что угодно, только она ничего не знает, - но когда я назвал ей имя Эратосфена и сказал, что это он наведывается к моей жене, служанка насмерть перепугалась, решив, что я знаю не только это, но и все остальное. Тут она мне бросилась в ноги и, получив от меня обещание, что с ней ничего не сделают, выложила все

начистоту: как после похорон Эратосфен подошел к ней, как она в конце концов сообщила его просьбу госпоже, как та понемногу поддалась на его уговоры, как ухитрилась принимать его у себя, как на Фесмофории, пока я был в деревне, ходила с его матерью в храм - словом, рассказала все как было. Выслушав ее, я сказал: "Смотри, никому об этом ни слова, если хочешь, чтобы я сдержал обещание. Теперь ты должна мне помочь схватить его с поличным: мне не слова нужны, а доказательства, если дело обстоит, как ты описала". И служанка на это дала согласие.

Прошло четыре или пять дней... как я неопровержимо докажу вам. Но сперва хочу рассказать о том, что произошло в последний день. Вечером, уже после захода солнца, я встретил на улице своего друга и товарища Сострата - он возвращался из деревни. Зная, что у себя дома в такой поздний час он не найдет ничего съестного, я пригласил его отужинать со мной. Мы пришли ко мне домой, поднялись наверх и поужинали. Потом он поблагодарил за угощение и ушел, а я лег спать. В это время Эратосфен и явился: служанка тут же разбудила меня и сказала, что он здесь. Приказав ей следить за дверью, чтобы не упустить его, я потихоньку спустился вниз и, выйдя на улицу, отправился созывать друзей и знакомых. Некоторых я дома не застал, некоторые вообще оказались в отъезде. Ну, а всех, кого мог, я собрал и повел за собой. В лавочке близ моего дома мы запаслись факелами и вошли в дом всей толпой, благо наружная дверь была заранее отперта служанкой.

Вышибив дверь, ведущую в спальню, мы застигли его прямо в постели с моей женой: те, кто ворвался первым, его застали еще лежащим; подоспевшие чуть позже видели, как он голый стоял на кровати. Ударом кулака я, судьи, сбил его с ног, скрутил и связал ему руки за спиной и стал допрашивать, как посмел он забраться ко мне в дом. Отрицать свою вину он даже не пытался и только слезно умолял не убивать его, а предлагал откупиться деньгами. На это я отвечал: "Не я тебя убью, но закон, который ты преступил, поставив его ниже своих удовольствий. Ты сам предпочел совершить тяжкое преступление против моей жены, моих детей и меня самого, вместо того чтобы соблюдать законы и быть честным гражданином".

Итак, судьи, он претерпел именно то, что велит делать с такими преступниками закон. Его не приволокли с улицы ко мне в дом, как утверждают мои обвинители, и он не просил защиты у моего очага. Да и как он мог это сделать, если в спальне я сбил его с ног и связал ему руки, если там было столько людей, что пробиться через них, не имея ни оружия, ни даже палки в руках, он не мог? Вы и сами знаете, судьи: нарушители закона ни за что не признают, что их противники говорят правду, и лживые измышления такого рода им нужны для того, чтобы настроить слушателей против тех, кто действовал законно. Прочти же закон. [Читается закон.] Он не отрицал, судьи, своей вины; он сам признал себя виновным и умолял не убивать его. Он даже предлагал откупиться деньгами, но на это я не согласился. Я считал, что закон важнее, и покарал его той карой, которую установили вы сами и которую вы сочли справедливой для такого рода преступников. Прошу свидетелей подняться сюда. [Читаются показания свидетелей.] Прочти мне и тот закон,

что вырезан на камне по указу Ареопага.[11] [Читается закон.] Вы слышите, судьи, что сам Ареопаг, который исстари вершил суд по делам об убийстве, которому и в наши дни предоставлено это право, постановил в совершенно ясных и определенных выражениях, что неповинен в убийстве тот, кто покарает смертью прелюбодея, если застигнет его вместе с женой. В справедливости этой кары законодатель был уверен настолько, что ее же назначил за соращение наложниц, хотя они не так уважаемы, как законная жена. Ясно, что если бы имелось большее наказание, он бы его назначил за соращение супруги, и только потому в том и другом случае он установил смерть, что за соращение супруги не сумел найти кары более суровой. Теперь прочти мне вот этот закон. [Читается закон.] Вы слышите, судьи: закон велит, чтобы всякий, кто совершит насилие над свободным - взрослым или ребенком, уплатил вдвое больше, чем за насилие над рабом, а ведь сюда относится и насилие над женщиной, в то время как ее соблазнение карается смертью. Вот, судьи, насколько снисходительнее законодатель к насильникам, нежели к соблазнителям! Последних он приговорил к смерти, а первых - лишь к возмещению ущерба деньгами, исходя из того, что жертва насилия по крайней мере ненавидит насильника, а соблазнитель настолько развращает свою жертву, что жена к нему привязывается больше, чем к мужу, отдает ему в распоряжение весь дом, и даже на детей падает подозрение - то ли они от мужа, то ли от любовника. Вот почему таким людям законодатель назначил смерть.

Меня же, судьи, законы не только оправдывают, но даже обязывают привести в исполнение положенный приговор, а уж от вас зависит, оставаться этим законам в силе или потерять всякое значение. Я думаю, что для того государства и устанавливают законы, чтобы к ним обращаться в спорных случаях и выяснять, как следует поступить. Так вот, в моем случае закон велит потерпевшему наказывать виновных именно так. Надеюсь, вы согласитесь со мной, иначе прелюбодеям вы обеспечите такую безнаказанность, что даже воры начнут себя выдавать за распутников, зная, что их не тронут, если они скажут, что проникли в чужой дом для встречи с любовницей: все будут знать, что с законами о распутстве можно не считаться, а бояться нужно только вашего приговора, потому что он все решает в этом государстве.

Заметьте вот еще что, афиняне: меня обвиняют в том, что служанке я заранее велел пригласить в тот день Эратосфена. Вообще-то, судьи, я считаю, что вправе любым способом поймать соблазнителя своей жены. Если бы я велел его пригласить, когда до дела еще не дошло, когда соблазнитель только начинал обхаживать мою жену, то был бы виноват. Но после того, как он добился своего, после того, как стал часто бывать в моем доме, поймать его с помощью какой-нибудь хитрости было бы с моей стороны только разумно. Но и в этом, заметьте, они лгут. Посудите сами: как я уже сказал, мой друг и приятель Сострат, которого я повстречал после захода солнца, когда он возвращался из деревни, ужинал вместе со мной и задержался у меня допоздна. Так вот, подумайте, судьи: если в ту ночь я готовил Эратосфену западню, что для меня было удобнее - ужинать в гостях или, наоборот, привести гостя к себе? Ведь это могло бы отпугнуть Эратосфена от попытки

проникнуть ко мне в дом. Кроме того, неужели я бы отпустил своего гостя, чтобы остаться одному, без поддержки? Скорее наоборот, я бы его попросил остаться и помочь мне наказать соблазнителя. И разве не мог я созвать своих друзей заранее, еще днем, и попросить их собраться у кого-нибудь из знакомых поближе к моему дому, вместо того чтобы ночью бегать по всему городу, не зная, кого я застану дома, а кого нет? А ведь я заходил и к Гармодию, и ко многим другим, понятия не имея о том, что они в отъезде. Некоторые же были в городе, но отлучились из дома, и я взял с собой только тех, кого смог застать. Между тем, если бы я все знал заранее, неужели, по вашему, я бы не вооружил слуг и не созвал бы друзей? Этим бы я и себя обезопасил, потому что преступник мог быть вооружен, и его покарал бы при наибольшем числе свидетелей. Но, повторяю, я ничего не знал о том, что произойдет в эту ночь, и созвал только тех, кого смог. Прошу свидетелей подняться сюда. [Читаются показания свидетелей.]

Итак, судьи, вы слышали свидетелей. Теперь обратите внимание вот на что: была ли у меня хоть какая-нибудь другая причина враждовать с Эратосфеном? Нет, такой причины вы не найдете. Он не пытался оклеветать меня, обвиняя в преступлении против государства, и не добивался моего изгнания из отечества. Он не судился со мной и по частному делу. Он не знал за мной никаких преступлений, и мне не было нужды убивать его, чтобы избежать разоблачения. И не потому я это сделал, что мне обещали за это заплатить, - а ведь некоторые берутся убить человека за деньги. Не было между нами ни перебранки, ни пьяной драки, ни какой другой ссоры, потому что до той ночи я этого человека и в глаза не видал. Так чего ради я пошел бы на такой риск, если бы не претерпел от него самое тяжкое из оскорблений? И неужели я бы совершил преступление при свидетелях, имея возможность убить его тайком?

Я считаю, судьи, что покарал его не только за себя, но и за все государство. Если вы согласитесь со мной, подобные люди поостерегутся вредить своему ближнему, видя, какая награда их ждет за такого рода подвиги. А если вы не согласны со мной, то отмените существующие законы и введите новые, которые будут карать тех, кто держит жен в строгости, а соблазнителей оправдывать. Так, по крайней мере, будет честнее, чем теперь, когда законы гражданам ставят ловушку, глася, что поймавший прелюбодея может сделать с ним что угодно, а суд потом грозит приговором скорее потерпевшему, чем тому, кто, попирая законы, позорит чужих жен. Именно в таком положении я теперь и оказался: под угрозой поставлены моя жизнь и имущество только за то, что я повиновался законам.

Речь 2. Речь и реплика адвоката Г.М. Резника по делу Александра Лебедева. Москва, 2019г.

Рассмотренное нами дело относится к весьма редкой категории. Всё-таки обычно несостоятельность обвинения проявляется в одной из двух составляющих: либо неправильной правовой оценке, либо неверном установлении фактов. Здесь дефектно все - и право, и факты.

Обвинение, которое предъявлено адвокату Александру Лебедеву, квалифицируется по части первой статьи 294 Уголовного кодекса. Норма эта сформулирована как вмешательство в деятельность суда в целях воспрепятствования правосудию. Под эту формулу подведено представление адвокатом Лебедевым документов в судебное заседание. Со всей ответственностью сообщая суду, что ничего похожего на такое толкование статьи 294 ни в доктринальных источниках, ни в комментариях к уголовному кодексу, ни в судебной практике обнаружить нельзя. Статья 294 УК РФ производна от двух законов – О судебной системе и О статусе судей. В них говорится о недопустимости незаконного, внепроцессуального воздействия на судей. И во всех научных и практических источниках содержится именно это толкование.

Иное означало бы насилие над русским языком. Слово «вмешательство» имеет в нём два значения. Первое – вторжение в чьи-либо дела, отношения; второе – действия, пресекающие, останавливающие что-либо.

Но в нашем деле как раз подобное насилие и имеет место. Понятие «вмешательство» распространено на действия участника процесса, без которых сама деятельность суда не может состояться. Будни судебной деятельности состоят в разрешении спора между сторонами процесса. Одна сторона представляет обвинительные доказательства, другая сторона формирует доказательства с позиции защиты, и это происходит едва ли не в каждом судебном разбирательстве, когда имеется спор о виновности, мере пресечения, правах и обязанностях участников процесса. Отношение суда и самих участников процесса к тем материалам, которые они суду предъявляют, никакого значения для квалификации их действий по данной статье не имеют. Вот почему реализация сторонами своих правомочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, ни при каких обстоятельствах не может образовать преступление, предусмотренное статьей 294 УК РФ.

Не случайно в речи прокурора мы так и не услышали ни одного довода в обоснование правовой оценки деяния. Просьба подсудимого разъяснить существо обвинения, ответить на вопрос, как и в чем могли помешать суду рассматривать дело представленные документы, какая деятельность суда была пресечена или остановлена, повисла в воздухе. В нарушение уголовно-процессуального закона обвинение так и осталось неразъяснённым.

Но насилие обвинения над русским языком на этом не заканчивается. Далее начинает насильствоваться уже уголовно-процессуальный закон, правила, по которым оцениваются доказательства и устанавливаются факты.

В действительности они таковы. Подзащитная Лебедева, обвиняемая Екатерина Краснихина находилась под домашним арестом и покидать место жительства могла только по разрешению следователя. Оно было получено – для посещения дважды медицинского центра, где Краснихина недавно родила сына, 12 и 15 октября 2017 года. Об этих посещениях, консультациях врачей и сдаче анализов ребенка ей были выданы справки. Но первый приезд в медцентр 12 октября через неделю, следствие начинает опровергать, утверждая, что Краснихина получила справку обманным путём, в медцентр не приезжала и нарушила тем самым меру пресечения.

Для Лебедева события 12 октября были предельно ясны: адвокат обладал непосредственным знанием того, что Краснихина медицинский центр посетила, поскольку сам приехал туда, встретился с ней, видел её выходящей из здания медицинского центра. Он с ней общался, видел её мать, которая катала коляску с новорожденным. Как же поступить защитнику для того, чтобы отстоять факты, лично для него очевидные? И здесь мне, как одному из руководителей отечественной адвокатуры, особенно приятно отметить, что мой молодой коллега действовал профессионально и этично. Суду не предъявишь в качестве доказательства - «я там был и сам всё видел». Процессуальные статусы защитника и свидетеля несовместимы.

И Лебедев предпринимает меры к тому, чтобы проверить, найти сведения, которые бы подтверждали посещение Краснихиной медицинского центра. Повторяю, в чём он вообще никак не сомневается, потому что сам всё лично воспринимал. Адвокат приезжает в медцентр, встречается с его руководителями, включает громкую связь и в их присутствии разговаривает с Краснихиной. Она подробно рассказывает, что приехала, привезла анализы ребенка. Выясняется, что оставила не в том месте – шкафу для взрослых посетителей, поскольку она тоже в медцентре наблюдалась и сдавала там анализы в период беременности. На тот момент о судьбе анализов руководству неизвестно. Дается распоряжение эти анализы найти. Отсутствует ответственный за анализы работник. Проходит время, после этого Лебедеву сообщают, что анализы не обнаружены. Краснихина продолжает настаивать, что анализы она сдала.

Мой коллега продолжает действовать весьма профессионально. Он спрашивает подзащитную, что еще может подтвердить посещение ею медцентра. Краснихина приезжала в медцентр на машине. Запрашиваются данные видеорегистратора. Ответы не сохранились – хранятся только двое суток. Краснихина вспоминает, что зашла в кафе медцентра и там поела, называет заказанные блюда и их цену, чек не сохранила. Лебедев приезжает в кафе и получает полное подтверждение слов подзащитной. Выясняется, что именно в этот период времени действительно делался такой заказ – совпадают и блюда, и цена – расположение столика, внешность официантки. И главное – этот чек был единственный, какой выдавался в часовой период, названный Краснихиной.

И вновь защитник мыслит компетентно и точно. Нужно подтвердить источник появления чека. Без свидетельских показаний судья резонно

спросит: «Откуда этот документ, как он у защиты появился»? И тогда Лебедев опрашивает сотрудников кафе - бармена Гусева, официантку Юсубову. Он предъявляет фотографию Краснихиной. Говорит, что он адвокат, действует на основании закона об адвокатуре и защищает женщину, которую могут направить под стражу, а она - мать новорожденного ребенка. «Посмотрите внимательно, вы опознаете её или нет?» Краснихину не опознают и поясняют: к ним приходит большое количество посетителей, каждого запомнить сложно. Лебедев показывает Юсубовой чек, где указана её фамилия, и просит прийти в суд, чтобы подтвердить подлинность чека, ведь в нём указано, что она, Юсубова, обслуживала этот столик. В разговоре Лебедев не угрожает, не слышны от него никакие посулы, шантаж, склонение ко лжи. Лучшим аргументом за то, что адвокат просит Юсубову сказать в суде правду, служит последняя фраза, адресованная ей Лебедевым. «Если Вы по моему запросу не придете, так я ходатайство заявлю, пусть следователь Вас вызовет». Обвинение всё перевернуло и объявило поиски Лебедевым правды обманом.

Перехожу к встрече Лебедева с руководством медцентра и впечатлениями, которые адвокат из неё вынес. Великое всё же дело – принцип непосредственности. Помните свидетеля Ларину? Она – начальник юридического отдела, помощник по правовым вопросам главного врача. Очень последовательно и уверенно давала показания. В общем, подтверждая то, что говорила на предварительном следствии. Но почему-то запомнила, что Лебедев на этой встрече включал громкую связь и все слушали объяснения Краснихиной. Даже когда огласили показания на следствии, не вспомнила. Известно, из сознания, из памяти вытесняется преимущественно то, что не хочется вспоминать. А почему не хочется? Потому что там есть очень важный, неприятный для медцентра момент. Подробнейшим образом Краснихина объясняла оставление этих анализов, а анализы не нашли. И второе. Помните, Ларина пояснила, почему на запрос адвоката не был дан официальный ответ, что Краснихина не посещала медицинский центр, какой направили следователю. Сослалась на формальный запрет – такая информация составляет медицинскую тайну, а согласия Краснихиной разгласить её не было. Но сказала об этом уже не столь уверенно, несколько стесняясь, как бы извиняясь. Следователю ответили, а адвокату нет.

Но больше месяца назад, 5 сентября Лебедев делает запрос о состоянии здоровья Краснихиной. И что же? Главный врач, совершенно не смущаясь, отвечает подробно, указывая, как проходит беременность подзащитной, какие имеются отклонения от нормального её протекания, то есть сообщает данные, которые формально охраняются медицинской тайной. Как же оценить адвокату Лебедеву это расхождение поведения руководства медицинского центра? Между прочим, 5 сентября был его первый запрос, Лебедев не был известен в медцентре. А 20 октября он уже не неожиданно появившийся со стороны субъект. В медцентре прекрасно знали, что Лебедев представитель Краснихиной. Кроме того, устно ему на встрече 19 октября уже сообщили, что следов пребывания Краснихиной в медцентре 12 октября не обнаружили.

Значит, 5 сентября ответ дали, а 20 октября уклонились. Спрашивается, как расценить это противоречие с позиции защиты?

Я столь подробно довожу до суда хронологию произошедшего, чтобы стало предельно ясно: предъявить адвокату Лебедеву обвинение в представлении суду заведомо ложных для него документов можно только полностью отвернувшись от установленных по делу фактов.

В итоге в судебном заседании 23 октября при рассмотрении ходатайства следователя Сильченко об изменении обвиняемой Краснихиной меры пресечения сложилась следующая ситуация:

Лебедев располагал двумя подлинными - подчеркиваю! - документами – справкой врача, полученной им от своей подзащитной, и чеком кафе, подтверждающими факт посещения Краснихиной медцентра 12 октября. Следователь предъявил суду справку медцентра, этот факт отрицавшую, и протоколы свидетельских показаний – врача и медсестёр. Суд все эти доказательства приобщил к делу. Из спора сторон о конкретном факте вывести заведомую ложность позиции одной из них невозможно. Краснихина последовательно утверждает, что посетила медцентр и оставила там анализы сына. Прокурор в ходе судебного следствия задал Лебедеву вопрос: доверял ли он Краснихиной? Получил ответ: доверял. Применительно к предмету обвинения иной ответ выглядел бы странно. Лебедев, как я уже упоминал, обладал непосредственным знанием посещения подзащитной медцентра 12 октября, сам видел её там и с ней общался.

Но в более широком плане вопрос прокурора вовсе не бессмыслен. Да, адвокатская деятельность основана на доверительных отношениях с клиентами. В Кодексе профессиональной этики адвоката, принятого в порядке делегированного регулирования, по прямому предписанию законодателя, сформулирована специальная норма: «При исполнении поручения адвокат исходит из презумпции достоверности документов и информации, представленных доверителем, и не проводит их дополнительной проверки». Но наличие этой нормы вовсе не исключает тех ситуаций, когда адвокат действительно достоверно узнает о том, что материалы, которые передал ему подзащитный, свидетели, которых тот просит допросить – все это заведомо ложно. Документ подложный, свидетель будет врать. А возможна и другая ситуация: у адвоката есть сомнения в том, что доверитель снабдил его достоверными сведениями, но устранить эти сомнения он не в состоянии. Как в таких ситуациях поступить адвокату?

По счастью, эти вопросы в сфере нашей профессии давным-давно решены. У меня в руках - маленькая книжка профессора Полянского «Правда и ложь в уголовной защите», считающая в адвокатуре канонической. Николай Николаевич Полянский – выдающийся отечественный правовед. Начал свою профессиональную деятельность еще при царе-батюшке, счастливо избежал репрессий и посадок, стал заведующим кафедрой уголовного процесса Московского государственного университета имени Ломоносова, заслуженным деятелем науки. Из его шинели вышли очень многие известные учёные-юристы, на книгах которых учились многие присутствующие в этом

зале. И Полянский кратко и ясно обобщил многовековой опыт: если адвокату достоверно известно, если он точно знает, что сведения, получаемые им от доверителя, ложные – он не имеет права их представлять суду. Иное дело, когда подобные сведения представляются адвокату лишь сомнительными. В таких случаях адвокат не только вправе, но обязан предъявить эти доказательства суду. Больше того, если он их не предъявляет, он лишает подсудимого защиты и уподобляется судье, постановляющему обвинительный приговор на предположениях виновности.

В уголовном процессе действует презумпция невиновности, которая обращена к тем участникам процесса, которые ответственны за его проведение в разных стадиях - суду, следователю, прокурору. Сомнения они обязаны в соответствии с Конституцией и Кодексом толковать в пользу обвиняемого.

Остаётся развести руками. Обвинители и судьи должны руководствоваться презумпцией невиновности обвиняемого. А адвокат-защитник, оказывается, не должен. Взгляд на отношение защитника к информации, полученной от доверителя, никогда не подвергался сомнению даже на протяжении всех долгих лет существования советской власти, довольно косо смотревшей на адвокатуру. Вот книжка известного адвоката Давида Петровича Ватмана «Адвокатская этика» 1977 года. А вот совсем свежая книжка 2014 года профессоров Баевых. В них просто цитируется Полянский и выражается полное согласие с его позицией.

Но у предварительного следствия по данному делу свой подход. Оно насилует уголовно-процессуальный закон. В УПК сказано: Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, следствие – предварительное. Но эти предварительные следователи возомнили себя окончательными. Они наделили собранные ими обвинительные доказательства абсолютной достоверностью. Они фактически запрещают их оспаривать. Запрещают всем. Суду не следует на этот счёт заблуждаться. Не может же быть такого, что защита не вправе возражать против доказательств обвинения, а суду это следствием дозволяется. Или всем – или никому.

Вот какую ситуацию процессуального абсурда создали в данном деле сторона обвинения.

Но ярче всего несправедность уголовного преследования адвоката Лебедева высвечивается при обращении к тому, что происходило в заседании Тверского районного суда 23 октября 2017 года при рассмотрении ходатайства следователя Сильченко об изменении Краснихиной меры пресечения с домашнего ареста на содержание под стражей. Напоминаю: обязательным признаком состава преступления, предусмотренного частью первой статьи 294 Уголовного кодекса, является наличие у субъекта специальной цели – воспрепятствование осуществлению правосудия, выражающегося в склонении судьи к принятию незаконного и несправедливого решения.

Можно только посетовать, что адвокат Лебедев не смог воспрепятствовать вынесению Тверским районным судом города Москвы неправосудного решения. Судья Сизинцева удовлетворила ходатайство следователя, и полуторамесячный ребенок был оторван от груди кормящей

матери. Это постановление просуществовало 4 дня. 27 октября оно отменяется, это постановление, признается неправосудным. Почему неправосудным? Да потому что УПК предусматривает, что содержание под стражей применяется только тогда, когда невозможно применить другую меру пресечения. И Краснихина была возвращена домой. Сам собой напрашивается вопрос: какой же неприязнью, если не сказать, ненавистью к адвокатуре нужно пропитаться, чтобы в такой ситуации, когда постановление от 23 октября уже юридически не существовало, соорудить преследование адвоката, прерогатива которого была установлена в судебном порядке.

Неладно что-то на верхних этажах Следственного комитета и Генеральной прокуратуры, руководство которых позволило этому делу оказаться в суде. Федеральная палата адвокатов воспринимает это несостоятельное уголовное преследование, как атаку недругов адвокатуры на её базовые основы. Убежден, эта атака на наш правозащитный институт захлебнется. Но хотелось бы пресечь её здесь, в первой инстанции районного суда, наиболее приближенного к защите прав и свобод простых граждан - наших доверителей. Адвокат Лебедев, честно и добросовестно выполнявший свой профессиональный долг, подлежит оправданию. Такие одиозные дела не должны появляться на судебных столах.

Реплика

Признаюсь: ждал отказа прокурора от обвинения. В этом деле столько обстоятельств, которые не красят ни Следственный комитет, ни Генеральную прокуратуру. Уже обращал внимание на то, что дело было возбуждено через месяц после того, как решение, вынесенное в судебном заседании, где якобы были представлены подложные документы, было отменено как неправосудное.

Возбуждалось и велось дело по другому преступлению - статье 303 – фальсификация доказательств. И только за три дня до окончания шестимесячного срока расследования переклассифицировано на статью 294. Для выяснения того, какая справка предъявлялась адвокатом Лебедевым в суд, создавалась целая группа следователей Следственного комитета. И какая мощная – из шести человек, среди них два следователя по особо важным делам. Вот какова, оказывается, была опасность представления в суд добытых защитником документов?! Надзор за законностью следствия осуществляла Генеральная прокуратура. Но заместитель Генерального прокурора отказался утвердить обвинительное заключение. Он совершает действие, вообще не предусмотренное уголовно-процессуальным законом – выдаёт доверенность прокурору города, но тот тоже не оценил доверия, ему оказанного, и утверждать продукцию следствия не стал. Обвинительное заключение утвердил заместитель прокурора города. Я глубоко убежден, что обвинительное заключение по делу утверждено ненадлежащим субъектом. В этом вопросе разошлись Президиум Московского городского суда и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда.

Фабула дела при переквалификации осталась прежней. Никакие фактические обстоятельства не были изменены. Просто одну статью Уголовного кодекса заменили другой. Полагаю, заместитель Генерального прокурора и прокурор города просто не набрались мужества прекратить уголовное преследование, вернуть дело в Следственный комитет. Но и светиться в нём с реальной перспективой получить свою порцию позора тоже не хотели.

Прокурор в реплике как-то совсем отделился от формулы обвинения. Мы услышали, какой плохой человек Краснихина – преступница, нарушительница и обманщица. Но по данному делу обвиняется не Краснихина, а Лебедев. Речь идет о его действиях. Допущу на минуту, что Краснихина Лебедева обманывала – и на приеме у врача не была и анализы не сдавала. Что ж, профессия наша уязвимая. Нас, адвокатов, бывает, доверители обманывают, разыгрывают в темную, подставляют. Но обман обвиняемым адвоката ничего общего не имеет с обвинением в заведомой лжи самого защитника.

Привлекаю внимание суда к постановлению, которое было вынесено 23 октября 2017 года, и затем отменено как неправоудное. Прокурор старается его не замечать. По той причине, что в нём вообще нет никакой оценки факта посещения или непосещения Краснихиной медицинского центра с 10-00 до 12-00 часов. Нарушение меры пресечения усмотрено лишь в том, что обвиняемая вышла за временные рамки разрешенного отъезда из своего дома.

И это крайне важно, потому что никакие доказательства, собранные предварительным следствием до оценки их судом, не считаются достоверными. Только тогда, когда суд даёт оценку доказательствам, принимая одни и отвергая другие, только после этого у прокурора и следствия появляется основание проверить эти доказательства на предмет заведомой лжности. Но, повторяю, ничего подобного в постановлении судьи Сизинцевой нет.

По этой причине, в том числе, я и ждал отказа прокурора от обвинения. У нас разный процессуальный статус в процессе. Нам, адвокатам, ни при каких обстоятельствах нельзя отказаться от защиты и оспаривать позицию, которую занимает подсудимый. Разве что, при убежденности в самооговоре. Сколь бы ни были убедительными доказательства обвинения, если подзащитный не признает свою вину, мы обязаны защищать и представлять суду малейшие сомнения в виновности. А вот к прокурору уголовно-процессуальный закон предъявляет другие требования. Если прокурор убедился, что обвинение не подтверждается, он должен от него отказаться. Мы, к сожалению, живем в такой период, когда признание ошибочности своей позиции на всех уровнях государственного управления объявляется неприемлемым, и расценивается как слабость. Но настаивать на ошибке значительно вреднее, чем её совершить.

**Речь 3. Обвинительная речь товарища прокурора в. И. Петрова
по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого. Заседание Рязанского
окружного суда с участием присяжных заседателей,
18–27 января 1871 г.**

Господа судьи, господа присяжные заседатели! Настоящее дело, как вам известно, в сильнейшей степени возбудило внимание здешнего общества, как по свойству преступления, так и по своей процессуальной стороне, выходящей из ряда обыкновенных. Одно из преступлений, в котором обвиняются подсудимые, а именно – производство выкидыша, принадлежит к числу таких преступных деяний, обнаружение коих в высшей степени затруднительно. Здесь нет потерпевшего лица, которое своими рассказами помогло бы правительству открыть виновных: от преступления потерпело такое существо, которое неспособно заявить о своих правах, и, следовательно, неспособно и принять меры к ограждению этих прав. Свидетелей обыкновенно не бывает, и пока лицу, совершившему это преступление, угодно молчать, до тех пор нет возможности открыть истину; остается, таким образом, ожидать собственного сознания, представляющегося единственным к тому способом, что мы видим и в настоящем деле, которое обнаружилось только вследствие искреннего, чистосердечного сознания подсудимой Дмитриевой.

Общество хорошо понимает свойство подобного преступления и потому с особенным вниманием следит за всем ходом этого дела. Понятно, что все интересовались узнать, насколько судебная власть способна в подобном случае раскрыть обнаружившееся преступление. Личности некоторых из обвиняемых и положение, занимаемое ими в обществе, также затронули общее внимание, выразившееся в сочувствии тех, кто знал их с хорошей стороны, и в злорадстве со стороны тех, кто, напротив, почему-либо питал к ним антипатию. Я уверен, что здесь, на первых двух-трех скамьях, найдутся люди, которые могут, по желанию, дать показания и в пользу, и во вред подсудимым.

Вы видите здесь в числе подсудимых женщину – мать семейства, жену, которая произвольно нарушила брачный союз, оставила своего мужа и вступила в противозаконную связь. Вы видите, что для сокрытия этого она позволила себе забыть обязанности матери по отношению к ребенку, находившемуся в ее утробе. Вы видите здесь двух врачей, которые обязаны употреблять все свои усилия, все свои способности для спасения жизни человека, но которые, вместо того, все свои знания старательно употребляли на то, чтобы прекратить эту жизнь, когда она только начиналась. Вы видите воинского начальника, который обвиняется в том, что, взяв в руки медицинский инструмент, пресек этим оружием, столь несвойственным его воинскому званию, жизнь младенца, {25} который, по показанию г-жи Дмитриевой, этою самою жизнью был обязан ему же. Если прибавить к этому не совсем обыкновенную обстановку этого дела – защитников, пользующихся известностью и приехавших из обеих столиц, обвинителя, не принадлежащего к составу местного прокурорского надзора, тогда как этот последний дал

заклучение о прекращении этого дела,— все это, повторяю, наэлектризовало внимание общества до последней степени.

Вы слышали, что следствие по этому делу началось с половины 1868 года. Теперь 1871 год. Медленность производства следствия всегда более или менее затрудняет обвинение и защиту, так как свидетели по истечении с лишком двух лет не всегда могут припомнить все обстоятельства так подробно, так хорошо, как вскоре после совершения преступления. Затем, мы видим из дела, что подсудимые не только переписывались во время содержания их в замке, но даже имели между собою личные свидания, следовательно, могли совершенно свободно сговариваться о том, что впоследствии показывать на суде. Мы слышали здесь, что было поползновение потушить это дело в самом начале. Надежда эта была основана, по показанию г-жи Дмитриевой, на том, что г. Карицкий имеет известное влияние в губернии, имеет знакомство с теми лицами, которые, в свою очередь, могут оказывать то или другое влияние на тот или другой исход этого дела. Мы слышали от г-жи Дмитриевой, что ее даже хотели сделать помешанною, с той целью, чтобы кража у г. Галича не обнаружилась. Все эти обстоятельства, взятые вместе, делают для меня обвинение значительно труднейшим, нежели как это бывает в делах обыкновенных, и ежели это дело и обнаружилось, то благодаря только новой судебной реформе, потому что, я полагаю, всякий из вас согласится с тем, что при прежних порядках оно никогда не вышло бы наружу. В настоящее время всякий задает себе вопрос, будет ли преступление обнаружено, будут ли виновники его подвергнуты ответственности, или дело это канет в вечность, как бы его и не было. В обществе до сих пор еще до такой степени остается недоверие к суду, недоверие, сложившееся под влиянием прежних времен, что в народе носят слухи, впрочем, нелепые и ни на чем не основанные, будто бы на присяжных будут употреблены всевозможные влияния, всевозможные меры, чтобы добиться оправдательного приговора. Я, конечно, не пользуюсь в здешнем обществе такою известностью, какую пользуются, может быть, петербургские и московские защитники подсудимых. Я приехал сюда в первый раз, потому лично я не могу оказать на кого-либо влияния. Не имея права признавать за собою особенных достоинств, вследствие которых я мог бы подействовать на ваше убеждение, я буду стараться по возможности точно восстановить обстоятельства этого дела и сделать правильную оценку некоторых имеющих значение в деле свидетельских показаний, и затем высказать свое откровенное мнение, каково бы оно ни было.

Вы слышали, господа присяжные заседатели, из определения Московской судебной палаты, заменившего обвинительный акт по сему делу, те данные, на основании которых подсудимые преданы суду. Здесь, на судебном заседании, эти данные повторены были еще раз. Перед вами г. Дюзинг снова давал свое показание, сущность которого заключается в том, что он, Дюзинг, реко-мендовал Дмитриевой Сапожкова, как доктора; перед вами он не говорил уже того, что было им сказано на предварительном следствии, когда он утверждал, что пригласил Сапожкова для произведения у

Дмитриевой выкидыша. Сапожков, в свою очередь, рассказывает, как он обманывал Дмитриеву, давая ей средства для произведения выкидыша, тогда как эти средства были безвредны, и как он делал это в ожидании того, что его многократные поездки из Скопина в Рязань будут щедро вознаграждены, т. е., другими словами, обманывал ее с целью выманить у нее деньги, но не признает себя виновным даже и в этом. Затем г-жа Кассель начинает с того, что оговаривает врача Битного-Шляхто. Она говорит, что после того, как Битный-Шляхто заперся с Дмитриевой в ее комнате, она, Кассель, вошла туда и увидела, что у Дмитриевой прошли воды. Далее она показывает, что Битный-Шляхто имел разговор с Сапожковым, и этот последний говорил ему: «Вы уезжаете в Москву, а я должен за вас страдать». Затем, когда ее послали за Дюзингом, тот отказался приехать, говоря: «После этого я никогда не поеду к Дмитриевой». Наконец, Кассель признает себя виновной в том, что в 10 или 11 часов ночи она подбросила мертвого ребенка на Семинарской улице. Дмитриева говорит, что ребенок родился в полночь, и поэтому я сомневаюсь, чтобы Кассель могла подбросить его в 11 часов: кому же лучше матери знать, в какое время у нее родился ребенок? Далее Кассель говорит, что подбрасывать она ездила на лошадях и в пролетке Дмитриевой, но следствием положительно доказано, что лошадью у Дмитриевой в то время уже не было. О посещениях Карицкого Кассель говорит, что он бывал часто только во время приезда родителей Дмитриевой из деревни, а без них не бывал по целым неделям, во время же болезни Дмитриевой и совсем не ездил. Слышали мы от нее также и про связь Дмитриевой с доктором Правдиным и каким-то кондуктором, но о связях этих в продолжение целого заседания никто из свидетелей не заикнулся и полусловом. Наконец, мы слышали от Кассель, что Дмитриева за все ее беспокойства и хлопоты подарила ей всего только одно платье. Таким образом, показание г-жи Кассель направлено решительно против всех подсудимых. Во-первых, она набрасывает тень на Карицкого, который, по ее словам, у Дмитриевой бывал очень часто. Сапожков, по ее показанию, очевидно, знал, что преступление совершено Битным-Шляхто. Дюзинг, опять по ее словам, положительно знал об этом, потому что прямо сказал: «После этого я никогда к ней не поеду». И затем оказывается, что и она все это знала, но никому об этом не доносила. Но в этом она себя виновной не признает, она говорит: я виновна в том, что подбросила мертвого ребенка. Показание г. Карицкого заключается в том, что все, что здесь говорится, есть чистейшая клевета на него. Возражая на то, будто бы он подбросил ребенка, он говорит, что если бы взялся за это, то никогда не положил бы ребенка на мосту, а бросил бы его под мост. Но, по моему мнению, именно этого он никогда бы не сделал, потому что ночью несравненно удобнее оставить ребенка на мосту, чем спускаться под мост и тем обращать на себя внимание первого прохожего, будочника или ночного сторожа. Карицкий постоянно ссылался на предварительное следствие, отыскивая там какую-то опору для своего оправдания, но каждый раз был пре-^{27}дупреждаем председателем, разъяснявшим ему закон, запрещающий ссылаться на показания, данные на предварительном следствии. Я, со своей стороны, глубоко сожалею о том, что

не могу открыть перед вами этого предварительного следствия, на котором г. Карицким давались совсем другие показания. Что касается до показаний г-жи Дмитриевой, то о них я буду говорить после; теперь я позволю себе сделать оценку некоторых свидетельских показаний. Начну с показания г. Галича. По совести говоря, я в первый раз в продолжение всей службы встречаю такого свидетеля. Не говоря уже о том, что этот человек на предварительном следствии дал четыре разных показания, прочитанные здесь на суде, мы целый день допрашивали его, чтобы добиться от него, когда была совершена кража, но, несмотря на усилия защитников и мои собственные, вопрос этот так и остался не разъясненным. Обыкновенно люди помнят несравненно лучше о том, что случилось недавно, но у г. Галича это выходит наоборот. Сначала он все забыл, затем, чем более время совершения кражи отдалялось, он все более и более припоминал. Сначала у него украл человек в деревне, в то время, когда он был в Липецке, а через два с половиной года он утверждает, что деньги должны были у него пропасть в Липецке, а не в деревне. Напрасно он уверял нас здесь, что сам заведует своим хозяйством, я сильно в этом сомневаюсь. При той системе управления имуществом, которую он себе усвоил, нет ничего удивительного, что у него украли сорок тысяч. Что касается до его показаний на суде и следствии, то я должен предположить одно из двух: или, что, давая их, он находился в состоянии ненормальном, или же показывал по чьей-нибудь программе.

Господин Дюзинг пригласил сюда в качестве свидетеля врача Фелюшина. Я не знаю, зачем этот свидетель был вызван, но знаю, что он показал. Он говорил только, что они с Дюзингом были приглашены к г-же Дмитриевой на консилиум, приехали, подошли к ней, наклонились, пощупали пульс, затем подвязали колокольчик и потихоньку уехали. Господин Карицкий вызвал сюда смотрителя тюремного замка Морозова. Цель вызова этого свидетеля понятна: он должен был опровергнуть показание г-жи Дмитриевой о свидании с нею Карицкого в тюремном замке, но свидетель оказался уже слишком усердным – он показал, что вовсе не знает, кто такой г. Карицкий. Я спрашиваю вас: может ли это быть, чтобы смотритель тюремного замка не знал воинского начальника рязанской караульной команды. Вы слышали, как на предварительном следствии этот свидетель показывал, что все вещи выдаются арестантам из цейхгауза и что Дмитриеву он туда не впускал. Здесь он дал новое показание, которого я даже вовсе не понимаю, до такой степени оно бессвязно. Он говорил, что арестантские вещи сохраняются в порядке, на каждой имеется особый ярлык и выдаются они арестантам из конторы, когда арестантов немного, а когда, напротив, они являются за получением толпой, тогда их ведут в цейхгауз и предоставляют им самим разбирать вещи. Подобного рода объяснение бросает тень и на все остальное его показание. Вам известно самим, что если губернскому воинскому начальнику угодно добиться свидания с арестантами, то достигнуть этого не представляется никаких особых затруднений: стоит только сказать одно слово смотрителю тюремного замка, а г. Морозов {28} под присягою показывает, что ему ничего будто бы не было известно о свидании Карицкого с Дмитриевой. Но мне

кажется, нет основания не верить Соколову – человеку, занимающему почтенную должность нотариуса, известному своею деятельностью всему городу, – который, также под присягою, показал, что сам Карицкий домогался видеться тайно с Дмитриевой, и что если Морозов на то не соглашался, то только из боязни прокурорского надзора. Кроме Морозова, г. Карицкий выставил здесь еще трех свидетелей в удостоверение того, что губернский воинский начальник ни на одну минуту не может отлучиться из города без разрешения высшей власти и без того, чтобы не сдать штаб-офицеру исправление своей должности на время своей отлучки. Может быть, оно и действительно так быть должно, но я сомневаюсь в том, чтоб это требование всегда исполнялось с такою точностью, потому что сам Карицкий говорил здесь, что, отправляясь для инспектирования войск, расположенных в губернии, он заезжал к разным знакомым и гостил у них, не доводя о том до сведения начальства. Таким образом, все эти удостоверения клонятся к тому, чтобы доказать, что г. Карицкий не мог ездить с г-жой Дмитриевой в Москву. Но мне кажется, что живя в губернском городе, от которого в обе стороны идут железные дороги, вовсе нетрудно на день, на два и даже более незаметно отлучиться из города без разрешения высшего начальства и без соблюдения других формальностей. На мои расспросы эти свидетели показали, что занимаются докладом губернскому воинскому начальнику дел судных, а между тем ни один из них не мог указать мне закона, на основании которого г. Карицкому было выдано прочтенное здесь свидетельство о том, что он в известное время не отлучался в Москву без разрешения начальства. Затем все эти свидетели уклонялись отвечать на один вопрос, а именно: когда поступило к воинскому начальнику следственное дело о растрате казенных контрамарок; из их ответов можно было заключить, что дело это как будто никогда не поступало в канцелярию воинского начальника и что даже ни одной бумаги по этому делу не было написано. Защитник г. Карицкого успел заявить вчерашний день о показании некоего Клоповского, прислуживавшего г. Карицкому в то время, когда он гостил у Галича. Хотя это показание дано на предварительном следствии и потому не могло быть вчера прочтено, но так как на него сослался уже г. Плевако, то я позволю себе объяснить, в чем состояло это показание, которому как обвинительная власть, так и защита не придавали особого значения, вследствие чего свидетель, давший его, и не был вызван в суд. Свидетель этот показал, что г. Карицкий ночевал в кабинете, в котором стояли три кровати. В этом ничего нет особенного, потому что у Галича, кроме Карицкого, было много гостей, но дело в том, что сам Галич склоняется более к тому, что Карицкий ночевал один, и я нахожу это очень естественным, во-первых, потому что Карицкий был лицом уважаемым в этом семействе, и, наконец, лицом высокопоставленным, что, хотя в кабинете и стояло три кровати, но едва ли, желая доставить ему спокойствие, хозяин положил бы в одной с ним комнате еще двух соседей.

Далее я обращаю ваше внимание на показание врача Модестова, вызванного г. Карицким для удостоверения того, что Дмитриева будто бы притворя- {29} лась, уверяя окружающих, что кашляет кровью. Я не вижу,

каким образом показание это может служить во вред или в пользу г-жи Дмитриевой, и не придаю этому факту никакого особенного значения; я жду тех выводов, которые сделает из него защита, теперь уже замечу только, что показание врача Модестова опровергается показаниями других свидетелей. Он говорит, во-первых, что кровотечение у Дмитриевой было обильно, и, во-вторых, что печенки крови, которые он вынул у нее изо рта, были снаружи теплы, а внутри холодны; из этого должно заключить, что г-жа Дмитриева клала себе в рот какие-нибудь посторонние печенки крови. Но г. Стародубский, врач, бывший вместе с ним у Дмитриевой, ничего подобного не заметил и никакого сомнения в том, что кровь идет из легких, не заявлял; напротив, он показал, что еще в 1865 и 1866 годах лечил Дмитриеву от кровохарканья, обильное количество которого его нисколько не удивляло, так как бывают кровохарканья, от которых умирают. Стародубский никаких пиявок, о которых говорил Модестов, у Дмитриевой не видал; не видала их также и горничная ее, Марья Царькова, и, хотя г. Модестов показал здесь, что видел у цирюльника присланного к нему за пиявками от г-жи Дмитриевой мальчика лет 18, но из показания Гурковской и Царьковой оказалось, что у Дмитриевой мальчика таких лет никогда в услужении не было. Далее г. Модестов показал еще, что в 1868 году у г-жи Дмитриевой он часто виделся с г-жою Карицкою, но из показаний г-жи Дмитриевой и самого Карицкого видно, что жена его уехала в последних числах сентября месяца 1867 года; следовательно, в 1868 году Модестов никак не мог видеть г-жу Карицкую у Дмитриевой, а в 1867 году, по его показанию, он был у Дмитриевой всего только два раза, и если предположить, что он оба раза заставал там г-жу Карицкую, то и тогда нельзя сказать, чтобы он ее очень часто видел. Таким образом, во всем этом показании, переданном мною дословно, нет ни одной доли правды. Единственное, что в нем достоверно, это то, что г-жа Дмитриева просила его показать ее помешанною. Это весьма вероятно, потому что около этого времени обнаружилась кража, и чтобы ускользнуть от преследования судебной власти, г-жа Дмитриева, с общего согласия родственников, действительно могла просить его об этом. Если это показание и не подтверждено фактами, то все-таки оно обладает значительною долею вероятия.

Со стороны г. Сапожкова был вызван свидетель Стабников. Показанием своим этот свидетель обличает сам себя. По его словам, Кассель, которой он прежде не знал, зайдя к нему на страстной неделе в среду, от вечерен, начала рассказывать о том, что была очевидицей этого дела; далее она открыла ему, что г-жа Дмитриева подговаривала ее показать не так, как было на самом деле; в заключение г-жа Кассель отдала ему, свидетелю Стабникову, ту записку г-жи Дмитриевой, которая была предъявлена на суде. Выслушав эту повесть, говорит Стабников, он почувствовал сильное желание пойти и рассказать все это прокурору, но вместо этого отправился в Варшаву, поручив жене, чтобы она строго наблюдала за Кассель и не потеряла записки, отданной ей на сохранение. Показание это, не говоря уже о том, что оно указывает на прямое желание г. Стабникова молчать о том преступлении, о котором ему {30}

заявила Кассель, само по себе очень странно, странно по неправдоподобности событий, им переданных. Возможное ли дело, чтобы Кассель, зайдя в первый раз в дом незнакомого ей человека, ни с того, ни с сего стала ему рассказывать о том, что она была очевидицей преступления? Тут естественно возникают такие предположения: или г-жа Кассель, которая публично заявила здесь о своей правдивости словами: «Могу ли я говорить неправду», находилась в это время в ненормальном состоянии, или же она была подслушана Стабниковым, который также, во имя правды, готов молчать о чем угодно. Но во всяком случае, вероятно, были какие-нибудь особенные причины вызова в суд г. Стабникова, несмотря на то, что он не был спрошен на предварительном следствии. При этом произошло странное явление, на которое все, вероятно, обратили внимание. Защитник г-жи Кассель по поводу этих показаний представляет записку, которая прямо уличает его клиентку в недонесении и оправдывает г. Карицкого! Странно и то, что записка эта, по-видимому, имея то значение, которое старались ей придать здесь на суде, не была предъявлена на предварительном следствии. Очевидно, что здесь рассчитывали на особого рода неожиданность и этой неожиданностью хотели придать записке то значение, которого она на самом деле не имеет. Если мы примем во внимание объяснение, данное г-жой Дмитриевой на суде по поводу этой записки, а именно, что она, из любви к Карицкому и по усиленным его просьбам, написала ее, что смотритель Морозов возил эту записку к Карицкому и, возвратясь от него, сжег какие-то лоскутки, и что г-же Дмитриевой ничего не стоило купить у Кассель за 5 рублей эту записку, – то последняя совершенно потеряет в ваших глазах то значение, которое силятся придать ей лица, ее представившие. Но несмотря на все это, несмотря на то, что я с первого взгляда усомнился в тождественности почерка этой записки с почерком г-жи Дмитриевой, последняя открыто признала, что действительно эта записка писана ею. При разборе этой записки, мне кажется, несостоятельность ее становится особенно очевидной, если принять в соображение, что этот документ был представлен в суд тотчас после того, как г. председатель объявил предостережение защитнику Кассель за то, что он позволял себе входить в комнату г. Карицкого. Этим исчерпывается вся суть свидетельских показаний.

Обращаюсь теперь к показаниям г-жи Дмитриевой. Прежде всего я обращаю ваше внимание на те условия, при которых было дано это показание. Г-жа Дмитриева первоначально признала себя виновною в краже и вследствие этого была заключена в острог, хотя она в сущности и не сознавала себя виновною в этом преступлении, а приняла его на себя по просьбе Карицкого, который обещал затушить это дело. Понятно, что в остроге она образумилась. До тех пор, находясь на свободе, пользуясь более или менее удовольствиями жизни, любя Карицкого и продолжая иметь с ним свидания, Дмитриева не задумывалась над преступлением, которое за год пред этим совершила. Но оставшись в тюрьме, наедине со своею совестью, она поняла все значение своего поступка, решила рассказать следователю все чистосердечно и с этой целью вызвала его к себе. Прежде всего достоинство этого показания

заключается в том, что оно внушено ей не кем-нибудь посторонним, а сделано ею добровольно-^{31}но. Заметьте, что Дмитриева обвинялась только в краже и могла совершенно молчать о произведении выкидыша; это последнее преступление было известно только тем, которые участвовали в нем и которые, конечно, хранили бы его в глубокой тайне; к тому же, раскрыв его, она не могла не знать, что обвиняла себя в преступлении, несравненно более важном, чем то, в котором она первоначально обвинялась. Поддерживать обвинение в краже довольно трудно даже в настоящее время. Все обстоятельства, взятые вместе, убеждают меня что сознание Дмитриевой вполне искренно и, кроме того, вполне правдоподобно, что оно во многом подтверждается обстоятельствами дела и притом указывает еще на тот факт, который никакими свидетельскими показаниями доказать нельзя. Карицкий заявил предположение, что Дмитриева дала такое показание по чьему-либо подговору, и, мне кажется, намекнул этим на товарища прокурора Костылева и на мужа подсудимой.

Вы слышали, господа присяжные, показания обоих супругов. Оба они резко выдавались из ряда прочих и не могли не обратить на себя вашего особенного внимания. Ни сбивчивости, ни противоречия в них не было, ничего такого, что могло бы набросить на них хоть тень подозрения в ложности. Повторяю, Дмитриева дала свое показание совершенно добровольно и только по совету Костылева. Когда она сказала ему, что желает открыть настоящее преступление что показание ее о краже денег ложно, и что вина ее состоит лишь в том, что она продавала эти билеты и подписывалась чужим именем, Костылев видел, что она обманута и, очень естественно, поступил так, как поступил бы всякий порядочный человек на его месте, то есть посоветовал сказать истину. А показание мужа Дмитриевой! Оно не могло не произвести на вас потрясающего впечатления. Вы видели пред собой человека обманутого, брошенного женой, разлученного с детьми. Но все зло, сделанное ему, он ей простил. Дмитриева зато при первом свидании с мужем, по его словам, сделала такое искреннее сознание, которому нельзя не верить. Слова Карицкого, что Дмитриев клеветает на него, вам, вероятно, показались странными. По какому поводу брошена была им тень на этого свидетеля, не знаю; я читал от слова до слова все предварительное следствие и ни в одном месте не нашел повода, который давал бы право Карицкому заподозрить Дмитриева в клевете против него. Притом же возьмите во внимание, что Дмитриев, чего не отвергает и сам Карицкий, находился в хороших отношениях с ним и с его женою, по крайней мере, ни Карицкий, ни один из свидетелей не указал на то, чтобы между ними были неприятности.

Да, я еще забыл упомянуть об одном обстоятельстве, именно о показании г-жи Дмитриевой относительно тех денег, которые взял у нее г. Карицкий. Она говорит, что он взял у нее восемь тысяч и не отдал ей этих денег, но что, когда она уже находилась в тюремном замке, он предложил ей обратно часть их, именно четыре тысячи, под тем условием, чтобы она отдала ему записки, но так как она не соглашалась на это, то он вовсе не отдал ей денег. Кроме этого, г. Карицкий неоднократно закладывал в банк ее билеты, и

когда нужно было давать ему деньги, она никогда не сомневалась, что получит их обратно. Стало быть, какой же мог быть у нее повод, кроме Карицкого, клеветать еще {32} на Сапожкова, Дюзинга и Кассель? Эти люди совершенно ей посторонние, как, например, Дюзинг, бывавший у нее редко. Что же это такое? Для чего это делалось? Что деньги были украдены у Галича – это было дознано, но зачем же ей было открывать второе преступление? Ей было совершенно достаточно оклеветать Карицкого только в первом, чтобы погубить навсегда его доброе имя, если только ей этого хотелось. Но, затем, нельзя не согласиться и с тем, что показания ее подтвердились во многом. Итак, неужели она для этой цели подкупила и свидетелей? Но прежде чем утверждать это, надо предварительно исчислить, какую сумму она могла израсходовать на это, и необходимо предположить, судя по количеству и качеству свидетелей, сумма эта должна выйти немаловажной. Обстоятельства дела, как их рассказала г-жа Дмитриева, происходили таким образом. Разъехавшись с мужем и встретившись с Карицким, она полюбила его и вскоре вступила с ним в связь. Существование этой связи отвергается Карицким, но мне кажется, что нет возможности сомневаться в ее действительности. Мы видим, что они находились в самых близких отношениях; это не отвергает и сам Карицкий. Он говорит, что все было к ее услугам, и что, когда она приезжала к нему в дом, то могла распоряжаться в нем, как бы он сам лично или его жена. Мы видим, что он не только обслуживал ее экипажами, лошадьми и поварами, но даже во время болезни ее в сентябре 1867 года, когда производился выкидыш и когда, следовательно, присутствие посторонней прислуги было неудобно, он присылал к ней своих солдат. Солдаты были не какие-нибудь бессрочно-отпускные, а состоявшие на действительной службе, что ясно видно из показаний Марьи Царьковой о портупях и штыках, которых у бессрочно отпускных никогда не бывает, а тем более тогда, когда они поступают куда-нибудь в услужение. Из показаний Царьковой видно также, что когда Карицкий заезжал к Дмитриевой, то подолгу у нее сидел. Ночевал ли он там, она этого не утверждает; она показывает, что очень вероятно, что ее на это время отсылали ночевать к матери, а дежурить оставалась Кассель, которая на другое утро попрекала ее, что «вот тебе легко, а я целую ночь дежурила, потому что был Карицкий». Еще есть один небольшой факт, который, сколько мне помнится, Карицкий отрицает. Это письмо Дмитриевой к нему, в котором она упоминает о цепочке, посланной ему в подарок. Эту близость отношений Карицкий объясняет родством его с Дмитриевой, но родство это состоит в том, что он, сколько я помню, приходится двоюродным племянником жены ее дяди. Такое родство едва ли даст право на столь близкие отношения, какие между ними существовали.

Находясь в постоянной связи с Карицким, Дмитриева сделалась от него беременною. Он начал склонять ее произвести выкидыш, на что она и согласилась. Но какие же, спросите вы, могли быть у Карицкого побуждения склонять Дмитриеву к совершению такого преступления? Объяснение найти нетрудно. Из показания мужа Дмитриевой видно, что у отца ее было порядочное состояние, так что на ее долю могло прийти примерно тысяч 25.

Между тем, по словам Дмитриевой, жена Карицкого была ему почти постороннею женщиной, и этому можно верить, так как еще в 1867 году она уехала от него в Одессу. Таким образом, ввиду холодных отношений к своей жене, с одной стороны, и {33} ввиду привязанности к нему Дмитриевой, с другой, Карицкий мог рассчитывать, что воспользуется ее состоянием, и такой расчет его вполне понятен. Ввиду всех этих обстоятельств, а также и того, что мать и отец Дмитриевой, по-видимому, люди строгие, могли бы весьма легко лишиться ее всего наследства, если бы заметили ее беременность, ничего нет мудреного, что Карицкий стал уговаривать Дмитриеву скрыть свою беременность. По-видимому, это можно было бы сделать гораздо проще, посоветовав ей отправиться в Москву и там, в Воспитательном доме, разрешиться от бремени, но мы видели из показания свидетелей, что мать ее должна была приехать туда же, следовательно, могла ее там разыскать. Таким образом, Дмитриева не имела другого средства скрыть свою беременность как произведением выкидыша. По показаниям Дмитриевой, Карицкий с этой целью давал ей сначала янтарные капли; затем уговорил Дюзинга, который, впрочем, сказал, что он в этом деле не очень опытен, и обещал приискать другого врача. Вследствие этого произошла переписка между ним и Сапожковым, о которой я скажу впоследствии, но так как Сапожков обнаружил колебание пред таким преступлением, а между тем настала необходимость произвести выкидыш как можно скорее, потому что со дня на день ждали приезда матери, то оказалось нужным прибегнуть к какому-нибудь решительному средству. В Сапожке, в его готовности или его умении сомневались, приглашать же еще кого-нибудь было безрассудством: чем более лиц узнало бы об этом деле, тем скорее оно могло бы обнаружиться. Вот единственно, что могло понудить Карицкого взять на себя такую роль. Мне кажется, что если бы эту операцию совершил врач, то, конечно, совершил бы ее искуснее. Мы слышали, что после того, как Карицкий проколол Дмитриевой околоплодный пузырь, у нее прошли воды и показалась кровь. По объяснению экспертов, это могло случиться лишь оттого, что, вводя зонд, он повредил ей при этом какую-нибудь из близлежащих частей или же саму матку. Понятно, что врач произвел бы эту операцию без таких последствий. Несовершенство операции указывает, по моему мнению, на не совсем искусную докторскую руку, которая ее делала. А что операция могла быть произведена не врачом, об этом положительно удостоверил здесь эксперт и многие другие доктора. Тем более операция эта нетрудна для такого человека, который знает, как нужно ввести зонд. Дмитриева же показала, что Карицкому объясняли способ введения и она, и Сапожков. Затем Дмитриева заболевает и во время болезни начинает бредить; в бреду она высказывает намеки на совершение этого преступления. По словам ее матери, она кричала в бреду: «Больно, пузырь прорвал! Николай Никитич, ты весь в крови, сними саблю!» Этот крик вырывался у нее несколько раз, и каждый раз она называет виновника своих страданий Николаем Никитичем. По мнению Карицкого, любовница в бреду не называла бы его Николаем Никитичем. Но дело в том, что не только любовница, но и жена сплошь и рядом называет своего мужа по

имени и отчеству, и из этого вовсе не следует, чтоб они находились в холодных между собой отношениях. Это просто делается по привычке, без всякого намерения, не отдавая себе в том отчета. Вероятно, и Карицкий не раз называл Дмитриеву Верой Павловной. Но если этот бред относится не к нему, то странно, {34} почему всякий раз упоминалось его имя? Почему в таком случае назван не настоящий виновник, а постороннее лицо? Всякий согласится с тем, что если человек находится в горячке, то его нельзя заподозрить, чтобы он стал кого-либо оговаривать; для оговора нужно сознание, а в бреду человек находится в бессознательном состоянии. Совершенное преступление еще более связало Дмитриеву и Карицкого, если не в смысле привязанности, то во имя необходимости для обоих молчать о нем.

Так прошел 1867 год. В следующем 1868 году Дмитриева вторично сделалась беременною от Карицкого; в этом же году случилась кража денег у Галича. Карицкий предан был суду по обвинению в совершении этой кражи на том основании, что ночевал один именно в том кабинете, откуда эти деньги пропали. Из показания Дмитриевой обнаружилось, что украденные билеты, с которыми она попалась, вследствие чего и было обнаружено дело, были получены ею от Карицкого. Но какие могли быть побуждения у этого последнего, чтобы совершить кражу? Дмитриева объясняет, что во второй половине 1868 года ему понадобились деньги на покрытие значительного недостатка в казенных контрамарках, обнаруженного в управлении его как воинского начальника. Хотя здесь и было показано, что пропало этих контрамарок только 50 штук, всего на 37 рублей 50 коп., так как каждая из них стоит 75 коп., но я скорее верю показанию Дмитриевой, по словам которой пропало их на сумму около полутора тысяч. И в самом деле, если бы их было растрчено на такую ничтожную сумму, как 37 рублей, то, вероятно, такая пропажа никогда бы и не обнаружилась. Первый делопроизводитель предпочел бы, конечно, скорее вложить свои 37 рублей, чтобы не попасть под уголовное следствие. Не так бывает, когда сумма растраты значительна. Тут и высокопоставленному лицу приходится задуматься над тем, где достать денег в данный момент, если у него нет знакомого, у которого он мог бы занять. В 1868 году, в апреле месяце, дело об этой пропаже было передано от судебного следователя воинскому начальнику. Если бы нам здесь сказали, что виновник ее был обнаружен, предан суду и понес наказание, то, конечно, этот факт не имел бы для нас по отношению к настоящему делу никакого значения. Но судьба этого дела не разъяснилась, и о дальнейшем движении его нам, конечно, неизвестно. Понятно, что единственная возможность потушить его и отвлечь от себя неприятность – так как на всякого начальника открывшиеся в подведомом ему управлении беспорядки набрасывают неблагоприятную тень, в особенности, когда обнаруживается растрата денежных сумм, – состояла в том, чтобы внести эти деньги. Карицкому очень хорошо было известно положение Галича, с которым он был близко знаком, и, вероятно, сам Галич не раз рассказывал ему о своих средствах и, может быть, упоминал даже о том, где у него хранятся деньги. При этом у Карицкого весьма легко могла родиться мысль совершить кражу. Что кража эта была совершена не в дороге, как

показывает Галич, в этом можно убедиться из его же собственного первоначального показания, в котором он говорит, что заподозрил в этой краже человека, остававшегося в деревне. Здесь же, на суде, он категорично утверждает, что кража совершена в Липецке. Но почему же в таком случае, возвратившись из Липецка в деревню, [35] он заподозрил в ней человека, остававшегося в его усадьбе? До тех пор, пока Галич не объяснит этих противоречий, которыми преисполнены его показания, я не могу придавать им ни малейшего значения и никакой веры. В показаниях Дмитриевой есть одно относящееся сюда обстоятельство: она говорит, что еще перед именинами тетки, то есть в июле месяце, когда она находилась в деревне у своего отца, сестра Карицкого писала туда к ней, что Карицкому нужны деньги и что он хочет поручить ей разменять несколько билетов; следовательно, украденные у Галича билеты были уже у Карицкого еще до именин г-жи Галич.

Дмитриева говорит затем, что Карицкий дал ей четыре билета перед отъездом в Ряжск. На первый взгляд представляется странным, зачем ей нужно было ехать в Ряжск, чтобы менять билеты. Но эта странность легко объясняется тем, что для Дмитриевой гораздо рискованнее было менять билеты в Рязани, нежели в другом каком-либо городе. Если в Ряжске явилось у Морозова сомнение потому только, что он купил эти билеты у барыни приезжей, то тем легче было возбудить это сомнение в Рязани, где Дмитриеву знала гораздо большая масса людей. Здесь ей нельзя было бы пройти одною улицей города без того, чтобы не быть замеченною кем-либо из знающих ее, и, коль скоро проданные ею билеты были бы заподозрены, каждый мог бы указать на нее как на сбытчицу. Рассказ Дмитриевой о всем происходившем с нею в Ряжске совершенно подтверждается свидетельскими показаниями. Повторять его я считаю излишним и иду далее. Она говорит, что отправилась в Москву вместе с Карицким, что здесь вместе с ним ездила в конторы Юнкера и Марецкого, где предлагала разменять билеты, но что обе конторы отказались это сделать. Отказ этот объясняется тем, что когда обнаружилась кража у Галича, судебный следователь дал знать об этом случае московской полиции, которая, в свою очередь, сообщила всем банкирским конторам, чтобы они таких билетов не покупали и продавца их тотчас представили в полицию. Отчего же его не представили, спросите вы. Но вам известно, вероятно, что всякий старается по возможности избавиться от прикосновенности к такому делу, и только благодаря этому Дмитриева и не была задержана, так как названные ею конторы ограничились тем, что не приняли от нее билетов.

Карицкий отвергает самый факт своей поездки с Дмитриевой в Москву, и действительно, его в то время никто там не видал, но из этого еще не следует, что он на самом деле там не был. Из показаний Дмитриевой видно, что когда они подъезжали к конторам, то он не выходил из кареты. В гостинице же стоял он под фамилией Галич. Следовательно, доказать то, что он в это время останавливался в гостинице и менял в конторах билеты, нет никакой возможности, тем более, что он уехал, по словам Дмитриевой, в тот же вечер вместе с нею в Рязань. Вероятно, многим из вас по опыту известно, что в некоторых гостиницах в первые дни приезда никто не требует вида. Но

поездка Дмитриевой в Москву, кроме ее о том показания, подтверждается еще свидетельством Гурковской, обратившей ваше внимание на то обстоятельство этой поездки, что Дмитриева, собравшись в Москву на несколько дней, неожиданно уехала в тот же день вечером. Этот поспешный отъезд объясняется тем, что, {36} видя неудачу в размене билетов и убедясь, что о них знают уже во всех конторах, она поторопилась скрыться из Москвы, так как разъезды их по конторам легко могли бы дойти до сведения полиции.

Исследуя далее рассказ Дмитриевой, мы видим, что в 1868 году ей пришлось разрешиться вторым ребенком. Так как на этот раз тех обстоятельств, которые заставили ее в 1867 году произвести выкидыш, уже не имелось в виду, то ей и не было надобности прибегать вторично к совершению подобного же преступления, и все дело ограничилось тем, что Карицкий выдал ей вид на богомолье, с которым она уехала в Москву, где и разрешилась в Воспитательном доме. Но если Дмитриева находилась только в хороших отношениях и поэтому часто виделась с Карицким, то этот последний не мог бы не заметить ее беременности; между тем он утверждает, что и об этом обстоятельстве он ничего не знал. Затем, возвратившись, она разменивает еще несколько билетов и купонов при посредничестве Соколова, который спрашивает ее, знает ли об этом Карицкий. На это она по секрету сообщает ему, что билеты получены ею от Карицкого. Но на каком основании Соколов предложил ей подобный вопрос? Я думаю, что это легко объясняется таким предположением: связь Карицкого с Дмитриевой продолжалась довольно долгое время, и, без сомнения, Соколов знал о ней, а зная, естественно, пожелал справиться, насколько совершаемая денежная операция согласна с волей столь близкого Дмитриевой лица. Прошло немного времени после этого, и г. Галич получает известие, что билеты его проданы в Рязске; едет туда, разузнает и убеждается в том, что билеты продавала его племянница, Дмитриева, которая подписала расписку о найденных и представленных ей 12 купонах, отрезанных от этих билетов. Само собой разумеется, что у г. Галича явилось подозрение в том, что и сама кража совершена не кем иным, как его племянницей. Он едет в Рязань и вместе с отцом Дмитриевой начинает уговаривать ее сознаться в этом преступлении. Дмитриева говорит, что по совести она не может признать себя виновною, и напоминает им, что сама предложила обыскать себя в то время, когда была обнаружена кража. Не сознаваясь, она знала, что билеты эти были получены ею от Карицкого, и жалея его, как человека близкого и любимого, она, естественно, не хотела обнаружить это обстоятельство; поэтому-то она так настойчиво просит прежде всего пригласить Карицкого. После долгих просьб Карицкий соглашается приехать, но с тем условием, чтобы все люди были высланы из дома и никто никогда не знал об этом посещении. По показанию Дмитриевой он остается с нею наедине и спрашивает ее принять на себя кражу, уверяя, что дядя, если она попросит прощения, потушит это дело, так как почти вся похищенная сумма состоит из именных билетов и так как, собственно говоря, он ничего не теряет, и что отец, вероятно, согласится пополнить недостающую сумму для отклонения позора, падающего на его дочь. С другой стороны, он,

Карицкий, также употребит все свое старание, чтобы потушить это дело. Под влиянием этих убеждений Дмитриева выходит к родителям и объявляет, что кража совершена ею. Понятно, что она рассчитывала на их сострадание, а также на помощь Карицкого и, конечно, могла быть уверена, что ее сознание в краже далее этого разговора никуда не пойд³⁷ет. И действительно, Галич представляет на имя прокурора объявление, в котором говорит, что все это произошло по ошибке и что деньги взяты Дмитриевой нечаянно, но прокурор не считает этого достаточным для прекращения следствия, потому что деньги, взятые нечаянно, возвращены не были. Таким образом, этот способ прекращения дела не удался, и потому прибегли к другому: начали доказывать, что Дмитриева была помешанной; в подтверждение этого было выставлено несколько свидетелей и, между прочим, г. Галич, который распространялся о том, что поведение ее было весьма странное и что ему в Рязске Морозов рассказывал, будто Дмитриева была в чрезвычайно ненормальном состоянии, заставлявшем усомниться в ее умственных способностях. С этого момента г. Галич начинает путаться в показаниях. Так, например, он дает объяснение, что Дмитриева могла принять билеты за модные картинки. Цель этой путаницы, мне кажется, можно разъяснить показаниями самой Дмитриевой. Я думаю, что отец и дядя, как и всякий, исключая одного Карицкого, с того момента, как она сделала сознание, пришли, вероятно, к убеждению, что между нею и Карицким были особые близкие отношения, в силу которых Дмитриева слушается его одного. Но, так как, с одной стороны, родные ее были в хороших отношениях с Карицким, и так как, с другой стороны, для Галича потеря была незначительна, то очень вероятно, что они предполагали, что обличая Дмитриеву, они вместе с тем будут обличать и Карицкого, что из всего этого может выйти скандал, что дело, положим, кончится ничем, но будет придана ему излишняя огласка. Во избежание того они стали утверждать, что Дмитриева помешана. Но как ни убедительны были эти объяснения, все-таки против Дмитриевой было столько улик, что она была арестована.

Находясь в тюремном замке, она поняла, в какое положение ее поставили, и когда следователь вызвал ее для допроса, она показала ему письмо, которое хотела послать Карицкому и в котором говорит, каково ей страдать, не зная за собой никакой вины. Это было первое обличение, выставленное Дмитриевой против Карицкого. Вслед за этим было обнаружено, что в Москве, в конторе Люри, было продано несколько билетов за теми номерами, которые значатся на некоторых билетах, украденных у г. Галича. На счете стояла фамилия Галич. Кто продавал их? Обстоятельство это осталось неразъясненным. Затем были найдены купоны на станции Рязанской железной дороги, после того, как Дмитриева уже была арестована и когда, следовательно, она ни потерять, ни подкинуть их не могла. О потере этих купонов на весьма значительную сумму ниоткуда никакого объявления не поступило. Стало быть, никто их не терял, потому что всякий потерявший заявил бы об этом. Билеты, следовательно, могли быть подкинuty только тем, для кого они представляли сильную улику. Дмитриева была в остроге. Кто же

это другое лицо, на которое ложится тень подозрения? Карицкий, конечно, не мог быть вполне уверенным в том, что Дмитриева останется при первоначальном своем показании: он мог ожидать поэтому каждый день, что у него произведен будет обыск; он не мог не предвидеть также, что если найдут у него купоны, которые Дмитриева отдала монахине Поповой, сказав, что это письма жены Карицкого, то, конечно, против {38} него появится сильная улика. Нет ничего мудреного, что сознавая всю важность этой улики, понимая, что разменять эти купоны было уже поздно, так как кража огласилась, и лицо меняющееся, сам ли он или другой кто-нибудь, рисковал бы быть задержанным,— ничего нет мудреного, что ввиду всего этого, как на единственном средстве избавиться от этих купонов, он остановился на необходимости их подкинуть. Вслед за сознанием Дмитриевой начинаются происки со стороны Карицкого, клонящиеся к тому, чтобы она сняла с него оговор. Средством осуществить цель этих происков является, во-первых, свидание Карицкого с Дмитриевой в остроге. На этот раз мне приходится опираться не на одни только показания Дмитриевой: я сошлюсь вам на четверых свидетелей, из коих трое положительно и один гадательно удостоверяют, что Карицкий приезжал в тюремный замок. Все они его знали, потому что они были из солдат, солдатам же трудно не знать своего воинского начальника и, следовательно, на этот раз в том, что Карицкий был в остроге, сомнения не существует. Он бывал там, по всей вероятности, и прежде, для того, например, чтобы убедиться, в исправности ли содержится караул; да, наконец, он мог бывать в тюремном замке просто как директор его. Свидетели несколько противоречат друг другу относительно часа, в который Карицкий приезжал в острог, и затем один говорит, что видел его, другой не видал; один видел, как приводили Дмитриеву в контору, а другой — когда она возвращалась обратно. Прежде всего на это надо заметить, что окно в тюремном замке осталось не замерзшим: в него-то могли смотреть арестанты и видеть Карицкого. Когда один из них заметил, что на двор вошел воинский начальник, то все, понятно, бросились к окну. В однообразной жизни тюремного замка, где всякое новое лицо своим появлением составляет почти событие, очень естественно, что приезд воинского начальника возбудил всеобщее любопытство. К одному окну, вероятно, бросились все находящиеся в комнате, которых было до сорока человек; понятно, что не все могли его увидеть: таких нашлось не более шести; остальные говорят, что его не видали. Хотя защитник Карицкого и возбудил вопрос, как это нашлось одно счастливое окно, которое осталось незамерзшим, но всякий знает, что не все окна всегда замерзают, это такой факт, против которого спорить нельзя. Но кроме показаний Дмитриевой и свидетелей, в действительности свидания ее с Карицким убеждает нас также и описание цейхгауза, сделанное Дмитриевой. Даже то обстоятельство, что она не до мельчайших подробностей описывает это помещение, служит косвенным подтверждением ее свидания: она приходила туда не для осмотра и потому не могла обратить внимание на подробности помещения. И при всем этом она сделала такое описание его, которое совершенно сходно с актом осмотра, составленным судебным

следователем. Если верить первоначальному показанию смотрителя тюремного замка Морозова, утверждавшего, что арестанты никогда в цейхгауз не допускались, Дмитриева не могла бы иметь об этом здании никакого понятия. Если же верить его последнему показанию, в котором он говорит, что арестанты ходили иногда в цейхгауз за своими вещами, когда были отправляемы большими партиями человек в полтораста и когда трудно было принести вещи в контору, то и тогда нельзя поверить, что Дмитриева {39} могла осмотреть цейхгауз, воспользовавшись подобного рода случаем: во-первых, потому, что она, как принадлежащая к привилегированному сословию, имела возможность пользоваться некоторыми услугами и вниманием местного надзирателя и, конечно, если бы ей понадобилось платье, то ей принесли бы его в камеру или в контору; если бы даже смотритель и не сделал относительно нее как женщины такой деликатности, то во всяком случае не послал бы ее за вещами с толпой арестантов, так как, по его же словам, арестанты впускались в цейхгауз тогда только, когда предстояло отсылать их большими партиями; не менее как человек в полтораста; но дело в том, что тюремному начальству не было никакой надобности выдавать Дмитриевой ее вещи, так как она никуда не отсылалась, а сидела преспокойно в камере. Наконец, сообразно с показанием г. Морозова, она за вещами не могла быть в цейхгаузе уже и потому, что в таком огромном количестве, как полтораста человек, никогда не бывало отправляемых женщин; одну женщину или несколько их вместе с мужчинами также в цейхгауз не впускали, как показал здесь сам Морозов.

За свиданием в остроге следует такое же свидание Карицкого с Дмитриевой в больнице. Нельзя сказать положительно, почему это второе свидание не состоялось по-прежнему в тюремном замке; потому, может быть, что Карицкий был уже уволен от должности и, следовательно, не мог иметь прежней свободы доступа в тюрьму; пожалуй, также и потому, что вскоре после увольнения Карицкого был уволен и смотритель тюремного замка Морозов. Почему бы там ни было, но только второе свидание устраивается в больнице. Перед поступлением сюда Дмитриевой в палате, в которой она должна была помещаться, раскрывается окно и оставляется в таком виде, чтобы можно было отворить его во всякое время. Вместе с Дмитриевой в больнице лежала другая арестантка, Фролова. В первую же ночь Фролова, проснувшись, почувствовала холод: видит окно отворенным, у окна стоит Дмитриева и разговаривает с кем-то. Не желая простудиться, Фролова сначала просила ее затворить окно, потом требовала этого, но Дмитриева все-таки не соглашалась. Фролова слышала, что Дмитриева просила в это время у стоявшего за окном человека 10 рублей, говоря ему, что вот ты даешь по 25 рублей солдатам, а мне отказываешь и в десяти. Он отвечал ей: «Покажи, как я тебе говорил, тогда дам». Фролова стоящего за окном человека в лицо не видала, но явственно заметила, что на голове у него была офицерская фуражка. По осмотру, произведенному судебным следователем, оказалось, что если встать на выступ наружной стены, то можно достать головой до окна. Был произведен еще другой осмотр, на основании которого можно было бы

отрицать, что окно выставлялось: в этом осмотре сказано, что, хотя во многих местах и есть щели, свидетельствующие о том, что замазка была выколупана, но в других частях рамы замазка осталась целою и сухою. Но больничный доктор, Каменев, подтвердил тот факт, что перед поступлением в больницу Дмитриевой окно было растворено, между тем как зимою в больнице ни под каким видом окон растворять не позволяют. Каменев приказал его тотчас же замазать, но это приказание было не совсем исполнено, то есть окно было только притворено, а не замазано; в последнем случае и щели при осмотре не оказалось бы. Может быть также, что вследствие какой-нибудь случайности замазка с одной стороны осталась цела, а с другой от температуры больничной комнаты слезла.

Вот и все, что я мог сказать по отношению к подсудимой Дмитриевой. Прибавлю в заключение, что не может не показаться странным то обстоятельство, что Дмитриева, продав билеты, полученные ею от Карицкого, не усомнилась в их качестве даже и тогда, когда в двух местах их отказались принять к размену. Если действительно у нее не явилось подозрения в том, что эти билеты краденные, то странно, с другой стороны, что она ни об этих билетах, ни о случившемся с нею по их поводу никому не рассказывала. Вот факт, который я не берусь обсудить, но который, конечно, обсудите вы.

Что касается до произведения выкидыша, то виновность Дмитриевой не подлежит сомнению, так как она сама созналась в этом преступлении.

Обращаюсь теперь к Дюзингу. Его обвиняющие обстоятельства: во-первых, собственное сознание, данное им на предварительном следствии, когда он говорил, что Дмитриева просила его о произведении выкидыша и что он убедил Сапожкова совершить это преступление; во-вторых, сознание, которое он сделал здесь на суде, подтвердив, что Дмитриева просила его о произведении выкидыша, равно как то, что он рекомендовал ей для этого Сапожкова. Разница только в том, что на предварительном следствии он сказал, что убедил Сапожкова, а здесь – что только рекомендовал его Дмитриевой, но не убеждал его произвести у нее выкидыш. Сапожков объяснил это обстоятельство таким образом: по его словам, Дюзинг был на ревизии в городе Скопине, предложил ему переехать в Рязань на службу, и когда он, Сапожков, стал говорить, что не видит в этом для себя никакой выгоды, то Дюзинг начал представлять ему разные доводы в пользу этого перехода, как-то: обещал ему предоставить место, хорошую практику и между прочим сказал, что у него есть одна знакомая, довольно богатая дама, которую надо вылечить и которая, в свою очередь, отрекомендует его другим. В конце концов Сапожков все-таки убедился в выгодах предлагаемого ему переезда в Рязань. Все это в весьма значительной степени подтверждается перепиской, происходившей между этими господами: те четыре письма, которые были пред вами прочитаны, упоминают между прочим о деле, за которое можно взять порядочное вознаграждение от важной особы; в одном из них Дюзинг рекомендует Сапожкову взять с собою маточное зеркало и маточный зонд. Я уже обращал ваше внимание на то, что в этом письме слова «маточный зонд» зачеркнуты. Это, как объясняет Сапожков, сделано им ввиду того, что если бы

в этих письмах были прочтены слова «маточный зонд», то тогда, конечно, пало бы на него сильное подозрение в производстве выкидыша. Совершенно другое дело маточное зеркало: это такой инструмент, который не может возбуждать никаких сомнений. Из относящихся сюда показаний Кассель видно, что когда во время болезни Дмитриевой она приехала к Дюзингу, то он сказал ей, что после того, что сделали с Дмитриевой, он не поедет к ней ни за что. Затем, в определении Московской судебной палаты есть еще другое показание Дюзинга, которое более подходит к данному им здесь показанию, а именно, что он только обещал убедить Са- {41} пожкова произвести выкидыш, но в то же время советовал последнему употреблять такие средства, от которых выкидыша не могло бы произойти, оставляя между тем Дмитриеву в том убеждении, что рано или поздно выкидыш последует. Но если бы он действительно имел намерение отвлечь Дмитриеву от такого преступления, на которое она решилась, то, конечно, не стал бы советовать средств крайне вредных, какова, например, спорынья. Наконец, из предъявленных вам писем вы можете усмотреть, что инициатива принадлежит Дюзингу же, который склонил Сапожкова к совершению этого преступления. Вот те данные, на основании которых Дюзинг должен быть признан виновным в том, что он подстрекал Сапожкова произвести выкидыш, равно как и в том, что он, зная о намерении Дмитриевой совершить такое преступление, не довел о том до сведения правительства.

По отношению к г. Сапожкову мы имеем точно такое же его собственное сознание, данное им на предварительном следствии, в котором он говорил, что г. Дюзинг и Дмитриева просили его произвести выкидыш, что он, с одной стороны, тронулся просьбами этой последней, которая представляла ему безвыходность своего положения, а с другой – желал получить известное вознаграждение за свои труды и окупить расходы на поездку в Рязань. Он начал, по его словам, употреблять разные внутренние средства, как-то спорынью и пр. Спорынья, говорит он, прописана была Дюзингом, но в таком количестве, что, по мнению экспертов, не могла быть безвредна, особенно для беременной женщины. Затем он советовал ей делать души. По его словам, при сильной натуре Дмитриевой это не могло иметь вредного влияния на ее организм. Но, во-первых, по мнению эксперта, спринцевание для беременной женщины вообще небезопасно, особенно же при частом его употреблении; во-вторых, мы имеем полное основание сомневаться в том, что вода была лишь несколько теплее парного молока, а именно по следующим основаниям: при производстве предварительного следствия судебный следователь определил температуру той воды, которою Дмитриева спринцевалась; для этого он в достаточно горячую воду положил термометр, предложил Дмитриевой опустить туда руку и когда она говорила, что вода горяча сравнительно с тою, какая употреблялась при спринцевании, то он подливал холодной воды, когда же она сказала, что вода точно такая, какая была, то он заметил градус, на котором термометр остановился. Тот же самый способ предложен был и Кассель. Этим путем были получены следующие результаты: одна из подсудимых остановилась на 34, другая на 37 градусах. По показанию же

эксперта, для произведения преждевременных родов употребляются спринцевания от 30 до 35 градусов. Таким образом, мы имеем полное основание заключить, что вода, которою Дмитриева спринцевалась по совету Сапожкова, была значительно теплее парного молока. Защитниками было возбуждено сомнение в действительности способа, который был употреблен следователем для определения температуры этой воды, возбуждено на том основании, что если горячую воду лить в холодную, то вся вода сразу не может принять равную температуру; с другой стороны, градусник, моментально опущенный, не может с надлежащей верностью определить температуру воды. Я полагаю, господа присяжные, что судебный следователь {42} человек настолько образованный, что не мог не понимать таких простых вещей: он мог дать время, чтобы термометр стал на тот градус, который обозначил бы температуру воды, то есть мог не сейчас вынуть его, но продержать до тех пор, пока уравнились бы все слои воды.

Было еще средство, которое употреблял Сапожков,— это частое введение зонда. Дмитриева говорит, что он прибегал к этому средству почти ежедневно. По мнению эксперта введение зонда для беременной женщины далеко не безопасно. Хотя Сапожков и говорит, что он вводил его с большой осторожностью, при которой не мог повредить околоплодного пузыря, но эксперт утверждает, что врач в данном случае не может быть уверен в себе, что не ошибется и не совершит того, чего Сапожков, по его словам, совершить не хотел.

Что касается последней подсудимой, г-жи Кассель, то о ней я скажу только, что ее показание положительно уличает ее в том преступлении, в котором она обвиняется, а именно, что она, зная о всем, вокруг нее происходившем, не донесла кому следовало.

Думаю, что мои объяснения перед вами должны здесь окончиться. Я обвиняю г. Карицкого в краже у майора Галича денег на сумму около 40 тысяч рублей; Дмитриеву в укрывательстве заведомо краденного и в том еще, что она позволила Сапожкову, Дюзингу и Карицкому употреблять над собою разные меры и разные средства для изгнания плода; Дюзинга в том, что он подговаривал Сапожкова произвести у Дмитриевой искусственный выкидыш; Сапожкова в том, что он употреблял средства, которые медициной признаются пригодными для произведения выкидыша и, следовательно, по моему крайнему убеждению, хотел произвести то, о чем его просила Дмитриева; Карицкого в том еще, что он проколол околоплодный пузырь у Дмитриевой, и, наконец, Кассель в том, что она, зная о преступлении, не донесла о нем.

Речь 4. Речь Ф. Н. Плевако в защиту Каструбо-Карицкого

Вчера вы слушали две речи, речь обвинителя и защитника Дмитриевой. По свойству своему последняя речь была также обвинительной против Карицкого. Когда они кончили свое слово и за поздним часом моя очередь была отложена до другого дня, признаюсь, не без страха проводил я вас в вашу совещательную комнату, не без боязни за подсудимого, вверившего мне свою защиту, оставил я вас под впечатлением обвинительных доводов, которые так щедро сыпались на голову Карицкого. Но за мной очередь, мне дали слово... И я с надеждой на свои силы приступаю к своей обязанности. Я верю, что вы не позволите укорениться в своей мысли убеждению, что после слышанного вами вчера нет надобности в дальнейшем разъяснении дела и нет возможности иными доводами, указанием иных обстоятельств, забытых или обойденных моими противниками, поколебать цену их слов, подорвать кажущуюся основательность их соображений.

Обвинитель и защитник Дмитриевой, каждый по-своему, потрудились над обвинением Карицкого. Если прокурор подробно излагал в ряду с прочим улики против Карицкого, то защитник Дмитриевой исключительно собирал данные против него. При этом защитник Дмитриевой не мог не внести страстности в свои доводы. Прокурор имел в виду одну цель: разъяснить дело – виноват или не виноват Карицкий и во имя обвинения, по свойству своей обязанности, односторонне группировал факты и выводы. Защитник Дмитриевой обвинял Карицкого и этим путем оправдывал Дмитриеву. У подсудимой, которую он защищал, с вопросом о виновности Карицкого связывался вопрос жизни и смерти: переноса петлю на его голову, она этим снимала ее с себя. Тут нельзя ожидать беспристрастной логики. Где борьба, там и страстность. А страстность затуманивает зрение. Между тем защитник Дмитриевой всецело отстаивал объяснение своей клиентки, следовательно, шел одной с ней дорогой, а потому и в его доводах господствовал тот же, не ведущий к истине образ мыслей. Разбор его слов оправдает мое мнение.

Законодатель оттого и вверил обвинение прокуратуре, что от частной деятельности не ожидал бесстрастия, необходимого для правосудия. Нет сомнения, что если бы обвинял тот, кто потерпел от преступления, то желание путем обвинения получить денежный интерес мешало бы беспристрастию, и интересы человеческой личности отдавались бы в жертву имущественному благу. Но насколько же сильнее, насколько опаснее для подсудимого, насколько одностороннее должно быть обвинение против него, когда его произносит другой подсудимый или его защитник, чтобы этим путем добиться оправдания! Поэтому строгая поверка, строгое внимание и отсутствие всякого увлечения должны руководить вами при оценке того, что вчера сказано защитником Дмитриевой в отношении к свидетелям, показавшим что-либо благоприятное для Карицкого. Тут были пущены предположения об отсутствии в свидетелях мужества, чести, памяти, ума, тут выступили намеки на расходы Карицкого во время допроса свидетелей; лжеприсяга и подкуп играли не последнюю роль.

Я не буду идти этим путем. Иначе понимаю я защиту и ее обязанность. Прочь все, что недостойно дела, которому мы служим, и задача упроститься, и в массе впечатлений и фактов, слыханных и указанных вами, останется немного главных и существенных вопросов.

Судебному следствию следовало проверить вопрос, виновен ли Карицкий в краже 38 тысяч, виновен ли он в том, что прорвал околоплодный пузырь Дмитриевой, подговаривал ли он докторов. Вот что было задачей дела. Как же ее проверило судебное следствие? Следствие вертелось главным образом около того, доказана ли связь Карицкого с Дмитриевой, виделись ли они в остроге и какая была причина Дмитриевой оговаривать Карицкого. Но нельзя не заметить, что будь доказана связь Карицкого, будь доказано, что он был у Дмитриевой в остроге, и имей мы налицо оговор Дмитриевой Карицкого, мы еще не приобретем несомненного обвинения. При наличии этих фактов только начинается вопрос: достаточно ли их для обвинения, можно ли на этом основании признать Карицкого виновным. Между тем обвинение излагает доводы, доказывающие, что связь и свидание были, и, соединяя их с оговором Дмитриевой, предполагает победу одержанной. Впрочем, мы можем объяснить себе и причину, почему на этих фактах останавливаются. Ведь, кроме этих данных следствие не дает решительно ничего. Событие кражи, подговор Дюзингом Сапожникова, прокол пузыря – не имеют ни в чем подтверждения, кроме слов Дмитриевой... Несуществующий факт не может иметь доказательств: от этого их нет и на них не указывают.

Обвинитель – прокурор и обвинитель – защитник Дмитриевой чувствуют слабую почву под ногами, поэтому они дают обширное место в своих речах соображениям неуместным в судебных прениях. Вспомните, что вы слышали. Вам говорили об особой важности дела, о высоком положении подсудимых, о друзьях и недругах их, готовых показать за и против обвиняемых. Говорили вам о том, что это дело решает вопрос о силе судебной реформы, решает болезненное недоумение общества, может ли суд справиться с высокопоставленными. Обвинитель не щадил похвал положению и известности защитников, связывал с этим возможность их влияния на общественное мнение и рядом указывал на свою малоизвестность. Унижение паче гордости, подумали мы. Говорили вам о слухах, ходящих в городе, что влияние сильных коснулось даже вас. Но венцом всего, последним словом обвинения были, конечно, знаменитые слова, сказанные вам вчера Урусовым. Вам говорилось о том, что великая идея равенства все шире и шире распространяется в обществе, и во имя этой идеи просили вас осудить Карицкого, если даже нет в деле достаточных улик, если не все доказательства ясны и полны. Со дня, когда на земле возвестили учение о равенстве и братстве, конечно, никому не удавалось сделать из него такого пристрастного, скажем прямее, такого извращенного применения.

Конечно, мимо пройдут эти потоки соображений, эти отвлекающие от дела фразы. Вы пришли сюда и обещали нам судить сидящих здесь подсудимых. Вы слушали, вникали и будете разбирать только вопрос о вине

или невинности их. Важность, положение лиц – вопросы, которые связываются с этим делом, – для вас чужды. Если бы от оправдания подсудимых зависел конец нового суда, вы все-таки оправдаете их, если, по совести, найдете это нужным. Не вопрос о том, быть или не быть суду, силен или слаб он в борьбе с подсудимыми, занимает нас: на этот путь вас не навлекут соображения моих противников. Каково бы ни было положение Карицкого в обществе, оно – его заслуга. Лишить его прав вы не позволите себе без достаточных оснований. Во имя равенства сравните его с массой осужденных потому только, что он выработал себе выдвинувшее его положение в обществе, во имя братства, невзирая на бездоказательность обвинения, приготовьте ему по-братски позор и бесчестие – такую просьбу могло вам сказать только ослепление... такое толкование могло выйти от лица, которому чуждо или не известно учение, которое он здесь так старательно проповедовал. Вы иначе понимаете его, ваша совесть научит вас иначе применять его к житейским вопросам. Вы, конечно, носите его в себе таким, каким оно возвещено.

Обратимся после всего сказанного к тем частям речи, которые касаются действительных вопросов дела.

Я пойду сначала за речью прокурора. Я прошу извинения у вас, что слово мое тут будет перескакивать с одного предмета на другой без достаточной связи. Но когда преследуем врага, мы идем его дорогой. Прокурорская речь вводит меня в эту трудно удерживаемую в памяти пестроту. Когда покончу с этой оценкой улик, я снова вернусь к более правильному изложению защиты.

Обвинитель признает, что Карицкий бросил ребенка на мосту. Под мостом было бы безопаснее, но для этого нужно было спуститься в овраг. А это и долго, и заметно. Но, господа, чтобы мертвого ребенка спустить в овраг, зачем спускаться самому под мост? Достаточно кинуть с моста. А Карицкий, если бы это было его дело, не оставил бы трупа на дороге, не дал бы возможности сейчас же обнаружить преступление. Не ясно ли, что неопытная, нерассудительная, трусливая рука работала дело? И если припомнить, что Кассель призналась, что ребенка кинула она, то вряд ли остается сомнение, что это ее дело и что Дмитриева оговорила в этом преступлении Карицкого ложно. Затем, по этому вопросу прокурор не имеет никаких доказательств, а следовательно, и оснований обвинять Карицкого. Кассель и Дмитриева расходятся в часе рождения ребенка. Прокурор верит показанию Дмитриевой, а слову Кассель не доверяет. "Матери ли не знать часа рождения?" – говорит он. Матери всего менее знают, отвечаю ему я. Тут, когда начнутся родовые муки, когда мать борется сама со смертью, трудно сознавать не только время, но вообще действительность. И второе соображение обвинения не твердо, не опытно.

Оговор Дмитриевой о проколе, по словам прокурора, верен, точен и правдив. Карицкий берет у Дмитриевой уроки, как вводить зонд. Следовательно, ему это новое дело. Как кончится, – неизвестно. Однако он настолько смел и уверен, что не делает прокола у ней в квартире, где уже

делались впрыскивания и души и где, в случае неудачи, можно тотчас слечь в постель, а приглашает ее к себе, где ее могут встретить, где, в случае несчастья, легко можно обнаружить преступление, если Дмитриевой трудно будет уехать домой. Дышит нелогичностью, внутренней нецелесообразностью показание Дмитриевой, и я не могу согласиться с прокурором относительно его достоинства. Вопросы о цели оговора я здесь не разбираю. Оговор, его сила, связь Карицкого и осторожное свидание я рассмотрю позднее, где будет оцениваться совокупность улик против Карицкого. Стабников, свидетель Сапожкова, не нравится обвинителю. Он показал много благоприятного Карицкому. В связи с его показанием обнаружилось и записки Дмитриевой к Кассель. Показание его точно, подробно. Показание его подтвердила и Кассель. Как быть? Его заподозривают. Чтобы его сбить, прокурор и защитник Дмитриевой просят у суда (и получают просимое) вызова целой массы свидетелей. Гонцы от суда в полчаса собирают свидетелей, и показание Стабникова не рознится с ними, не теряет Цены. Слова Стабникова заносят в протокол, не скрывая намерения преследовать его за какое-то преступление, заключающееся в его показании. Но факт, что Кассель ему говорила о том, что прокол сделан врачом Битным, что Кассель показывала ему записки Дмитриевой, остался непровергнутым. Из слов Кассель, из слов жены Стабникова, вызванной в свидетельницы из числа публики, сидевшей в зале, опять-таки происхождение записок еще более подтвердилось. Стабникова, правда, иногда, разноречива с мужем. Но возможно ли помнить все мелочи жизни, особенно, когда не знаете, что помнить их надобно для какого-либо дела? Подозревать же сходство показаний и этих свидетелей в связи с темными предположениями о влиянии неуместно. Свидетели эти взяты по просьбе защитника Дмитриевой, солидарного с прокурором в обвинении Карицкого, взяты вдруг... Не вся же Рязань закуплена Карицким? Стабников даже и вызван не Карицким. Явление его на суд зависело от Сапожкова. Неужели, если бы здесь было подтасованное показание, Карицкий не вызвал бы его на суд?

Обвинительная власть, кроме разбора показаний свидетелей и оценки улик, ставит и те вопросы, которые необходимо иметь в виду при всяком преступлении, – вопросы о побуждении к преступлению. Для Дмитриевой они несомненны, хотя на них и нет указания у обвинителя. Беременность ей важна по отношению к мужу и по отношению к отцу и к кругу знакомых. Нет этих побуждений для Карицкого. Его отношения, если они были настолько секретны, что и теперь о них никто открыто не свидетельствует, ему не были опасны. Его лета и опытность, его средства, его праводавать билеты на проезд – все это могло ему, если бы нужно было скрыть беременность, указать другой безопасный путь исхода. Прокурор видит побуждение к выкидышу в денежном интересе Карицкого – получить от отца Дмитриевой наследство. Но богатство отца Дмитриевой сомнительно, и связь преступления с выгодами от наследства слишком отдалена.

Теми же, не выдерживающими критики соображениями освещает обвинитель и свидетелей по краже. Потерпевший от преступления Галич

объяснил нам, что в июне, когда ночевал Карицкий, деньги были целы. Видел он их потом: и в начале, и в середине июля. Они лежали пачками, и число пачек было цело. Пропажа обнаружилась в июле; Галич помнит, как и когда он брал с собой деньги. Украденная пачка лежала отдельно, когда была в Липецке. В деревне деньги лежали вместе. В июле Карицкого у Галича не было, а Дмитриева была и в деревне, и в Липецке. Показание дает нам капитальный факт: Карицкий был в июне, деньги при нем и после него были целы; деньги пропали в июле, пропажа, по вероятному заключению Галича, случилась в Липецке; отнести ее ко времени возврата в деревню – менее вероятно. Но и там и тут с моментами преступления совпадает факт – пребывание Дмитриевой у Галича.

Когда кончил свое показание Галич, обвинитель и защитник Дмитриевой дружно напали на свидетеля. Целый день тысячью вопросов закидывали старика Один и тот же вопрос с вариациями о способе изложения десятки раз предлагали свидетелю. Всякую неточность в слове оглашали, как преступное лжепоказание. Доходило до того, что слово свидетеля, сказавшего: "Я поверял деньги и видел, что они целы", и затем повторившего: "Я поверял пачки, вижу, что они целы; отсюда я заключил, что все в целости", называли противоречием, называли доказательством ничтожности слов свидетеля. Но ведь это заходит за пределы житейской опытности, за пределы здравого рассудка. Кому придет на мысль сомневаться, что в жизни разве только не занятый ничем человек будет ежедневно перебирать по единице свои бумаги и деньги? Обыкновенно, если деньги лежали в пачках, то целость пачек ведет к заключению о целости и денег. Обнаружилась кража пропажей пачки. Галич объяснил нам содержание пачки: оказывается, что она состояла из похищенных бумаг. Допускающие мысль, что целость пачек не доказывает целости денег, отправляются от мысли, что в июне могли пропасть деньги из пачки, что в июне пощадили самую пачку, взяв только содержимое в ней, а в июле пропала и сама пачка.

Свидетель, говорят, сбивался под перекрестным допросом. Еще бы не сбиться! Вместо вопросов о деле, вместо выпуклых фактов, остающихся долго в памяти, его закидали вопросами о мелочах, которых человек не помнит и не считает нужным помнить. Чуть не до подробностей, в каких рубашечках были дети Галича, что говорили они при встрече с отцом, доходила пытливая защита Дмитриевой. Путем этих подробностей, путем утомления свидетеля, повторением одного и того же добились неточностей, анамний в показании. Но кто внимательно прислушался к показанию, тот вынес, конечно, то, что вынес и я из слов Галича, что деньги похищены не в июне, что они были целы в июле и пропали в конце этого месяца, когда Карицкого не было у Галича. В это время было там другое лицо, в руках которого перебивались все деньги Галича. Оттого-то защита этого лица и стремится к невозможному усилию момент кражи объяснить задним числом.

Предполагая в Галиче свидетеля, поющего по нотам, изготовленным Карицким, противники забывают, что дружба Карицкого и Галича, если существует, сильна верой в честность Карицкого, что дружеская услуга

Галича Карицкому, простирающаяся до укрывательства его вины, была бы странностью. Ни дружба, ни услуга лицу, похитившему собственность, не предполагаются. Для вероятности этих фактов требуются весьма и весьма сильные доказательства.

Поездка в Москву вместе с Дмитриевой доказываемая обвинителем также оригинальным приемом. От Карицкого требуют доказательств, что он не был. Карицкий уступает желанию обвинителя, представляет свидетельство, данное ему канцелярией воинского начальника. Явившиеся свидетели подтверждают и объясняют свидетельство. Но перед этим не останавливаются обвинитель и Урусов. Они бросают темные тени на наши доказательства, свидетельство оспаривают не формальностью, указывают, что свидетели не могли объяснить закона, который дозволяет выдачу подобных справок. Прокурор, по-видимому, забыл, что Устав гражданского судопроизводства давно разрешил выдачу справок, из дел, кроме сведений, подлежащих тайне. Урусов почти глумится, указывая на то, что свидетельство выдано подчиненными Карицкого своему начальнику. Неправда, день выдачи свидетельства опровергает остроумную заметку. Карицкий был не воинским начальником, а обвиняемым, когда дано ему свидетельство. Не достигает цели и тот прием, которым пользовались, чтобы подорвать веру в свидетелей настоящего факта.

Свидетели разъяснили осязательно, почему отсутствие Карицкого должно оставлять след. Самое кратковременное отсутствие всегда сопровождается передачей должности другому лицу.

Свидетели разъяснили еще один занимающий обвинителя вопрос: не было ли пропажи контрамарок в делах воинского начальника. Они подтвердили, что контрамарки пропали. Обвинение образовано этим показанием: оно подтверждает слова Дмитриевой что Карицкому нужны были деньги на пополнение растраты; оно объясняет повод кражи. Но, увы! Контрамарок, пропало всего на 37 руб. 50 коп. Это выяснилось дополнительными вопросами прокурора. Свидетели не оправдали ожиданий обвинителя; они неудобны для защитника Дмитриевой. Поэтому их заподозривают. Урусов высказал такого рода темные, ни в чем не основанные сомнения не только в достоинстве показаний, но даже в личном достоинстве свидетелей, что, я думаю, без всяких усилий с моей стороны ваше житейское разумение, ваша совесть отвергнут подобный прием.

Подрывается достоинство свидетеля не подобными инсинуациями, а разбором внутреннего содержания его показаний, критикой, а не оскорбительными отзывами о самом лице. Прокурор идет другой дорогой. Свидетели служат в канцелярии воинского начальника и не знают о том, в каком положении дело о краже контрамарок на 37 руб. 50 коп. Следовательно, они вовсе не знают, что у них делается в канцелярии. Откуда же, как не с чужих слов, рассказывают они о Карицком? Таков, кажется, ход умозаключений прокурора. Нельзя не отдать ему заслуженной цены и достоинства. Но и этот довод основан на извращенных фактах. Говоря это, прокурор не обратил внимания, что одному свидетелю судьба о контрамарках

не известна, потому что он поступил на службу два года спустя, после того как дело сдано в архив; другой заведовал особой частью в канцелярии; третий, который теперь состоит при судебном отделении канцелярии, не мог тогда знать хода дела о контрамарках, ибо в 1866 году дела этого рбда, как им это объяснено, сосредоточились в аудиторитете. Наоборот, свидетельские показания и факты против Карицкого принимаются с глубокой верой. Стоит произнести слово против него, и обвинитель, и Урусов без всякой критики принимают за факт, не подлежащий сомнению, всякое указание, подрывающее защиту Карицкого.

Соколов, которому продала Дмитриева билеты, похищенные у Галича, давая показания на предварительном следствии, подробно объяснил свое с ней знакомство; подробно передал то, что у нее ел, пил, где и когда сидел в гостях. Но ни одним словом не заикнулся он о том, чтобы Дмитриева ему сказала, что билеты эти от Карицкого. На суде он добавил этот факт. По ходу его речи видно было, что он сознает важность этого показания. Почему же не сказано об этом на предварительном следствии? Думаю, потому что не было этого, этого не говорила ему Дмитриева. Но, отвергая действительность показания Соколова, не вступаю ли я на путь, который осуждал немного раньше? Нет, отвергая факт, но не имея данных к смелому выводу, я вывода этого не делаю и не имел в виду. Опыт дает нам объяснение подобных явлений. Достоверность показания свидетеля колеблется не одним предположением лживости лица. Лицо может своим непосредственным впечатлением добавить то, что он был очевидцем, многое, что он усвоил путем слухов, путем предположений. Дело Дмитриевой занимало годы внимание общества. Всякий из свидетелей слышал бездну суждений, толков и перетолков. Не остались они бесследны, и к виденному и слышанному непосредственно от подсудимых много прибавили эти толки. Припомните свои житейские встречи и случаи обыденной жизни, и подобный факт не раз повторится в вашей памяти.

Не менее неудачно соображение обвинителя о купонах. Купоны от похищенных билетов найдены в снегу у железной дороги, когда Дмитриева была уже в остроге. В этом прокурор видит несомненное доказательство того, что Дмитриева не могла их кинуть. Это правда. Но затем прокурор задается вопросом: кто же кинул? Тот, кто боялся оставить у себя, как улику в краже. А бояться мог Карицкий, так как ежеминутно мог ожидать, что Дмитриева укажет на него и к нему придут с обыском. Но зимой, когда печи и каминны ежедневно топят, Карицкий, если бы купоны были у него, нашел бы другой путь уничтожения их. Соображение обвинителя оказывается далеко не веским, и купоны, найденные в снегу, ничего не говорят такого, чтобы вело к смелому фантастическому предположению, какое по поводу их сделано. Впрочем, когда доказывают невозможное, поневоле в числе доводов прибегают к подобным натяжкам.

Перейдя к свидетелям в остроге и больнице, из которых первое имеет за себя действительно веские аргументы, я и здесь не могу не указать на то, что свидание осторожное далеко не бесспорно. Морозов, смотритель острога, и ключница утверждают, что его не было, и последняя свидетельница

обвинителем не опровергнута. Для нее, как уже оставившей свои занятия в остроге, для Морозова, который уволился от должности смотрителя, нет особенных причин скрывать свое упущение по службе. Их опровергают бывшие арестанты Громов, Юдин и Яропольский. Но, вопреки предварительному следствию, один из них показал, что он не видал, а ему сказали, что был Карицкий; другие противоречат в обстоятельствах, относящихся к одежде, в какой был Карицкий, и другим, сказать правду, мелочам, которые, однако, имеют свое значение. Свидетели эти появились на предварительном следствии при странных обстоятельствах. Они сидели в военной камере вместе с десятками других арестантов. Один из них, Громов, поступает в дворянское отделение, чтобы прислуживать в камере дворянина-арестанта. Там лицо, которому он прислуживает, расспрашивает его и потом доносит, что к Дмитриевой приезжал Карицкий. Доносчик называет из полусотни арестантов только троих, и все трое арестантов оказываются из числа таких, которые на другой день должны оставить тюрьму. Прочие оставшиеся, которых должно было бы десяток раз переспрашивать, почему-то не знают ничего об этом свидании. Сближая эту странность с тем, что донес о свидании Карицкого никто другой, как Сапожков, в то время находившийся под стражей, мы получаем относительно свидетельских показаний арестантов совсем иной вывод. Вывод этот делается еще более основательным, если вспомнить, что Дмитриева сама здесь опровергает единообразное показание свидетелей о часе свидания. По их словам, свидание было в семь часов, при огне, а по ее словам, это было в три часа, то есть днем. Опровергая свидетеля Морозова, обвинитель и защитник Дмитриевой главным доводом считают показание нотариуса Соколова. Непримируемое противоречие между ним и Морозовым. Одно странно в показании Соколова: разговор Морозова с ним ограничился, по его словам, двумя фразами. Раз приходит к нему Морозов и говорит: просится у меня Карицкий к Дмитриевой. И более ничего. Соколов не может указать по этому делу никакого разговора с Морозовым, хотя, по его словам, дело его интересовало. Морозов ему ничего более не говорил. Интересное признание Морозова им хранилось почему-то в секрете, и только благодаря особенному участию, с каким один из свидетелей заботился о ходе процесса, секрет сделался известен защитнику Дмитриевой и обнаружился на суде. Странно, почему Морозов, ни о чем по делу Дмитриевой не разговаривавший с Соколовым, приходил к Соколову, сказал ему эти две фразы, необходимые для будущего его уличения на суде, и более никогда ни о чем не говорил. В этой странности простая причина недоверия моего к Соколову. Свидание в больнице прокурор основывает на показании Фроловой. Но самый ее рассказ о том, что между Карицким и Дмитриевой, людьми, относительно говоря, состоятельными, происходил разговор о том, что даст или не даст Карицкий Дмитриевой десять рублей за то, чтобы она показала у следователя так, как он ей сказал, служит лучшим опровержением действительности события. Если припомним, что по осмотру оказалось, что замазка окна, которое, если верить Дмитриевой, отворялось для свидания, была суха, какую она не могла бы быть, если бы была недавнего употребления,

то обстоятельство свидания будет далеко не достоверно, если даже можно считать событие это все-таки возможным. На этом мы кончаем разбор отдельных улик, отдельных обвиняющих Карицкого доводов. Ничего убедительного мы не слышали.

Остаются сравнительно сильнейшими местами обвинения: связь Дарицкого с Дмитриевой, оговор его Дмитриевой и осторожное свидание. Их мы рассмотрим теперь. Мы рассмотрим не только то, доказывают ли связь и осторожное свидание вину Карицкого в тех деяниях, в каких его угодно было обвинять обвинительной камере Московской судебной палаты. Мы рассмотрим оговор Дмитриевой и оценим его с точки зрения доказательства и по его внутреннему достоинству.

Затем в массе слышанных нами показаний есть ли данные, которые вели бы к обвинению Карицкого?

Была ли связь между Карицким и Дмитриевой? Вот вопрос, к которому не один раз возвращалось судебное следствие и о котором мы слышали массу показаний и подробный рассказ Дмитриевой. Упорно борется против признания связи мой клиент; дружно нападают на него противники; и вопрос делается капитальным вопросом дела: с ним связывают какой-то неразрывной связью достоверность всех прочих обвинений на Карицкого. Перейдем и мы к нему. Доказательств приводится много. Связи придают характер достоверности, и достоверность заставляет посвятить факту весь запас внимания.

Безусловно согласиться с тем, что связь была, я не могу. Царькова, Кассель, Григорьева, хозяйка дома Гурковская, живущая с Дмитриевой в одном доме, в смежных помещениях, составляющих части одной общей большой квартиры, никто из них не решился дать категорического утвердительного ответа о существовании тесных отношений между Карицким и Дмитриевой. От прислуги трудно скрыть тайны дома, трудно уберечься. Поэтому неизвестность связи для Царьковой и Григорьевой дает опору для доверия к показанию Карицкого. Связь делается еще сомнительнее, если припомнить, что прислуга, показавшая здесь о поздних часах, какие просиживал Карицкий у Дмитриевой, дала подробные объяснения в том, что Дмитриева никогда не затворялась с Карицким в комнате, никогда не принимала мер предосторожности, чтобы другие не входили или не приходили к ней, пока сидит Карицкий. Никогда не видали Карицкого или Дмитриеву дозволившими ту простоту или бесцеремонность, которые позволяют себе люди, близкие друг к другу. Царькова иногда уходила ночевать к матери, и по возвращении, как показано ею, получала от Кассель выговоры за то, что не приходила домой и ей, старой женщине, приходилось проводить бессонные ночи, дожидаясь пока уедет Карицкий. Вслушиваясь в это показание, приходится думать, что Карицкий и Дмитриева позволяли себе такие отношения только тогда, когда Царькова отпрашивалась к матери. Но вряд ли люди, сблизившиеся до брачных связей, должны были дожидаться случая остаться наедине до тех пор, пока придет случайное желание прислуге уйти на ночь из дому. Зависимость желания Карицкого и Дмитриевой

оставаться вдвоем от подобного случая представляется невероятной. Если Царькова их стесняла, ничто не стесняло их отпустить Царькову совсем, отказав ей от места. Итак, Царькова не видала никаких признаков близкой связи; не видала, не слыхала о них и Гурковская. Существует еще сильный аргумент – это дружба Дмитриевой с семейством Карицкого. Жена его ездила к Дмитриевой, Дмитриева своя в доме Карицких. Тесная связь, интимные отношения не остаются секретом, особенно когда последствием их являются беременность и сопровождавшие ее, если верить Дмитриевой, хлопоты Карицкого о выкидыше. Но если жена Карицкого продолжала свои отношения с Дмитриевой, если эти отношения были тесные и теплые, как об этом мы слышали согласное показание Карицкого и Дмитриевой, то связь делается сомнительной. Трудно до такой степени скрыть ее. А если бы связь была, то, конечно, дошло бы это до слуха семьи Карицкого. Не с дружбой и участием, а с враждой и ненавистью встречалась бы жена Карицкого со своей разлучницей. Не сидеть у ложа больной своей соперницы, сочувственно следя за ее болезнью, а проклинать, преследовать стала бы ее осиротевшая женщина.

Связь не доказывают и письма Карицкого, представленные Дмитриевой. В них Карицкому она пишет на "ты", как близкому, "милому" человеку. У нас сохранившиеся письма носят другой характер: вы слышали их; в них соблюдается способ выражения, употребительный между хорошо знакомыми лицами, не более: письма, писанные на "вы". Первая серия писем дошла к следователю странными путями. Первое письмо вынула из кармана и передала следователю сама Дмитриева. Оно заключало ее упреки Карицкому за вовлечение в несчастье и писано на "ты". Предназначалось ли оно действительно для Карицкого или писано оно как первый прием оговора Карицкого – вот вопрос, который рождается при соображении этих обстоятельств. Другое письмо на "ты" опять имеет несчастье не дойти по адресу. Пишут его к Карицкому, а посылают к Каменеву. По возвращении письма от Каменева, оно, однако, к Карицкому не посылается, а Каменев, в конверт которого по ошибке вместо письма к нему, положено чужое письмо, другого письма от Дмитриевой, однако, не получает.

Вот данные, свидетельствующие о связи. Прибавьте к этому солдат, которые служат у Дмитриевой, прибавьте право Дмитриевой иногда пользоваться экипажем Карицкого. Вот и все. Не думаю, чтобы можно было даже и связь считать доказанной. О ней говорят, ее предполагают. Ссылались здесь на то, что всей Рязани это известно. Я не имею об этом никаких сведений. Я думаю, что и вам собирать сведения из сомнительных источников не следует. Мало ли слухов, которые имеют своим основанием сплетню, предубеждение? Ваша и наша задача решать вопросы на основании того, что добыто здесь, на суде.

Я разобрал первый, самый, по мнению многих, основной вопрос в деле, самый многоговорящий факт. Но если отстранить предубеждения, если смотреть на дело без предвзятой мысли во что бы то ни стало обвинить человека, то нечего много было спорить из-за этого вопроса. Обвинительной, обезоруживающей силы этот факт не имеет. Допустим его. Допустим, что

связь была. Может быть, это и верно. Ну, что же из этого? Неужели человек, находящийся в связи, непременно участвует во всех проступках своей любовницы, непременно главный виновник ее преступлений? Конечно, такая, логика ничем не оправдывается. Но если Карицкий не был виновник тех преступлений, в которых его вместе с собой обвиняет Дмитриева, то зачем ему скрывать связь, чего бояться? Правда, странно скрывать безразличные факты, странно и подозрительно в человеке упорное отрицание самых, дозволительных поступков. Но связь Карицкого далеко не безразличная вещь, далеко не дозволительная с точки зрения общественной нравственности. Связь для человека семейного, для человека, не желающего разорваться с семьей, не желающего оглашать ее перед членами семейства, секрет и очень дорогой секрет. До последней возможности стараются скрыть его. Связь неудобно оглашать и в обществе; свободные связи отражаются и в общественном положении лица. Вот чем мотивируется, объясняется отрицание Карицким своей связи. А если человек раз стал на ложную дорогу, ему приходится с каждым часом все труднее и труднее отстаивать свое положение. Правда неминуемо возьмет свое, ложь обнаружится. Но ложь, обнаружившаяся в известном предмете, еще не доказывает лжи во всем. Ее можно предполагать, но нельзя утверждать. Если Карицкий говорил неправду, что не было связи, то отсюда следует только, что связь была, но не следует еще, что истина в отрицании каждого его слова. Если не верят Карицкому, что не он виновник похищения денег Галича, что он не виноват в проколе околоплодного пузыря, то пусть докажут, что именно он виновник обоих фактов.

Такое же положение занимает в процессе и острое свидание, это мнимое торжество обвинения. Его фактическая достоверность рассмотрена. Как свидание заключенной женщины с лицом, ей близким или родственным, оно не имеет ничего преступного, ничего обвиняющего Карицкого. Значение его заключается в цели, с которой оно сделано, в беседах, которые происходили между Дмитриевой и Карицким. Поэтому, повторяю еще раз, было ли, не было ли свидания в остроге – это для вас не важно. Тысячи свиданий в остроге происходят между различными лицами и не имеют ничего преступного. Между Дмитриевой и Карицким, как между людьми когда-то близкими, это свидание естественно. Оно могло быть даже и после оговора, оно могло иметь целью объяснение с подсудимой о цели, с какой она возводит непонятные преступления на неповинную голову. Обвинению, конечно, важно и дорого не то, что было свидание в остроге, а то, что происходило при свидании. Цель свидания разъясняется показанием Дмитриевой. Она объясняет свидание весьма пагубно для Карицкого; она говорит, что Карицкий приходил просить снять с него оговор об участии в выкидыше. Рассмотрим, насколько достоверно показание Дмитриевой.

Карицкий приходит к ней просить о снятии оговора о выкидыше, когда еще нет никаких данных у следователя для обвинения его, и ничего не предпринимает по краже, относительно которой Дмитриева уже дала показания; Карицкий торгуется с ней, предлагает 4 тысячи, она просит 8 тысяч рублей из числа выигранных по внутреннему пятипроцентному билету. Но

никаких 8 тысяч рублей Дмитриева никогда не выговаривала, и так как на предварительном следствии этот факт был совершенно опровергнут, справкой из банка, который указал имена выигравших 8 тысяч рублей, в числе их Дмитриевой не было, то Дмитриева почти об этом не упоминала; следовательно, рассказ Дмитриевой о торгах между ею и Карицким относится к области вымыслов, как и весь ее оговор. При свидании все время сидел смотритель Морозов, а когда ему надобно было выйти, то вместо его был поставлен часовой солдат. Таким образом, если верить Дмитриевой, то Морозов допустил тайное свидание, но не допустил разговоров Дмитриевой один на один и уходя поставил свидетеля часового, чтобы сделать это свидание известным большому числу лиц. В этой путанице подробностей я вижу дальнейшее неправдоподобие оговора. Дмитриева покончила на этом, когда давала свои объяснения суду. Далее она не шла. Замечу, что столько же подробностей свидания занесено и в обвинительный акт.

Надобно заметить, что у Дмитриевой господствует прием показывать на суде только то, что записано в обвинительном акте. Сколько бы показаний у нее ни было на предварительном следствии, но на судебном она их знать не хочет, она держится только слов, занесенных в этот акт. Но на суде обнаружались записки, писанные ею из тюрьмы. Записки эти оказались целы в руках Кассель. Появление их было до известной степени ново. Дмитриева, однако, знала о них, так как муж Кассель приходил к ней и напомнил о существовании этих записок не более месяца тому назад. Пришлось дать о них показание, и Дмитриева рассказала, что в то время, когда она виделась с Карицким в остроге, она по просьбе его написала их. Но так как он ей не дал денег, то она ему их не отдала, а потом отдала их смотрителю. Смотритель возил их к Карицкому, потом привез назад, зажег спичку и сжег их при ней. Так как, записки целы, то значит, что смотритель ее обманул; сжег вместо этих записок похожие на них бумажки. Вот какие объяснения дает Дмитриева. Выходит, что при свидании она не согласилась снять оговора с Карицкого, но написала, по его приказанию, записки на имя Кассель. Выходит, что Карицкий, которому нужно снять с себя немедленно оговор, опозоривающий его имя, выманивает у нее записки, которые цели своей не достигают и во все время следствия не были известны, не были представлены к делу. Записки, которые так дорого ценятся, которые смотритель ездил продавать, которые притворно сжигаются, чтобы убедить Дмитриеву, что их нет, записки эти вдруг гибнут в неизвестности, и ими не пользуется Карицкий во время предварительного следствия, когда они могли дать иное направление делу. Соответствует ли природе вещей, чтобы записки, при происхождении которых была, по словам Урусова, разыграна глубоко задуманная иезуитская интрига, конечно, со стороны Карицкого, были оставлены в тени, были вверены в руки Кассель и при малейшей ее оплошности в руки врагов Карицкого, благодаря экономическим соображениям Кассель. Объяснение о происхождении записок, составляющее последнюю часть показания Дмитриевой об осторожном свидании, лишено всякого вероятия. А если вы разделяете со мной

недоверие к слову Дмитриевой, то от этого, сначала так многообещающего факта, для обвинения ничего не остается.

Остается последний аргумент, последняя надежда обвинения – слова Дмитриевой. Остается ее оговор, каждое слово которого обвинителем считается за самую непогрешимую истину. Как истинно относится к своему слову Дмитриева, как точны ее показания, отчасти мы видели из ее слов, сию минуту нами разобранных. Несуществующие выигрыши, неестественнейшие интриги изобретает она для своих целей. На две части делится оговор Дмитриевой. Одна часть относится к краже, другая – к выкидышу. Ни одной из передач денег Карицким Дмитриевой, кроме нее, никто не мог засвидетельствовать. Никому, кроме Соколова, она даже слова не сказала о том, пока не случилось судебное следствие. Хотя и уверяет она, что ездила с ним в Москву вместе, но ездившая с ней Гурковская не видела Карицкого ни на станции в Рязани, ни в поезде, ни в Москве, ни при проходах обратно в Рязань. Дмитриева всю дорогу о Карицком не говорила Гурковской. А тогда ей нечего было скрывать Карицкого, ибо еще ничего подозрительного не было. По словам ее, она ездила с Карицким менять билеты, но неудачно: у Юнкера не приняли их, сказали, что билеты "предъявлены", у Марецкого то же. Тогда их отобрал у нее Карицкий. Но тут опять несообразность. Карицкий не входит в контору Юнкера, значит боится попасться. Тогда зачем же ему, узнавши от Дмитриевой, что билеты уже предъявлены, ехать к Марецкому и рисковать быть арестованным. Оговор имеет целью доказать, что билеты получены и отданы обратно Карицкому. Но у Карицкого и до этого, и после этого следствие не обнаружило перемены в финансовом положении; наоборот, у Дмитриевой мы видим те признаки, которыми обыкновенно сопровождается значительное имущественное приобретение. Незадолго до размена, может быть тотчас за похищением, она распускает слух о выигрыше ею 25 тысяч, потом 8 тысяч. Оба слуха здесь были подтверждены Докудовской и Радугиным. Оба оказались вымыслами. После размена у Дмитриевой появляются экстраординарные расходы: в тот день, когда она, по ее словам, неудачно побывала в двух конторах, а неизвестная дама в третьей конторе, у Лури, разменяла билеты Галича, Дмитриева покупает для отца тарантас, а для себя разную мебель. По приезде в Рязань Дмитриева, до того времени платившая по 12 рублей в месяц Гурковской, увеличивает плату за квартиру больше чем вдвое и, кроме того, затрачивает 500 рублей на поправку дома Гурковской.

О ряжской поездке, которую, по оговору Дмитриевой, сделала она также по поручению Карицкого, сказано ею также много невероятного. Карицкий велит ей разменять только два билета, а дает ей четыре. Зачем же давать четыре, если два не нужно менять? Во время ряжской поездки она теряет купоны от билетов на станции. Купоны также из похищенных. "Но станция – не меняльная лавка, невероятно, чтобы там стали справляться о том, кому выданы потерянные купоны, и Дмитриева, при размене билетов назвавшаяся Буринской, здесь смело пишет свою фамилию. В Ряжске, когда ее руку свидетельствуют и пристав для удостоверения просит у ней вид, она так бойко

и бодро сохраняет спокойствие духа, что пристав не подумал настаивать на предъявлении вида и поверил ей на слово. Видно, что не по чужому приказу, не по поручению другого лица меняла Дмитриева билеты, а перемену фамилии и все поведение свое в Ряжске сумела разыграть без посторонней помощи. Может быть, и действительно Соколову сказала Дмитриева о передаче ей билетов от Карицкого. Но к этому вынудил ее вопрос Соколова: откуда у ней столько денег? Действительность же передачи Дмитриева ничем не подтвердила, и показание ее хотя и остается без опровержения, но от этого оно нисколько не выигрывает, как ничем с ее стороны не подтвержденное.

Оговор о краже кончился. Что деньги были у Карицкого, что получены они от Карицкого, это мы знаем только от Дмитриевой. Достоверность оговора мы видели. Из двух лиц, между которыми колеблется обвинение, одно не было на месте кражи в момент совершения, другое – во все вероятные моменты его; у одного в руках пребывали все деньги, у другого никто не видал ни копейки; у одного не видать ни малейших признаков перемены денежного положения, у другого – и рассказы о выигрышах и завещания и расходы на широкую ногу... Неужели оговора против лица, против которого нет ни одной улики, достаточно для обвинения, когда масса улик против оговаривающего подрывает значение оговора? Неужели ничего не значит то важное обстоятельство, что Дмитриева созналась в краже отцу и дяде и вы, несмотря на ее сознание, поверите обвинению Карицкого? Несмотря на отвращение, какое старался поселить в вас к сцене признания защитник Дмитриевой, мы этой сценой дорожим. Прося прощения, Дмитриева плакала, и притворства тогда никто не замечал. Карицкий был приглашен родными как свой человек, имеющий влияние, могущий похлопотать – факт весьма естественный. У Карицкого, после признания Дмитриевой, Галичи провели день, обедали, и в его поведении не было никакого смущения или перемены. Его объяснения не были секретны.

Сознание Дмитриевой было искренно. Ему верят и сейчас. Я утверждаю, что самый близкий ей человек, отец ее, и сейчас ему верит. Так он говорил на предварительном следствии. Его нет теперь на суде, он отказался свидетельствовать на суде по праву отца. Этот отказ говорит много. Закон знает, что отцу тяжело свидетельствовать против своих детей. Сожаление, любовь будут стеснять правду. Оттого-то он и дает на волю отцу показывать или не показывать на суде. Само собой разумеется, что если бы дочь или сын невинно страдали, если бы отец мог доказать невинность, то он не уклонился бы от свидетельства. Если же он уклонился, то, вероятно, потому, что знал о невозможности опровергнуть достоверность ему известного факта – сознания своей дочери.

По поводу выкидыша оговор Дмитриевой падает на несколько лиц. Если верить ей, то Карицкий убедил Сапожкова, убедил Дю-зинга принять участие в этом деле и, наконец, покончил его собственной рукой. Ни одного из этих фактов ничем следствие не подтвердило. Обвинительный акт говорит, что Дюзинг и Сапожков признали, что Карицкий делал им предложения. Это неправда. Вы обоих подсудимых слушали; от защиты их вы услышите разбор

оговера в этой части. -Относительно правдоподобия оговора Дмитриевой о проколе я уже говорил. Сапожков и Кассель показали нам, что виновника прокола надо искать не между подсудимыми. Сапожков особенною дружбой к Карицкому себя не проявил. Ведь он сделал донос об осторожном свидании Карицкого, едва разнесся слух об этом. Так, если бы было верно, что, приехавши от Карицкого после прокола пузыря, Дмитриева сказала об этом Сапожкову, не умолчал бы он о том. Кассель говорила о другом лице не только здесь, на суде, но и прежде Стабникову. Как ни старались опорочить Стабникова, свидетельство его осталось, записка тоже. Сомневались в его честности, предполагали его участие во многих уголовных делах. Но мало ли в чем сомневалась защита Дмитриевой, мало ли во что она верила. Ее личное доверие и сомнение еще ровно ничего не доказывают. Что же касается участия Стабникова в уголовных делах, то после вопросов обвинителя и ответов Стабникова несомненно, что прокуратура в своих намерениях потерпела полное поражение.

**Речь 5. Судебные речи на процессе по делу Веры Ивановны Засулич
31 марта 1878 г. Речь присяжного поверенного П.А. Александрова
в защиту Засулич**

Господа присяжные заседатели! Я выслушал благородную, сдержанную речь товарища прокурора, и со многим из того, что сказано им, я совершенно согласен; мы расходился лишь в весьма немногом, но тем не менее задача моя после речи господина прокурора ре оказалась облегченной. Не в фактах настоящего дела, не в сложности их лежит его трудность; дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что, если ограничиться одним только событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление; кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы? Все это истины, против которых нельзя спорить, но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая: оно так связуется, так переплетается с фактом, совершившимся в доме предварительного заключения 13 июля, что если непонятным будет смысл покушения, произведенного В.Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова, то его можно уяснить только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которых положено было происшествием в доме предварительного заключения. В [таком] сопоставлении, собственно говоря, не было бы ничего трудного; очень нередко разбирается не только [само] преступление; но и тот факт, который дал мотив этому преступлению. Но в настоящем деле эта связь до некоторой степени усложняется, и разъяснение ее затрудняется. В самом деле, нет сомнения, что распоряжение генерал-адъютанта Трепова было должностное распоряжение. Но должностное лицо мы теперь не судим, и генерал-адъютант Трепов является в настоящее время не в качестве подсудимого должностного лица, а в качестве свидетеля, лица, потерпевшего от преступления; Кроме того, чувство приличия, которое мы не решились бы переступить в защите нашей и которое не может не внушить нам известной сдержанности относительно генерал-адъютанта Трепова как лица, потерпевшего от преступления. Я очень хорошо понимаю, что не могу касаться действий должностного лица и обсуждать их так, как они обсуждаются, когда это должностное лицо предстоит в качестве подсудимого. Но из того затруднительного положения, в котором находится защита в этом деле, можно, мне кажется, выйти следующим образом. Всякое должностное, начальствующее лицо представляется мне в виде двуликого Януса, поставленного в храме на горе: одна сторона этого Януса обращена к закону, к начальству, к суду, она ими освещается и обсуждается, обсуждение здесь полное, веское, правдивое; другая сторона обращена к нам, простым смертным, стоящим в притворе храма, под горой. На эту сторону мы смотрим, и она бывает не всегда одинаково освещена для нас. Мы к ней подходим иногда только с простым фонарем, с грошовой свечкой, с тусклой лампой, многое для нас темно, многое наводит нас на такие суждения, которые не согласуются со взглядами начальства, суда на те же действия должностного

лица. Но мы живем в этих, может быть, иногда и ошибочных мнениях, на основании их мы питаем те или другие чувства к должностному лицу, порицаем его или славословим его, любим или остаемся к нему равнодушны и радуемся, если находим распоряжения вполне справедливыми. Когда действия должностного лица становятся мотивами для наших действий, за которые мы судимся и должны нести ответственность, тогда важно иметь в виду не только то, правильны или неправильны действия должностного лица с точки зрения закона, а как мы сами смотрели на них. Не суждения закона о должностном действии, а наши воззрения на него должны быть приняты как обстоятельства, обуславливающие степень нашей ответственности. Пусть эти воззрения будут и неправильны - они ведь имеют значение не для суда над должностным лицом, а для суда над нашими поступками, соображенными с теми или другими руководившими нами понятиями. Чтобы вполне судить о мотиве наших поступков, надо знать, как эти мотивы отразились в наших понятиях. Таким образом, в моем суждении о событии 13 июля не будет обсуждения действий должностного лица, а только разъяснение того, как отразилось это действие на уме и убеждениях Веры Засулич. Оставаясь в этих пределах, я, полагаю, не буду судьей действий должностного лица и затем надеюсь, что в этих пределах мне будет дана необходимая законная свобода слова и вместе с тем будет оказано снисхождение, если я с некоторой подробностью остановлюсь на таких обстоятельствах, которые с первого взгляда могут и не казаться прямо относящимися к делу. Являясь защитником В.Засулич, по ее собственному избранию, выслушав от нее в моих беседах с ней многое, что она находила нужным передать мне, я невольно впадаю в опасение не быть полным выразителем ее мнения и упустить что-либо, что, по взгляду самой подсудимой, может иметь значение для ее дела.

Я мог бы начать прямо со случая 13 июля, но нужно прежде исследовать почву, которая обусловила связь между 13 июля и 24 января. Эта связь лежит во всем прошедшем, во всей жизни Веры Засулич. Рассмотреть эту жизнь весьма поучительно; поучительно рассмотреть ее не только для интересов настоящего дела, не только для того, чтобы определить, в какой степени виновна В.Засулич, но ее прошедшее поучительно и для извлечения из него других материалов, нужных и полезных для разрешения таких вопросов, которые выходят из пределов суда: для изучения той почвы, которая у нас нередко производит преступления и преступников. Вам сообщены уже о В.Засулич некоторые биографические данные; они не длинны, и мне придется остановиться только на некоторых из них.

Вы помните, что семнадцати лет, после окончания образования в одном из московских пансионов, после того, как она выдержала с отличием экзамен на звание домашней учительницы, она вернулась в дом матери. Старуха мать ее живет здесь, в Петербурге. В небольшой сравнительно промежутке времени семнадцатилетняя девушка имела случай познакомиться с Нечаевым и его сестрой. Познакомилась она с ней совершенно случайно, в учительской школе, куда она ходила изучать звуковой метод преподавания грамоты. Кто такой был Нечаев, какие его замыслы, она не знала, да тогда еще и никто не знал его в

России; он считался простым студентом, который играл некоторую роль в студенческих волнениях, не представлявших ничего политического.

По просьбе Нечаева В.Засулич согласилась оказать ему некоторую, весьма обыкновенную услугу. Она раза три или четыре принимала от него письма и передавала их по адресу, ничего, конечно, не зная о содержании самих писем. Впоследствии оказалось, что Нечаев - государственный преступник, и ее совершенно случайные отношения к Нечаеву послужили основанием к привлечению в качестве подозреваемой в государственном преступлении по известному нечаевскому делу. Вы помните из рассказа В.Засулич, что двух лет тюремного заключения стоило ей это подозрение. Год она просидела в Литовском замке и год в Петропавловской крепости. Это были восемнадцатый и девятнадцатый годы ее юности.

Годы юности, по справедливости, считаются лучшими годами в жизни человека; воспоминания о них, впечатления этих лет остаются на всю жизнь. Недавний ребенок готовился стать созревшим человеком. Жизнь представляется пока издали своей розовой, обольстительной стороной, без мрачных теней, без темных пятен. Много переживает юноша в эти короткие годы, и пережитое кладет след на всю жизнь. Для мужчины это пора высшего образования; здесь пробуждаются первые прочные симпатии, здесь завязываются товарищеские связи, отсюда выносятся навсегда любовь к месту своего образования, к своей *alma mater*. Для девицы годы юности представляют пору расцвета, полного развития; перестав быть дитятей, свободная еще от обязанностей жены и матери, девица живет полной радостью, полным сердцем. То – пора первой любви, беззаботности, веселых надежд, незабываемых радостей, пора дружбы; то - пора всего того дорогого, неуловимо-мимолетного, к чему потом может обращаться воспоминаниями зрелая мать и старая бабушка.

Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы своей жизни, в каких забавах, в каких радостях провела она это дорогое время, какие розовые мечты волновали ее в стенах Литовского замка и казематах Петропавловской крепости. Полное отчуждение от всего, что за тюремной стеной. Два года она не видела ни матери, ни родных, ни знакомых. Изредка только через тюремное начальство доходила весть о них, что все, мол, слава богу, здоровы. Ни работы, ни занятий. Кое-когда только книга, прошедшая через тюремную цензуру. Возможность сделать несколько шагов по комнате и полная невозможность увидеть что-либо через тюремное окно. Отсутствие воздуха, редкие прогулки, дурной сон, плохое питание. Человеческий образ видится только в тюремном стороже, приносящем обед, да в часовом, заглядывающем время от времени в дверное окно, чтобы узнать, что делает арестант. Звук отворяемых и затворяемых замков, бряцание ружей сменяющихся часовых, мерные шаги караула да уныло-музыкальный звон часов Петропавловского шпица. Вместо дружбы, любви, человеческого общения - одно сознание, что справа и слева, за стеной, такие же товарищи по несчастью, такие же жертвы несчастной доли.

В эти годы зарождающихся симпатий Засулич, действительно, создала и закрепила в душе своей навеки одну симпатию - беззаветную любовь ко

всякому, кто, подобно ей, принужден влечить несчастную жизнь подозреваемого в политическом преступлении. Политический арестант, кто бы он ни был, стал ей дорогим другом, товарищем юности, товарищем по воспитанию. Тюрма была для нее alma mater, которая закрепила эту дружбу, это товарищество.

Два года кончились. Засулич отпустили, не найдя даже никакого основания предать ее суду. Ей сказали: "Иди"- и даже не прибавили: "И более не согрешай", потому что прегрешений не нашлось, и до того не находилось их, что в продолжение двух лет она всего только два раза была спрошена и одно время серьезно думала, в продолжение многих месяцев, что она совершенно забыта. "Иди". Куда же идти? По счастью, у нее есть, куда идти, - у нее здесь, в Петербурге, старуха мать, которая с радостью встретит дочь. Мать и дочь были обрадованы свиданием; казалось, два тяжелых года исчезли из памяти. Засулич была еще молода - ей был всего двадцать первый год. Мать утешала ее, говорила: "Поправишься, Верочка, теперь все пройдет, все кончилось благополучно". Действительно, казалось, страдания излечатся, молодая жизнь одолеет и не останется следов тяжелых лет заключения.

Была весна, пошли мечты о летней дачной жизни, которая могла казаться земным раем после тюремной жизни; прошло десять дней, полных розовых мечтаний. Вдруг поздний звонок. Не друг ли запоздалый? Оказывается - не друг, но и не враг, а местный надзиратель. Объясняет [он] Засулич, что приказано ее отправить в пересыльную тюрьму. "Как в тюрьму? - Вероятно, это недоразумение, я не привлечена к нечаевскому делу, не предана суду, обо мне дело прекращено судебной палатой и правительствующим Сенатом". - "Не могу знать, - отвечает надзиратель, - пожалуйста, я от начальства имею предписание взять вас".

Мать принуждена отпустить дочь. Дала ей кое-что: легкое платье, бурнус; говорит: "Завтра мы тебя навестим, мы пойдем к прокурору, этот арест, очевидно, недоразумение, дело объяснится, и ты будешь освобождена".

Проходит пять дней, В.Засулич сидит в пересыльной тюрьме с полной уверенностью скорого освобождения.

Возможно ли, чтобы после того, как дело было прекращено судебной властью, не нашедшей никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич, она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери, могла быть выслана, и выслана, только что освобожденная после двухлетнего тюремного заключения.

В пересыльной тюрьме навещают ее мать, сестра; ей приносят конфеты, книжки; никто не воображает, чтоб она могла быть выслана, и никто не озабочен приготовлениями к предстоящей высылке.

На пятый день задержания ей говорят: "Пожалуйста, вас сейчас отправляют в город Крестцы". - "Как отправляют? Да у меня нет ничего для дороги. Подождите, по крайней мере, дайте мне возможность дать знать родственникам, предупредить их, Я уверена, что тут какое-нибудь недоразумение. Окажите мне снисхождение, подождите, отложите мою

отправку хоть на день, на два, я дам знать родным". - "Нельзя, - говорят, - не можем по закону, требуют вас немедленно отправить".

Рассуждать было нечего, Засулич понимала, что надо покориться закону, не знала только, о каком законе тут речь. Поехала она в одном платье, в легком бурнусе; пока ехала по железной дороге, было сносно, потом поехала на почтовых, в кибитке, между двух жандармов. Был апрель, стало в легком бурнусе невыносимо холодно; жандарм снял свою шинель и одел барышню. Привезли ее в Крестцы. В Крестцах сдали ее исправнику, исправник выдал квитанцию в принятии клади и говорит Засулич: "Идите, я вас не держу, вы не арестованы. Идите и по субботам являйтесь в полицейское управление, так как вы состоите у нас под надзором".

Рассматривает Засулич свои ресурсы, с которыми ей приходится начать новую жизнь в неизвестном городе. У нее оказывается рубль денег, французская книжка да коробочка шоколадных конфет.

Нашелся добрый человек, дьячок, который поместил ее в своем семействе. Найти занятие в Крестцах ей не представлялось возможности, тем более что нельзя было скрыть, что она - высланная административным порядком. Я не буду затем повторять другие подробности, которые рассказала сама Вера Засулич.

Из Крестцов ей пришлось ехать в Тверь, в Солигалич, в Харьков. Таким образом, началась ее бродячая жизнь - жизнь женщины, находящейся под надзором полиции. У нее делали обыски, призывали для разных опросов, подвергала иногда задержкам не в виде арестов и, наконец, о ней совсем забыли.

Когда от нее перестали требовать, чтобы она еженедельно являлась на просмотр к местным полицейским властям, тогда ей улыбнулась возможность контрабандой поехать в Петербург и затем с детьми своей сестры отправиться в Пензенскую губернию. Здесь она летом 1877 года прочитывает в первый раз в газете "Голос" известие о наказании Боголюбова.

Да позволено мне будет, прежде чем перейти к этому известию, сделать еще маленькую экскурсию в область розги.

Я не имею намерения, господа присяжные заседатели, представлять вашему вниманию историю розги - это завело бы меня в область слишком отдаленную, к весьма далеким страницам нашей истории, ибо история розга весьма продолжительна. Нет, не историю розги хочу я повествовать перед вами, я хочу привести лишь несколько воспоминаний о последних днях ее жизни.

Вера Ивановна Засулич принадлежит к молодому поколению. Она стала себя помнить тогда уже, когда наступили новые порядки, когда розги отошли в область преданий. Но мы, люди предшествовавшего поколения, мы еще помним то полное господство розог, которое существовало до 17 апреля 1863 года. Розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была непременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казармах, в полицейском управлении... Существовало сказание апокрифического, впрочем, свойства - что где-то русская розга была приведена в союз с английским механизмом и

русское сечение совершалось по всем правилам самой утонченной европейской вежливости. Впрочем, достоверность этого сказания никто не подтверждал собственным опытом. В книгах наших уголовных, гражданских и военных законов розга испещряла все страницы. Она составляла какой-то легкий мелодический перезвон в общем громогласном гуле плети, кнута и шпицрутенев. Но наступил великий день - день, который чтит вся Россия, - 17 апреля 1863 года, - и розга перешла в область истории. Розга, правда, не совсем, но все другие телесные наказания миновали совершенно. Розга не была совершенно уничтожена, но крайне ограничена. В то время было много опасений за полное уничтожение розги, опасений, которых не разделяло правительство, но которые волновали некоторых представителей интеллигенции. Им казалось вдруг как-то неудобным и опасным оставить без розог Россию, которая так долго вела свою историю рядом с розгой, - Россию, которая, по их глубокому убеждению, сложилась в обширную державу и достигла своего величия едва ли не благодаря розгам. Как, казалось, вдруг остаться без этого цемента, связующего общественные устои? Как будто в утешение этих мыслителей розга осталась в очень ограниченных размерах и утратила свою публичность.

По каким соображениям решились сохранить ее, я не знаю, но думаю, что она осталась как бы в виде сувенира после умершего или удалившегося навсегда лица. Такие сувениры обыкновенно приобретаются и сохраняются в малых размерах. Тут не нужно целого шиньона, достаточно одного локона; сувенир обыкновенно не выставляется наружу, а хранится в тайнике медальона, в дальнем ящике. Такие сувениры не переживают более одного поколения.

Когда в исторической жизни народа нарождается какое-либо преобразование, которое способно поднять дух народа, возвысить его человеческое достоинство, тогда подобное преобразование прививается и приносит свои плоды. Таким образом, и отмена телесного наказания оказала громадное влияние на поднятие в русском народе чувства человеческого достоинства. Теперь стал позорен тот солдат, который довел себя до наказания розгами, теперь смешон и считается бесчестным тот крестьянин, который допустил себя наказать розгами.

Вот в эту-то пору, через пятнадцать лет после отмены розог, которые, впрочем, давно уже были отменены для лиц привилегированного сословия, над политическим осужденным арестантом было совершено позорное сечение. Обстоятельство это не могло укрыться от внимания общества: о нем заговорили в Петербурге, о нем вскоре появляются газетные известия. И вот эти-то газетные известия дали первый толчок мысли В.Засулич. Короткое газетное известие о наказании Боголюбова розгами не могло не произвести на Засулич подавляющего впечатления. Оно производило такое впечатление на всякого, кому знакомо чувство чести и человеческого достоинства.

Человек, по своему рождению, воспитанию и образованию чуждый розги; человек, глубоко чувствующий и понимающий все ее позорное и унижительное значение; человек, который по своему образу мыслей, по своим

убеждениям и чувствам не мог бы без сердечного содрогания видеть и слышать исполнение позорной экзекуции над другими, - этот человек сам должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унижительного наказания.

Какое, думала Засулич, мучительное истязание, какое презрительное поругание над всем, что составляет самое существенное достояние развитого человека, и не только развитого, но и всякого, кому не чуждо чувство чести и человеческого достоинства.

Не с точки зрения формальностей закона могла обсуждать В.Засулич наказание, произведенное над Боголюбовым, но и для нее не могло быть ясным из самих газетных известий, что Боголюбов хотя и был осужден на каторжные работы, но еще не поступил в разряд ссыльнокаторжных, что над ним не было еще исполнено все то, что, по фикции закона, отнимает от человека честь, разрывает всякую связь его с прошедшим и низводит его на положение лишенного всех прав. Боголюбов содержался еще в доме предварительного заключения, он жил среди прежней обстановки, среди людей, которые напоминали ему его прежнее положение.

Нет, не с формальной точки зрения обсуждала В.Засулич наказание Боголюбова; была другая точка зрения, менее специальная, более сердечная, более человеческая, которая никак не позволяла примириться с разумностью и справедливостью произведенного над Боголюбовым наказания.

Боголюбов был осужден за государственное преступление. Он принадлежал к группе молодых, очень молодых людей, судившихся за преступную манифестацию на площади Казанского собора. Весь Петербург знает об этой манифестации, и все с сожалением отнеслись тогда к этим молодым людям, так опрометчиво заявившим себя политическими преступниками, к этим так непроизводительно погубленным молодым силам. Суд строго отнесся к судимому деянию. Покушение явилось в глазах суда весьма опасным посягательством на государственный порядок, и закон был применен с подобающей строгостью. Но строгость приговора за преступление не исключала возможности видеть, что покушение молодых людей было прискорбным заблуждением и не имело в своем основании низких расчетов, своекорыстных побуждений, преступных намерений, что, напротив, в основании его лежало доброе увлечение, с которым не совладал молодой разум, живой характер, который дал им направиться на ложный путь, приведший к прискорбным последствиям.

Характерные особенности нравственной стороны государственных преступлений не могут не обращать на себя внимания. Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко - только одновременно высказанное учение преждевременно провозглашенного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время.

Все это, несмотря на тяжкую кару закона, постигающую государственного преступника, не позволяет видеть в нем презренного, отвергнутого члена общества, не позволяет заглушить симпатий ко всему тому высокому, честному, дорогому, разумному, что остается в нем вне сферы его преступного деяния.

Мы, в настоящее славное царствование, тогда еще с восторгом юности, приветствовали старцев, возвращенных монаршим милосердием из снегов Сибири, этих государственных преступников, явившихся энергическими деятелями по различным отраслям великих преобразований, тех преобразований, несвоевременная мечта о которых стоила им годов каторги.

Боголюбов судебным приговором был лишен всех прав состояния и присужден к каторге. Лишение всех прав и каторга - одно из самых тяжелых наказаний нашего законодательства. Лишение всех прав и каторга одинаково могут постигнуть самые разнообразные тяжкие преступления, несмотря на все различие их нравственной подкладки. В этом еще нет ничего несправедливого. Наказание, насколько оно касается сферы права, изменения общественного положения, лишения свободы, принудительных работ, может, без особенно вопиющей неравномерности, постигать преступника самого разнообразного характера. Разбойник, поджигатель, распространитель ереси, наконец, государственный преступник могут быть, без явной несправедливости, уравниены постигающим их наказанием.

Но есть сфера, которая не поддается праву, куда бессилён проникнуть нивелирующий закон, где всякая законная уравнительность была бы величайшей несправедливостью. Я разумею сферу умственного и нравственного развития, сферу убеждений, чувствований, вкусов, сферу всего того, составляет умственное и нравственное достояние человека.

Высокоразвитый, полный честных нравственных принципов государственный преступник и безнравственный, презренный разбойник или вор могут одинаково, стена об стену, тянуть долгие годы заключения, могут одинаково нести тяжкий труд рудниковых работ, но никакой закон, никакое положение, созданное для них наказанием, не в состоянии уравнивать их во всем том, что составляет умственную и нравственную сферу человека. Что для одного, составляет ничтожное лишение, легкое взыскание, то для другого может составить тяжкую нравственную пытку, невыносимое бесчеловечное истязание.

Закон карающий может отнять внешнюю честь, все внешние отличия, с ней сопряженные, но истребить в человеке чувство моральной чести, нравственного достоинства судебным приговором, изменить нравственное содержание человека, лишить его всего того, что составляет неотъемлемое достояние его развития, никакой закон не может. И если закон не может предусмотреть все нравственные, индивидуальные различия преступника, которые обуславливаются их прошедшим, то является на помощь общая, присущая человеку, нравственная справедливость, которая должна подсказать, что применимо к одному и что было бы высшей несправедливостью в применении к другому.

Если с этой точки зрения общей справедливости смотреть на наказание, примененное к Боголюбову, то понятным станет то возбуждающее, тяжелое чувство негодования, которое овладевало всяким неспособным безучастно относиться к нравственному истязанию над ближним.

С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова.

Что был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видела и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей?

Для Засулич Боголюбов был политический арестант, и в этом слове было для нее все: политический арестант не был для Засулич отвлеченное представление, вычитываемое из книг, знакомое по слухам, по судебным процессам, - представление, возбуждающее в честной душе чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии. Политический арестант был для Засулич - она сама, ее горькое прошлое, ее собственная история: история безвозвратно погубленных лет, лучших и дорогих в жизни каждого человека, которого не постигает тяжкая доля, перенесенная Засулич. Политический арестант был для Засулич - горькое воспоминание ее собственных страданий, ее тяжкого нервного возбуждения, постоянной тревоги, томительной неизвестности, вечной думы над вопросами: что я сделала? что будет со мной? когда же наступит конец? Политический арестант был ее собственное сердце, и всякое грубое прикосновение к этому сердцу болезненно отзывалось на ее возбужденной натуре.

В провинциальной глуши газетные известия действовали на Засулич еще сильнее, чем они могли бы действовать здесь, в столице. Там она была одна. Ей не с кем было разделить своих сомнений, ей не от кого было услышать слово участия по занимавшему ее вопросу. Нет, думала Засулич, вероятно, известие неверное, по меньшей мере оно преувеличено. Неужели теперь, и именно теперь, думала она, возможно такое явление? Неужели двадцать лет прогресса, смягчения нравов, человеколюбивого отношения к арестованным, улучшения судебных и тюремных порядков, ограничения личного произвола, неужели двадцать лет поднятия личности и достоинства человека вычеркнуты и забыты бесследно?

Неужели к тяжкому приговору, постигшему Боголюбова, можно было прибавлять еще более тяжкое презрение к его человеческой личности, забвение в нем всего прошлого, всего, что дали ему воспитание и развитие? Неужели нужно было еще наложить несмыслимый позор на эту, положим, преступную, но, во всяком случае, не презренную личность? Нет ничего удивительного, продолжала думать Засулич, что Боголюбов в состоянии нервного возбуждения, столь понятного в одиночно заключенном арестанте, мог, не владея собой, позволить себе то или другое нарушение тюремных правил, но на случай таких нарушений, если и признавать их вменяемыми

человеку в исключительном состоянии его духа, существуют у тюремного начальства другие меры, ничего общего не имеющие с наказанием розгами. Да и какой же поступок приписывают Боголюбову газетные известия? Неснятие шапки при вторичной встрече с почетным посетителем. Нет, это невероятно, успокаивалась Засулич; подождем, будет опровержение, будет разъяснение происшествия; по всей вероятности, оно окажется не таким, как представлено.

Но не было ни разъяснений, ни опровержений, ни гласа, ни послушания. Тишина молчания не располагала к тишине взволнованных чувств. И снова возникал в женской экзальтированной голове образ Боголюбова, подвергнутого позорному наказанию и раскаленное воображение старалось угадать, перечувствовать все то, что мог перечувствовать несчастный. Рисовалась возмущающая душу картина, но то была еще только картина собственного воображения, не проверенная никакими данными, не пополненная слухами, рассказами очевидцев, свидетелей наказания; вскоре явилось и то и другое. В сентябре Засулич была в Петербурге; здесь уже она могла проверить занимавшее ее мысль происшествие по рассказам очевидцев или лиц, слышавших непосредственно от очевидцев. Рассказы, по содержанию своему, неспособны были усмирить возмущенное чувство. Газетное известие оказывалось непреувеличенным; напротив, оно дополнялось такими подробностями, которые заставляли содрогаться, которые приводили в негодование. Рассказывалось и подтверждалось, что Боголюбов не имел намерения оказать неуважение, неповиновение, что с его стороны было только недоразумение и уклонение от внушения, которое ему угрожало, что попытка сбить с Боголюбова шапку вызвала крик со стороны смотревших на происшествие арестантов независимо от какого-либо возмущения их к тому Боголюбовым. Рассказывались дальше возмутительные подробности приготовления и исполнения наказания. Во двор, на который из окон камер неслись крики арестантов, взволнованных происшествием с Боголюбовым, является смотритель тюрьмы и, чтобы "успокоить" волнение, возвещает о предстоящем наказании Боголюбова розгами, не успокоив никого этим в действительности, но несомненно доказав, что он, смотритель, обладает и практическим тактом, и пониманием человеческого сердца. Перед окнами женских арестантских камер, на виду испуганных чем-то необычайным, происходящим в тюрьме, женщин, вяжутся пуки розог, как будто бы драть предстояло целую роту; разминаются руки, делаются репетиции предстоящей экзекуции, и в конце концов нервное волнение арестантов возбуждается до такой степени, что ликторы *in spe* считают нужным убраться в сарай и оттуда выносят пуки розог уже спрятанными под шинелями.

Теперь, по отрывочным рассказам, по догадкам, по намекам, нетрудно было вообразить и настоящую картину экзекуции. Восставала эта бледная, испуганная фигура Боголюбова, не ведающая, что он сделал, что с ним хотят творить; восставая в мыслях болезненный его образ. Вот он, приведенный на место экзекуции и пораженный известием о том позоре, который ему готовится; вот он, полный негодования и думающий, что эта сила негодования даст ему силы Самсона, чтобы устоять в борьбе с массой ликторов,

исполнителей наказания; вот он, падающий под массой пудов человеческих тел, насевших ему на плечи, распростертый на полу, позорно обнаженный, несколькими парами рук, как железом, прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться, и над всей этой картиной мерный свист березовых прутьев да также мерное исчисление ударов благородным распорядителем экзекуции. Все замерло в тревожном ожидании стога; этот стон раздался - то не был стон физической боли - не на нее рассчитывали; то был мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человеческого достоинства. Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена!.. *(Аплодисменты, громкие крики: браво!)*

Речь 6. Судебные речи на процессе по делу Веры Ивановны Засулич 31 марта 1878 г. Резюме председателя А. Ф. Кони.

Господа присяжные заседатели! Судебные прения окончены, и вам предстоит произнести ваш приговор. Вам была предоставлена возможность всесторонне рассмотреть настоящее дело, пред вами были открыты беспрепятственно все обстоятельства, которые, по мнению сторон, должны были разъяснить сущность деяния подсудимой, - и суд имеет основания ожидать от вас приговора обдуманного и основанного на серьезной оценке имеющегося у вас материала. Но прежде чем вы приступите к означенному обсуждению дела, я обязан дать вам некоторые указания о том, как и в каком порядке надо приступить к оценке данного дела.

Когда вам предлагается вопрос о виновности подсудимого в каком-либо преступлении, у вас естественно и прежде всего возникает два вопроса: кем совершено деяние и *что именно совершено*. Вы должны спросить себя, находится ли перед вами лицо, ответственное за свои проступки, т.е. не такое, в котором старость ослабила, молодость не вполне развила, болезнь погасила умственные силы. Вы должны убедиться, что перед вами находится человек, сознающий свои поступки и, следовательно, могущий подлежать за них ответственности.

В настоящем деле нет указаний на душевную болезнь, нет и вопроса о возрасте, и если защитник говорил вам перед вами о состоянии "постоянного аффекта", т.е. гнетущего и страстного порыв, то и он не указывал на то, чтобы этим состоянием у подсудимой затемнялось сознание. Что же касается до нервности подсудимой, следы которой не могли ускользнуть от вас, то нервность лишь вызывает большую впечатлительность.

Поэтому я умаю, что первый вопрос не представит для вас особых трудностей. Но второй вопрос труднее. Вы должны знать, на основании твердых данных, что именно совершено. Мало знать, что то или другое преступное деяние совершено, - необходимо знать, *для чего* оно совершено, т.е. знать *цель* и уяснить себе намерение подсудимого.

А затем возникает более общий вопрос: из каких побуждений сделано то, что привело подсудимого пред вас.

Есть дела, где эти вопросы разрешаются сравнительно легко, где в самом преступлении содержится уже и его объяснение, содержится указание на его цель. В таких делах, по большей части, для всякого ясно, к чему стремится обвиняемый. Так, кража в огромном большинстве случаев совершается для завладения чужим имуществом тайно, грабеж - для похищения его явно, изнасилование - для удовлетворения животной страсти и т.д.

Но есть дела более сложные. В них неизбежно надо исследовать внутреннюю сторону деяния. Один факт еще ничего не говорит или, во всяком случае, говорит очень мало. Таково *убийство*. Убийство - есть лишение жизни. Оно является преступным, когда совершается не для самообороны. Но оно может быть совершаемо различно. Я могу совершить убийство необдуманно, играя заряженным оружием; я могу убить в драке, нанося удары направо и

налево; могу прийти в негодование и в порыве гнева убить оскорбителя; могу, не ослепляемый раздражением, сознательно лишить жизни другого и могу, наконец, воспитать в себе прочную ненависть и под влиянием ее в течение многих иногда дней подготовить себя к тому, чтобы быть решительным, но задолго предвиденным ударом лишить кого-либо жизни. Все это будут ступени одной и той же лестницы, все они называются убийством, но какая между ними разница! И для того, чтобы ошибочно не стать ступенью ниже или, в особенности, ступенью выше, чем следует по справедливости, необходимо рассмотреть внутреннюю сторону преступления. Это рассмотрение укажет, какое это убийство, если только это убийство.

Но в настоящем деле обвинением поднят вопрос о *покушении*. Вам из явлений обыденной жизни известно, что такое покушение. Оно может быть различно. Бывают случаи, когда человек сам останавливается, приступив к совершению преступления. Стыд, страх, внутренний голос, слабость воли могут остановить его в самом начале. Но когда и выстрелил человек, когда замахнулся оружием, могут быть разные исходы: удар пришелся мимо, последовал промах, или удар пришелся в защищенное, случайно или не случайно, место и, встретив препятствие, не причинил вреда, или же, наконец, удар дошел по назначению, но особенности организма того, кому он был назначен, уничтожили, ослабили смертоносную силу. Удар может быть нанесен так, что есть полная вероятность, что он разрушит такие части тела, с невредимостью которых связана сама жизнь, а между тем случайное отклонение лезвия ножа или пути, избранного пулей, оставит важные внутренние органы без существенных повреждений или причинит такие, для борьбы против которых окажется достаточно жизненной силы у поврежденного организма. В этих последних случаях закон считает, что обвиняемый исполнил все, что от него зависело. Смерть не произошла не по его воле, и не от него уже зависело устранить ее, отдалить ее приход.

С таким именно случаем, по мнению представителя обвинительной власти, имеете вы теперь дело. Вы вдумаетесь в обстоятельства дела и в то, что было объясняемо вам здесь, и решите - есть ли прочные данные для этого вывода.

Картина самого события в приемной градоначальника 24 января должна быть вам ясна. Все свидетельские показания согласны между собой в описании того, что сделала Засулич. Револьвер, брошенный ею, пред вами. Объяснение, почему она его бросила, вы слышали. Оно подтверждается как устройством спуска курка револьвера, так и той, предвиденной ею, суматохой около нее после выстрела, о которой обстоятельно рассказали здесь Курнеев и Греч. Некоторое сомнение может возбудить лишь показание потерпевшего, прочитанное здесь на суде. Но это сомнение будет мимолетное. Для него нет оснований, и предположение о борьбе со стороны Засулич и о желании выстрелить еще раз ничем не подтверждается. Надо помнить, что показание потерпевшего дано почти тотчас после выстрела, когда под влиянием физических страданий и нравственного потрясения, в жару боли и волнения, генерал-адъютант Трепов не мог вполне ясно различать и припоминать все

происходившее вокруг него. Поэтому, без ущерба для вашей задачи, вы можете не останавливаться на этом показании.

Факт выстрела, причинившего рану, несомненен. Но какая это рана, какой ее исход, каково ее значение? Здесь были выслушаны эксперты. Эксперты - те же свидетели. Они также говорят о том, что видели или слышали. Но они отличаются одним свойством от свидетелей обыкновенных. Обыкновенный свидетель - человек простой, относящийся непосредственно к виденному и слышанному. Его личные впечатления и выводы иногда затемняют то красноречие фактов, которое содержится в его показании. Но эксперт - свидетель, по преимуществу вооруженный научным знанием и специальным опытом. Поэтому он не только может, но должен говорить о значении того, что он видит и слышит; его выводы освещают дело, устраняют многие сомнения и неясность обыденных представлений заменяют определенным взглядом, основанным на строгих данных науки.

И к свидетелям и к экспертам можно относиться с большим или меньшим доверием. Я напому, что доверие к свидетелю на суде должно основываться на нравственном, а если они даны экспертом, то и на научном его авторитете.

Вы примените эти условия к показаниям экспертов, бывших перед вами. Если вы найдете, что эксперты относились к делу с полным спокойствием и вниманием, что они, несмотря на разнообразное свое положение, вполне свободно сошлись в одних и тех же выводах; то вы, вероятно, отнесетесь к ним с доверием. Если, затем, вы припомните, что здесь пред вами были трое из наиболее выдающихся хирургов столицы, и в том числе два профессора хирургии, и что они имели возможность проследить ранение и его последствия, так сказать, по горячим следам, у постели больного, то вы придадите их показаниям научный авторитет. Сущность этих показаний от вас не ускользнула: рана нанесена, как оказывается из осмотра опаленного места на мундире, почти в упор - рана тяжелая и грозившая опасностью жизни.

Внутренняя сторона деяния Засулич будет затем подлежать особому вашему обсуждению. Здесь надо приложить всю силу разума, чтобы правильнее оценить цель и намерение, вложенные в действия подсудимой. Я укажу лишь на то, что более выдающимися основаниями для осуждения представляются здесь: во-первых, собственное объяснение подсудимой и, во-вторых, обстоятельства дела, не зависящие от этого объяснения, но которыми во многих отношениях может быть проверена его правильность или неправильность.

Собственное объяснение подсудимой прежде всего оценивается по тому доверию, какое вообще внушает или не внушает личность подсудимой. На скамью обвиняемых являются люди самых различных свойств. Обстановка, в которой они действовали до появления на этой скамье, обыкновенно отражается и на степени доверия, внушаемого их объяснениями перед судом. В большинстве случаев к объяснениям подсудимого надо относиться с осторожностью. Он слишком близкий к делу человек, он слишком большое участие в нем принимает, чтобы относиться к нему со спокойствием, чтобы

иногда, под влиянием своего положения, невольно не смотреть на деяние свое односторонне, т.е. не вполне согласно с истиной. Это настолько понятное явление, что обращаться к подсудимому с укором не следует, а следует лишь искать проверки объяснения подсудимого в сложившихся так или иначе фактах дела. Но собственное объяснение подсудимого, в особенности в делах, подобных настоящему, всегда должно быть принимаемо во внимание.

Существует, если можно так выразиться, два крайних типа по отношению к значению даваемых ими объяснений. С одной стороны - обвиняемый в преступлении, построенном на своекорыстном побуждении, желавший воспользоваться в личную выгоду плодами преступления, хотевший скрыть следы своего дела, бежать сам и на суде продолжающий то же, в надежде лживыми объяснениями выпутаться из беды, которой он всегда рассчитывал избежать, - игрок, которому изменила ловкость, поставивший на ставку свою свободу и Желаящий отыграться на суде. С другой стороны - отсутствие личной выгоды в преступлении, решимость принять его неизбежные последствия, без стремления уйти от правосудия, - совершение деяния в обстановке, которая заранее исключает возможность отрицания вины.

Между этими двумя типами укладываются все обвиняемые, бывающие на суде, приближаясь то к тому, то к другому. Очевидно, что обвиняемый первого типа заслуживает менее доверия, чем обвиняемый второго. Приближение к тому или другому типу не может уничтожить преступности деяния, приведшего обвиняемого к необходимости давать свои объяснения на суде, но может влиять на степень доверия к этим объяснениям.

К какому типу ближе подходит Вера Засулич - решите вы и сообразно с этим отнесетесь с большим или меньшим доверием к ее словам о том, что именно она имела в виду сделать, стреляя в генерал-адъютанта Трепова. Вы слышали объяснения Засулич здесь, вы помните сущность ее объяснения тотчас после происшествия. Оно приведено в обвинительном акте. Оба эти показания в Сущности сводятся к желанию нанесением раны или причинением смерти отомстить генерал-адъютанту Трепову за наказание розгами Боголюбова и тем обратить на случившееся в предварительной тюрьме общее внимание. Этим, по ее словам, она хотела сделать менее возможным на будущее время повторение подобных случаев.

Вы слышали прения сторон. Обвинитель находит, что подсудимая совершила мщение, имевшее целью убить генерал-адъютанта Трепова.

Обвинитель указывал вам на то нравственное осуждение, которому должны подвергаться избранные подсудимой средства, даже и в тех случаях, когда ими стремятся достигнуть нравственных целей. Вам было указано на возможность такого порядка вещей, при котором каждый, считающий свои или чужие права нарушенными, постановлял бы свой личный, произвольный приговор и сам приводил бы его в исполнение. Рассматривая с этой точки зрения объяснения подсудимой и проверяя их обстановкой преступления, прокурор находил, что подсудимая хотела лишить жизни потерпевшего.

Вы слышали затем доводы защиты. Они были направлены преимущественно на позднейшее объяснение подсудимой, в силу которого рана или смерть генерал-адъютанта Трепова была безразлична для Засулич, - важен был выстрел, обращавший на причины, по которым он был произведен, общее внимание. Таким образом, по предположению защиты, подсудимая считала себя поднимающей вопрос о восстановлении чести Боголюбова и разъяснении действительного характера происшествия 13 июля, и не только перед судом России, но и перед лицом Европы. То, что последовало после выстрела, не входило в расчеты подсудимой.

Вы посмотрите спокойным взглядом на те и другие доводы, господа присяжные заседатели. Вы остановитесь на их беспристрастном разборе и, произведя его, вероятно, встретитесь с вопросами.

Если нужно обращать на что-либо общее внимание, хотя бы путем необыкновенного или даже незаконного поступка, то является ли стрельба из револьвера и на расстоянии, на котором трудно промахнуться, единственным неизбежным средством? Общее внимание исключительно ли связано с действиями, которые почти неминуемо сопровождаются пролитием крови? Выстрел, направленный не в человека, но с внешними признаками покушения, не так же ли может поднять вопрос? Наконец, поднятие вопросов, хотя бы и о действительно больных сторонах общественной жизни, способом, избранным подсудимой, не является ли резким нарушением правильного устройства этой жизни, не является ли лекарством, которое оставляет болезненные следы, так как определение в каждом данном случае вопроса, который должен быть таким образом поднят, ставится в зависимость от произвола, от развития, от разума или неразумия отдельного лица.

Обратясь к показанию Засулич, вы поищите в нем доказательств того, что она могла быть твердо уверена, что дело ее будет разбираться обыкновенным судом, публичным, гласным; ввиду этого вопроса я должен вам напомнить, что она здесь, на суде, объяснила именованье себя Екатериной Козловой боязнью за своих знакомых, так как предполагала, что дело о ней будет производиться политическим порядком. А по этим делам закон разрешает закрывать двери суда всегда, когда это будет признано судом нужным.

Обсуждая доводы прокурора, вам придется остановиться на том, что надо понимать под мщением. Придется разобрать значение первоначального заявления подсудимой о желании отомстить. Быть может, в самом этом слове вы найдете и объяснение практической цели, для которой был произведен выстрел, если вы согласитесь с обвинителем в его взгляде на поступок Засулич.

Чувство мщения свойственно немногим людям; оно не так естественно, не так тесно связано с человеческой природой, как страсть, например ревность, но оно бывает иногда весьма сильно, если человек не употребит благороднейших чувств души на подавление в себе стремления отомстить, если даст этому чувству настолько ослепить себя и подавить, что станет смешивать отмщение с правосудием, забывая, что враждебное настроение -

плохое подспорье для справедливости решения. Каждый, более или менее, в эпоху, когда еще характер не сложился окончательно, испытывал на себе это чувство. Состоит ли оно в неприменном желании уничтожить предмет гнева, виновника страданий, вызвавшего в душе прочное чувство мести? Или наряду с желанием уничтожить - и притом гораздо чаще - существует желание лишь причинить нравственное или физическое страдание или и то и другое страдание вместе? Акты мщения встречаются, к сожалению, в жизни в разнообразных формах, но нельзя сказать, чтобы в основе их всегда лежало желание уничтожить, стереть с лица земли предмет мщения.

Вы знаете жизнь, вы и решите этот вопрос. Быть может, вы найдете, что в мщении выражается не исключительное желание истребить, а и желание причинить страдание и подвергнуть человека нравственным ударам. Если вы найдете это, то у вас может явиться соображение, что указание Засулич на желание отомстить еще не указывает на ее желание непременно убить генерал-адъютанта Трепова.

Разрешить так или иначе вопрос о степени доверия к показанию подсудимой нельзя, не перейдя к проверке его данными дела. И здесь вы снова встретитесь с рядом вопросов. Во-первых, вы обратите внимание на оружие и на то, что оно куплено по поручению подсудимой. Показание Лежена охарактеризовало перед вами свойства револьвера. Это - один из сильнейших. Вместе с тем по конструкции своей он один из самых коротких. Вы припомните мнение обвинителя, что калибр револьвера, его боевая сила указывают на желание убить, но вы не упустите из виду и того соображения, что размер револьвера делал удобным его ношение в кармане и его незаметное вынутие оттуда, причем не цель непременно убийства могла быть в виду, а лишь обстановка, в которой придется стрелять. Во-вторых, вы обсудите расстояние, с которого произведен выстрел, и место, куда он произведен. То, что он произведен почти в упор, может служить указанием на желание причинить смертельное повреждение, но не надо упускать из виду, что расстояние между генерал-адъютантом Треповым и Засулич обуславливалось обстановкой и, быть может, с другого места выстрела уже и нельзя было произвести. Вы решите, было ли расстояние, с которого был произведен столь близкий выстрел, выбрано Засулич произвольно и не было ли бы удобнее для целей убийства стрелять с несколько большего расстояния, так как тогда можно, не стесняясь расстоянием, навести пистолет в наиболее опасную часть тела. При этом вы сделаете и оценку выбора места, куда произведен был выстрел. Вы припомните, что говорил обвинитель о волнении подсудимой, мешавшем ей сделать выстрел иначе, но не забудете также и того, что, по обыденным понятиям и по медицинскому исходу настоящего ранения, наиболее опасными местами для причинения смерти являются голова и грудь. Вы вообще обратите особое внимание на оценку данных самого события.

Перед вами здесь было высказано, что для определения того, что Засулич не хотела убить, не нужно особенно останавливаться на фактах, - они, по-видимому, представляются не имеющими значения. Но я не могу со своей стороны дать вам такого совета. Я думаю, что на факты нужно во всяком деле

обращать особое внимание. На одних предположениях и теоретических выводах судебного решения - обвинительного или оправдательного безразлично - строить нельзя. Предположения и выводы являются иногда прочной и верной связью между фактами, но сами по себе еще ничего не доказывают. Всего лучше и несомненное цифры, где нет цифр, там остаются факты, но если цифр нет, если факты отбрасываются в сторону, то всякий вывод является произвольным и лишенным оснований. Поэтому, повторяю, при обсуждении двух возникающих из дела вопросов о покушении на убийство и о нанесении раны вдумайтесь в факты и подвергните их тщательному разбору. Отвечая на первый из поставленных вам вопросов, вы ответите на вопрос о ране - тяжелой и обдуманной заранее; отвечая не только на первый, но и на второй вопрос, вы отвечаете на вопрос об убийстве, которое, как вы видите из прежнего вопроса, предполагается не совершившимся только от причины, которые устранить или создать было не в силах Засулич.

Ответ на все эти вопросы дает полную картину покушения на убийство, ответ на один первый - дает картину нанесения, сознательно и обдуманно, тяжелой раны.

При признании подсудимой виновной вам придется выбирать между этими двумя ответами. Быть может, у вас возникнут сомнения относительно выбора одного из этих ответов. Ввиду этого я должен вам напомнить, что по общему юридическому и нравственному правилу всякое сомнение толкуется в пользу подсудимого; в применении к двум обвинениям в различных преступлениях это значит, что избирается обвинение в преступлении слабейшем.

Остается указать еще на ту часть вопроса первого, одинаково применимую и к покушению на убийство, и к нанесению тяжелой раны, которая говорит о заранее обдуманном намерении.

Каждое действие чем серьезнее, тем более оно обдуманно; то же и по отношению к преступлению. Обвинительная власть находит, что подсудимая учинила свое деяние, задолго его обдумав и приготовясь к нему; защита полагает, что ничего обдуманного заранее не было и что Засулич, думая о том, что она впоследствии совершила в приемной градоначальника, находилась в состоянии постоянного аффекта, т.е. в состоянии постоянно гнетущего и страстного раздражения. Преступления, совершенные в состоянии раздражения, существенно отличаются от обдуманных заранее. Если вы признаете, что подсудимая в то время, когда стреляла в генерал-адъютанта Трепова, находилась в состоянии вызванного в ней незадолго перед тем раздражения и гнева, то вы отвергнете обдуманность и исключите ее из первого вопроса, прибавив к нему, в случае утвердительного ответа на прочие его части, "но без обдуманного намерения".

Закон, однако, признает запальчивость и раздражение как последствия внезапно налетевшего гнева, который вполне овладевает человеком. Неожиданная обида, насилие, явное притеснение, возмутительное поведение могут в очевидцах или в потерпевшем вызвать негодование, которое заставит

его забыть об окружающем и броситься на обидчика или, вступив с ним в объяснение, постепенно потерять всякое самообладание и свершить над ним преступное деяние, последствий которого совершитель за час, за полчаса иногда вовсе и не предвидел и которых он в спокойном состоянии сам ужаснулся бы. Но где есть некоторое время подумать, побыть с самим собой, где на первом плане не гнев, а более спокойное и более глубокое враждебное чувство, там убийство является уже умышленным. Там же, где желание причинить вред или убить существует более или менее продолжительное время, где человек встает и ложится с одной мыслью, с одной решимостью, где он приобретает средства для своего деяния и затем, однажды все обдумав и предусмотрев и на все решившись, идет на свершение своего дела, - там мы, с точки зрения закона, имеем дело с преступлением предумышленным, т.е. совершенным с заранее обдуманым намерением. Каждый день, в течение долгого приготовления и обдумывания, человек этот может негодовать на свою будущую жертву, каждый день воспоминание о ней может возбуждать и гнев, и раздражение, и все-таки, если это продолжалось много-много дней и в течение их мысль о будущем деле созрела и развивалась, закон указывает на предумышление.

Не в гневе, не в страстном негодовании отличие преступления, совершенного предумышленно от деяния, сделанного в раздражении, а в промежутке времени, дающем возможность одуматься, критически отнестись к себе и к задуманному делу и, призвав на помощь силу воли, отказаться от заманчивого плана. Там, где была эта возможность критики, возможность отказа, возвращения назад, возможность раздумия, там закон видит условия обдуманности. Где этого нет, когда человек неожиданно поглощен страстным порывом, там закон видит аффект.

Господа присяжные! Мне нечего говорить вам о порядке ваших совещаний: он вам известен. Нечего говорить о важности ваших обязанностей как представителей общественной совести, призванных творить суд. Открывая заседание, я уже говорил вам об этом, и то внимание, с которым вы относились к делу, служит залогом вашего серьезного отношения к вашей задаче. Указания, которые я вам делал теперь, есть не что иное, как советы, могущие облегчить вам разбор данных дела и приведение их в систему. Они для вас несколько не обязательны. Вы можете их забыть, вы можете их принять во внимание. Вы произнесете решительное и окончательное слово по этому важному, без сомнения, делу. Вы произнесете это слово по убеждению вашему, глубокому, основанному на всем, что вы видели и слышали, и ничем не стесняемому, кроме голоса вашей совести.

Если, вы признаете подсудимую виновной по первому или по всем трем вопросам, то вы можете признать ее заслуживающей снисхождения по обстоятельствам дела. Эти обстоятельства вы можете понимать в широком смысле. К ним относится все то, что обрисовывает перед вами личность виновного. Эти обстоятельства всегда имеют значение, так как вы судите не отвлеченный предмет, а живого человека, настоящее которого всегда прямо или косвенно слагается под влиянием его прошлого. Обсуждая основания для

снисхождения, вы припомните раскрытую перед вами жизнь Засулич. Быть может, ее скорбная, скитальческая молодость объяснит вам ту накопившуюся в ней горечь, которая сделала ее менее спокойной, более впечатлительной и более болезненной по отношению к окружающей жизни, и вы найдете основания для снисхождения.

(К старшине.) Получите вопросный лист. Обсудите дело спокойно и внимательно, и пусть в приговоре вашем скажется тот "дух правды", которым должны быть проникнуты все действия людей, исполняющих священные обязанности судьи.

**Речь 7. Обвинительная речь в суде. Речь присяжного поверенного
кн. А. И. Урусова по делу Московского кредитного общества.
Заседание Московской Судебной Палаты с участием сословных
представителей, 20 сентября – 4 октября 1899 года**

Гг. Судьи! Гг. Сословные представители! В самом начале судебного заседания защита Шильдбаха предъявила против нас отвод. На основании устава Кредитного общества, говорила защита, не может быть потерпевших кроме самого Общества. Раз действия правления одобрены общим собранием заемщиков, то гражданская ответственность с правления снимается. Недовольные пусть обращаются к суду гражданскому с иском о недействительности такого постановления общего собрания.

Вот как! Значит, по мнению Шильдбаха, нет потерпевших, те полтора миллиона, потерю которого признает сама защита, – не убыток. Члены-заемщики потеряли эти деньги, но искать их не могут. На суде уголовном нет для них права судебной защиты!

Я бы не стал говорить об этом отводе теперь, когда он уже был отвергнут Палатой, если бы он не был для меня интересен как показатель глубокого помутнения сознания подсудимых. Десяток лет безнаказанных злоупотреблений приучил их считать себя выше всякой ответственности. И вот, перед Палатой они приводят против заемщиков те же доводы, которые с такой покорностью вторили поработанные общие собрания. И здесь, перед судом, они чувствуют себя так же, как в собраниях уполномоченных, точно они заседают в своих директорских креслах!

Если в отношении материальном наши иски ничтожны: что значит полтора миллиона убытков на 156 миллионов облигаций! – меньше процента, то общественное значение дела – громадно.

Однако, мы полагаем, что если есть общее положение закона, что потерпевший может искать убытки с обвиняемого, то не может быть и речи о недопустимости в данном случае гражданского иска. И вот почему, несмотря на ничтожность требований каждого из потерпевших в отдельности, мы настаиваем на них: перед лицом суда нет ни ничтожных, ни значительных исков – он различает только требования справедливые и несправедливые.

Но кроме тех грошей, на которые директора с их генеральскими окладами и министерскими бюджетами смотрят с презрением, у гражданского иска, сказал я, есть и другие основания. Ведь убытки, нанесенные преступлением, не исчерпываются прошедшим. Существует постоянная опасность убытков грядущих, убытков от той азартной игры, в которую превратили директора ипотечный кредит. Генеральный штаб этой кредитной армии здесь, перед судом, но ее кадры, проникнутые традициями ее предводителей, целы и продолжают традиционную деятельность. Кто может поручиться, что все окончилось, что в недалеком будущем не грозят экономические затруднения и ликвидация дел? И так как все члены-заемщики связаны круговую порукою, то у них есть полное основание опасаться наступления момента, когда в этой поруке явится неотложная необходимость.

Осуждение гг. Шильдбаха и Герике нанесет, конечно, сильный удар системе, но, может быть, она перенесет его и останется невредимой.

Итак, миллионный убыток в прошедшем угрожает в будущем не только миллионными потерями, но, по заключению ревизии, и ликвидацией. Как ни печальны эти последствия, грозящие Москве еще невиданным крахом, но, можно сказать, что почти ничтожны сравнительно с общественным злом, причиненным заправилами Кредитного общества.

Они извратили выборное начало; они создали пародию самоуправления. Системою долголетнего хищения они развили опасную спекуляцию и самое низкопробное маклачество. Зрелищем безнаказанного прибыльного обмана они развращали массы. Говоря словами достойнейшего гражданина Москвы Митрофана Павловича Щепкина, это была “гибель общественного доверия и общественного достояния.”

Деятельность Кредитного общества, давно ставшая притчей во языцех в Москве, мало чем отличается от истории обыкновенных банковых крахов, – только что здесь крах был предупрежден вовремя. Там болезнь имела более острый характер. Здесь затянулась, стала хронической и, вероятно, неизлечимой. Там злоупотребляли вексельным кредитом, здесь – ипотечным. И вот, путем последовательных злоупотреблений, учреждение ипотечное превратили в банк... ссудно-комиссионный.

Вот, я и думаю: что это за удивительное явление? Кредитное общество нарушает устав на глазах у всех, и не год, не два, – а десятки лет... И ничего! Растут убытки, на руках остаются 2½ миллионов домов, которые разрушаются, продаются за бесценок... И ничего! Обществу грозит ликвидация, правительство встревожено, ревизия по Высочайшему повелению, и все-таки продолжается прежняя история, только прибавляется несколько подлогов. Наконец, предадут все правление суду – а они продолжают себе директорствовать, как ни в чем не бывало! Как хотите, это удивительно непонятно.

Чтобы понять такое общественное явление, болезненное, очевидно, и упорное – нужно изучить особые условия организации Кредитного общества.

Нам придется коснуться фактов, исчерпанных уже предшествующими ораторами, из которых представители обвинения разработали фактическую сторону с большим блеском. Но когда двое пишут один ландшафт, получаются две картины. Они представляют одно и то же, а картины выходят все-таки разные. Каждый вносит свой темперамент в дело, свое понимание, свой колорит.

Уголовная сторона дела меня не интересует. Нравственной стороны подсудимых я касаться не буду; я ее не знаю. Но общественное значение дела, причинившего нам ущерб, занимает меня, и вредное, опасное для общества значение деятельности гг. Цветухина, Шильдбаха и Герике представляется мне совершенно ясным.

Пора обратить внимание суда на реальную сущность практиковавшейся в Кредитном Обществе системы; довольно рассматривать ее со стороны; надо

войти в самое горнило и посмотреть на нее глазами самих деятелей, понять их так, как они сами себя понимали.

В какой тесной, неразрывно логической связи находятся все отдельные части обвинения? С одной стороны, система выборов, с другой – растраты, подлоги. Тут не могло не быть того, что кредитные деятели называют методом, но уложение именуется подлогом. Подлог – неизбежный спутник дряхлеющей растраты.

Директора поставили свои хищения на строго коммерческих основаниях, а где коммерция, там неизбежен и куртаж. И с неизбежной закономерностью является сонмище маклаков, во главе которых фигурирует крестьянин Генералов (есть нечто символическое в этом сочетании звания и фамилии).

Что же за организацию избрало правление для упрочения своей безнаказанности в то время, когда злоупотребления его сделались уже притчею во языцех для всей Москвы? Изучение этой организации дает прелюбопытные черты для характеристики нашего времени и общества. Выработанный на пороге эпохи великих реформ и нашего времени, устав Общества не дает никакой почвы для ажиотажа, для превращения ипотечного учреждения в игорный дом. Щепкин сказал, что кредитное общество по мысли законодателя должно было представлять собой беспроигрышную лотерею. Оно и было таким в начале; но не могло долго оставаться в этом виде, “ибо что же можно выиграть в беспроигрышную лотерею?”

А заправилы хотели выиграть много. Они состояли из дельцов и юристов. Юристы поспешили разъяснить, что раз есть устав, то его можно и обходить. В основании устава лежит выборное начало, создающее массу избирателей. Правление разбило их на две категории: на исправных плательщиков, единственная заслуга которых состояла в том, что они платили, и на недоимщиков, которые, не платя денег, способны были на другие, более существенные услуги. Правление пошло по торной дороге. Оно решило, что нелепы все общие собрания, результаты которых загадочны и не могут быть учитываемы вперед. Что это за общие собрания, которые одно предложение примут, а другое, того и гляди, отвергнут. И оно создало из недоимщиков покорные общие собрания, решения которых известны были наперед, собрания, постоянные в своих симпатиях.

Теперь дело поставлено было уже на вполне серьезные основания, и на Петровке открылись золотые россыпи, доступные всякому, кто только умел уловить жилу. Избиратели были быстро дисциплинированы, выборные должности сделались пожизненными, мало того, наследственными. Цветухина свергла с его поста только смерть. После К. К. Шильдбаха место директора занимает его сын А. К. Шильдбах, а последнего сменяет его брат С. К. Шильдбах. Когда С. К. Шильдбах становится директором, А. К. делается председателем общих собраний уполномоченных. Не стоит говорить уже об Иде Шильдбах, тоже отвоевавшей себе кусочек. Вообще в Кредитном обществе наступает полное торжество семейного начала.

Но, может быть, не этим объясняется преемственность Шильдбахов на всех курульных креслах общества? Может быть, их выдвигали вперед их финансовые способности, их личные достоинства? С. К. Шильдбах только штабс-капитан в отставке...

Правление, упрочивши на Петровке семейное и преемственное начало, решает создать себе и дисциплинированные органы управления, и наблюдательный комитет. В оценочной комиссии не было оппозиционного элемента: она вступила в трогательную солидарность с правлением, в чем находила большие выгоды. Что касается наблюдательного комитета, то в нем вредный элемент имелся, но в такой небольшой дозе, что его удалось исподволь выжить. Образовался тот наблюдательный комитет, одного из членов которого (Грачева) вы видите перед собою, а остальных... слышали!

Таким образом, дела правления шли идеально. Серая масса заемщиков утверждала что угодно, оценочная комиссия преувеличивала оценки, чем подкупала в пользу правления недоимщиков, а наблюдательный комитет... ничего не наблюдал.

При таких порядках подчинение правлению остальных органов управления – оценочной комиссии и наблюдательного комитета – является уже вполне естественным. Теперь правление могло действовать свободно. Растрата казначея Анитова обращается в просчет, в обеспечение 55.000 р. с лишком, недоимки Гирша директор Цветухин берет векселя на свое имя, проходят удивительные оценки, переоценки и перезалоги, как перезалог Смирновского или операция с домом Дитмара, земля которого на приеме в залог была оценена по 6 р. за сажень, а когда он пожелал часть земли исключить из залога и продать, ее оценили только по 3 р., залог Буцковской и других. В некоторых делах есть даже элемент чудесного. На купленный матерью Генералова в Кредитном обществе дом совершается в тот же день вторая закладка на имя Шильдбаха, дом сгорает, и страховая премия идет на погашение этой накладной. Тою же Генераловой покупается другой дом, опять совершается закладная на имя Шильдбаха, выдается из Кредитного Общества дополнительная ссуда, затем дом сгорает, и страховой премией погашается закладная Шильдбаха. Вводится вознаграждение за комиссию по продаже домов, причем в получении денег расписываются очень часто лица, никаких комиссионных действий не совершавшие, и деньги, вероятно, для упрощения дела, прямо из кассы относятся в правление. Правление чувствовало себя настолько прочным, что даже властный окрик министра финансов: “Что вы делаете?,” даже прямые его приказания игнорируются собранием, которое вместо того увеличивает число директоров, т. е. увеличивает расходы Общества...

/Цитата вывода ревизии/.

Вот когда правление как следует обставило дела, тогда окончательно выработалась система, потребовавшая и отчетности особого рода. Нужен был человек, который умел бы искусно замаскировать перед общими собраниями истинное положение дел. Такой нашелся в лице Медианова.

С таким союзником правлению не страшно было министерство финансов, и оно вступило в открытую войну с высочайшей властью. Министерство требует восстановления ½ %-го сбора – общее собрание не желает. Министерство указывает на допущенные правлением беспорядки, а общее собрание вотирует ему благодарность.

Медианов уже говорил здесь, что дела Кредитного Общества требовали специальной отчетности и что рассматривает бухгалтерию не как науку, а как искусство. Эти слова его полны глубокого значения. Действительно, для заправил требовалась совершенно специальная бухгалтерия и несомненно, что она имела более общего с искусством, с художествами, чем с наукой. По уставу правление обязано было опубликовать отчеты в самых определенных выражениях, но правлению нужно было совершенно обратное, требовался отчет-ширма. В самом деле, каждый год накапливались убытки, преувеличенные оценки плодили недоимщиков. Недоимки покрывались дополнительными ссудами; дома, из которых выжато было все, бросались и оставались за Обществом; Общество отдавало их в руки управляющих; управляющие наживались; комиссионные деньги расхищались. Как же скрыть все это, как замазать убытки? Правление нашлось и в этом случае.

§ 73 Устава гласит, что если дом продан или остался за Обществом, правление поступает на основании § 23 Устава. В этих словах заключается разрешение недоразумений, которые старательно поддерживал эксперт г. Езерский. Ведь в § 23-м, к которому отсылает § 73-й, совершенно ясно сказано, что общество покрывает убытки из запасного капитала впредь до продажи залога. За это слово “общество” и схватилось правление, которое решило, что покрытие убытком из запасного капитала – это такое дело, которое может разрешить только общее собрание. Но ведь § 73-й ясно говорит, что это обязано делать правление, что правление обязано поступать согласно § 23. Конечно, весь Устав относится к деятельности Общества, но ведь правление и есть его исполнительный орган и если где-нибудь сказано, что Общество должно сделать то-то и то-то, это значит, что правление, а не общее собрание должно это сделать, круг обязанностей же общего собрания определен специальными пунктами Устава. Все это не требует даже столь подробных разъяснений, ибо тут нет места ни двусмысленностям, ни колебаниям. И уж конечно, не таким умным людям, как гг. Шильдбах и К, непонятен был этот пункт Устава, но им необходимо надо было толковать его так: в этом заключалось их спасение. Ведь отложить списание убытков до общего собрания значило выиграть год. Итак, убытки не списывались под тем предлогом, что правление не имеет на это права. Иначе говоря, правление не считало себя вправе исполнять требования Устава и закона.

Необходимость подлогов выступает теперь в почти кристальной ясности. Правление в журнале своем постановляет по дому Буцковской причитающийся от продажи его убыток покрыть из текущих расходов Общества, а начет пени исключить из счетов Общества. Что же это, неужели не ликвидация? По мнению правления, нет. Проходит несколько недель, и Медианов обращается с рапортом, в котором докладывает, что для заключения

финансового года без убытка “необходимость заставляет” оставить на счету недоимки по продаже дома Буцковской до окончательного расчета. Да какой же еще может быть окончательный расчет после сказанного журнального постановления? Что значит все это? Это значит, что для заключения года без убытка надо сделать подлог. Смысл ясен. И правление отвечает бухгалтеру: “Делайте подлог.”

О том, что нельзя показывать убытки, говорил и г. Езерский. Он говорил, что это может вызвать панику на бирже. Отсюда можно вывести заключение, что когда на бирже падают бумаги, то можно совершить подлог. Эту теорию лжи во спасение особенно странно слышать из уст эксперта-бухгалтера. Нет, не паники на бирже опасалось правление, а того, что его не выберут вновь. Если хотите, оно боялось паники, но не на бирже, а в среде самого Общества.

Эти злоупотребления привели к замене общих собраний собраниями уполномоченных. Но и эта мера не могла упорядочить дел Общества. Заправила его были слишком опытные, чтобы не найти в своем арсенале средств для защиты. Избирателей просвещали канделябрами, направляли сигналами, которые подавали особые дирижеры из членов наблюдательного комитета. Собрания уполномоченных были простым фарсом. Это комедия “Свои люди – сочтемся,” поставленная на народном театре под фирмою “Развлечение и польза.”

В настоящее время Общество выпустило свой отчет, в котором показан 3-х миллионный капитал, и гг. Герике и Шильдбах указывают на это, ставят себе это в заслугу, как будто бы этот запасной капитал был их детищем. Ничуть не бывало. Если бы министерство финансов не приказало восстановить ½%-ый сбор, этого запасного капитала не было бы и помину. Его создатель – министерство финансов.

Возникшее в первых порах эпохи реформ, Кредитное общество сумело сохранить все традиции доброго старого времени: в его отчетах мы встречаем и умильноторжественный тон (“правление счастливо”), и тон почтительный (“наблюдательный комитет повергает”), и заветное искусство отговорок и отписок – драгоценное наследие московских подьячих, и, наконец, столь любезную сердцу обывателей доступность в смысле добровольных соглашений и благодарностей. Словом, дух покойной Управы благочиния.

Все меры исправления недостатков в распорядках Общества были уже испытаны и оказались мало действительными.

Благие начинания не привели к благим результатам. Система гг. Гарике и Шильдбаха еще цела, целы и кадры послушно шествовавших за ними.

Когда существует такая опасная форма общественной деморализации, когда столь пагубная деятельность длилась безнаказанно так долго, она неминуемо вносит в общество начала разложения. Единственным оплотом теперь является суд, на котором лежит высокая обязанность оздоровления Общества путем удаления вредных его элементов. Дело теперь в руках суда.

Речь 8. Марк Туллий Цицерон. Первая речь против Луция Сергия Катилины [В сенате, в храме Юпитера Статора, 8 ноября 63 г. до н. э.]

(I, 1) Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине¹, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената², ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, что делал ты последней, что предыдущей ночью, где ты был, кого сзывал, какое решение принял? (2) О, времена! О, нравы!³ Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия. Казнить тебя, Катилина, уже давно следовало бы, по приказанию консула⁴, против тебя самого обратить губительный удар, который ты против всех нас уже давно готовишь. (3) Ведь высокочтимый муж, верховный понтифик Публий Сципион⁵, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха, пытавшегося произвести лишь незначительные изменения в государственном строе, а Катилину, страстно стремящегося резней и поджогами весь мир превратить в пустыню, мы, консулы, будем терпеть? О событиях далекого прошлого я, пожалуй, говорить не буду – например, о том, что Гай Сервилий Агала своей рукой убил Спурия Мелия, стремившегося произвести государственный переворот⁶. Была, была некогда в нашем государстве доблесть, когда храбрые мужи были готовы подвергнуть гражданина, несущего погибель, более жестокой казни, чем та, какая предназначена для злейшего врага. Мы располагаем против тебя, Катилина, решительным и веским постановлением сената. Не изменяют государству ни мудрость, ни авторитет этого сословия; мы – говорю открыто – мы, консулы, изменяем ему.

(II, 4) Сенат, своим постановлением, некогда обязал консула Луция Опимия принять меры, дабы государство не понесло ущерба⁷. Не прошло и ночи – и был убит, вследствие одного лишь подозрения в подготовке мятежа, Гай Гракх, сын, внук и потомок знаменитых людей; был предан смерти, вместе со своими сыновьями, консуляр Марк Фульвий⁸. На основании такого же постановления сената, защита государства была вверена консулам Гаю Марию и Луцию Валерию⁹. Заставила ли себя ждать хотя бы один день смерть народного трибуна Луция Сатурнина и претора Гая Сервилия, вернее, кара, назначенная для них государством? А мы, вот уже двадцатый день¹⁰, спокойно смотрим, как притупляется острие полномочий сената. Правда, и мы располагаем таким постановлением сената, но оно таится в записях и подобно

мечу, вложенному в ножны; на основании этого постановления сената, тебя, Катилина, следовало немедленно предать смерти, а между тем ты все еще живешь и живешь не для того, чтобы отречься от своей преступной отваги; нет, – чтобы укрепиться в ней. Хочу я, отцы-сенаторы, быть милосердным; не хочу, при таких великих испытаниях для государства, показаться безвольным; но я сам уже осуждаю себя за бездеятельность и трусость. (5) В самой Италии, на путях в Этрурию, устроен лагерь на погибель римскому народу; с каждым днем растет число врагов, а самого начальника этого лагеря, императора¹¹ и предводителя врагов, мы видим в своих стенах, более того – в сенате; изо дня в день готовит он изнутри гибель государству. Если я тотчас же велю тебя схватить, Катилина, если я велю тебя казнить, то мне, несомненно, придется бояться, что все честные люди признают мой поступок запоздалым, а не опасаться, что кто-нибудь назовет его слишком жестоким.

Но, что уже давно должно было быть сделано, я, имея на это веские основания, все еще не могу заставить себя привести в исполнение. Ты будешь казнен только тогда, когда уже не найдется ни одного столь бесчестного, столь низко падшего, столь подобного тебе человека, который не признал бы, что это совершенно законно. (6) Но пока есть хотя бы один человек, который осмелится тебя защищать, ты будешь жить, но так, как живешь ныне, – окруженный моей многочисленной и надежной стражей, дабы у тебя не было ни малейшей возможности даже пальцем шевельнуть во вред государству. Более того, множество глаз и ушей будет – незаметно для тебя, как это было также и до сего времени, – за тобой наблюдать и следить.

(III) И в самом деле, чего еще ждешь ты, Катилина, когда ни ночь не может скрыть в своем мраке сборище нечестивцев, ни частный дом – удержать в своих стенах голоса участников твоего заговора, если все становится явным, все прорывается наружу? Поверь мне, уже пора тебе изменить свой образ мыслей; забудь о резне и поджогах. Ты окружен со всех сторон; света яснее нам все твои замыслы, которые ты можешь теперь обсудить вместе со мной. (7) Разве ты не помнишь, как за одиннадцать дней до ноябрьских календ я говорил в сенате, что в определенный день, а именно за пять дней до ноябрьских календ, возьмется за оружие Гай Манлий, твой приверженец и орудие твоей преступной отваги? Разве я ошибся, Катилина, не говорю уже – в том, что произойдет такое ужасное и невероятное событие, но также, – и это должно вызывать гораздо большее изумление, – в определении его срока? И я же сказал в сенате, что ты назначил резню оптиматов на день за четыре дня до ноябрьских календ – тогда, когда многие из первых наших граждан бежали из Рима не столько ради того, чтобы избежать опасности, сколько для того, чтобы не дать исполниться твоим замыслам. Можешь ли ты отрицать, что в тот самый день ты, окруженный со всех сторон моими отрядами, благодаря моей бдительности не смог ни шагу сделать против государства, но, по твоим словам, ввиду отъезда всех остальных¹² ты был бы вполне удовлетворен, если бы тебе удалось убить одного меня, коль скоро я остался в Риме? (8) А потом? Когда ты был уверен, что тебе в самые ноябрьские календы удастся ночью, одним натиском, захватить Пренесту¹³, не понял ли ты тогда, что колония эта,

именно по моему приказанию, была обеспечена войсками, охраной, ночными дозорами? Ты ничего не можешь ни сделать, ни затеять, ни задумать без того, чтобы я об этом не услышал, более того – этого не увидел и ясно не ощутил.

(IV) Припомни же, наконец, вместе со мной события достопамятной позапрошлой ночи и ты сразу поймешь, что я с гораздо большим усердием неусыпно охраняю благополучие государства, чем ты готовишь ему гибель. Я утверждаю, что ты в эту ночь пришел на улицу Серповщиков – буду говорить напрямик – в дом Марка Леки¹⁴; там же собралось множество соучастников этого безрассудного преступления. Смеешь ли ты отпираться? Что ж ты молчишь? Докажу, если вздумаешь отрицать. Ведь я вижу, что здесь, в сенате, присутствует кое-кто из тех, которые были вместе с тобой. (9) О, бессмертные боги! В какой стране мы находимся? Что за государство у нас? В каком городе мы живем? Здесь, здесь, среди нас, отцы-сенаторы, в этом священнейшем и достойнейшем собрании, равного которому в мире нет, находятся люди, помышляющие о нашей всеобщей гибели, об уничтожении этого вот города, более того, об уничтожении всего мира! И я, консул, вижу их здесь, даже предлагаю им высказать свое мнение о положении государства и все еще не решаюсь уязвить словами людей, которых следовало бы истребить мечом.

Итак, ты был у Леки в эту ночь, Катилина! Ты разделил на части Италию¹⁵, ты указал, кому куда следовало выехать; ты выбрал тех, кого следовало оставить в Риме, и тех, кого следовало взять с собой; ты распределил между своими сообщниками кварталы Рима, предназначенные для поджога, подтвердил, что ты сам в ближайшее время выедешь из города, но сказал: что ты все же еще ненадолго удержишься, так как я еще жив. Нашлись двое римских всадников, выразивших желание избавить тебя от этой заботы и обещавших тебе в ту же ночь, перед рассветом, убить меня в моей постели¹⁶. (10) Обо всем этом я узнал, как только было распущено ваше собрание¹⁷. Дом свой я надежно защитил, усилив стражу; не допустил к себе тех, кого ты ранним утром прислал ко мне с приветствиями¹⁸; впрочем, ведь пришли как раз те люди, чей приход – и притом именно в это время – я уже заранее предсказал многим виднейшим мужам.

(V) Теперь, Катилина, продолжай идти тем путем, каким ты пошел; покинь, наконец, Рим; ворота открыты настежь, уезжай. Слишком уж долго ждет тебя, императора, твой славный Манлиев лагерь. Возьми с собой и всех своих сторонников; хотя бы не от всех, но от возможно большего числа их очисти Рим. Ты избавишь меня от сильного страха, как только мы будем отделены друг от друга городской стеной. Находиться среди нас ты уже больше не можешь; я этого не потерплю, не позволю, не допущу. (11) Великую благодарность следует воздать бессмертным богам и, в частности, этому вот Юпитеру Статору¹⁹, древнейшему стражу нашего города, за то, что мы уже столько раз были избавлены от столь отвратительной язвы, столь ужасной и столь пагубной для государства. Отныне благополучию государства не должна уже угрожать опасность от одного человека. Пока ты, Катилина, строил козни мне, избранному консулу, я защищался от тебя не с помощью официально предоставленной мне охраны, а принимая свои меры

предосторожности. Но когда ты, во время последних комиций по выбору консулов, хотел меня, консула, и своих соискателей убить на поле²⁰, я пресек твою нечестивую попытку, найдя защиту в лице многочисленных друзей, не объявляя, однако, чрезвычайного положения²¹ официально. Словом, сколько раз ни пытался ты нанести мне удар, я отражал его сам, хотя и понимал, что моя гибель была бы большим несчастьем для государства. (12) Но теперь ты уже открыто хочешь нанести удар государству в целом; уже и храмы бессмертных богов, городские дома, всех граждан, всю Италию обрекаешь ты на уничтожение и гибель. Поэтому, коль скоро я все еще не решаюсь совершить то, что является моей первой обязанностью и на что дает мне право предоставленный мне империй²² и заветы наших предков, я прибегну к каре более мягкой, но более полезной для всеобщего спасения. Если я прикажу тебя казнить, то остальные люди из шайки заговорщиков в государстве уцелеют; но если ты, к чему я уже давно тебя склоняю, уедешь, то из Рима будут удалены обильные и зловердные подонки государства в лице твоих приверженцев²³. (13) Что же, Катилина? Неужели же ты колеблешься сделать, по моему приказанию, то, что ты был готов сделать добровольно? Консул велит врагу²⁴ удалиться из Рима. Ты спрашиваешь меня – неужели в изгнание? Я тебе не велю, но, раз ты меня спрашиваешь, советую так поступить.

(VI) И в самом деле, Катилина, что еще может радовать тебя в этом городе, где, кроме твоих заговорщиков, пропащих людей, не найдется никого, кто бы тебя не боялся, кто бы не чувствовал к тебе ненависти? Есть ли позорное клеймо, которым твоя семейная жизнь не была бы отмечена? Каким только бесстыдством не ославил ты себя в своей частной жизни? Каким только непристойным зрелищем не осквернил ты своих глаз, каким деянием – своих рук, какой гнусностью – всего своего тела? Найдется ли юнец, перед которым бы ты, чтобы заманить его в сети и совратить, не нес кинжала на пути к преступлению или же факела на пути к разврату?²⁵ (14) Разве недавно, когда ты, смертью своей первой жены, приготовил свой опустевший дом для нового брака, ты не добавил к этому злодеянию еще другого, невообразимого?²⁶ Не стану о нем говорить, – пусть лучше о нем молчат – дабы не казалось, что в нашем государстве такое чудовищное преступление могло произойти или же остаться безнаказанным²⁷. Не буду говорить о твоём полном разорении, всю тяжесть которого ты почувствуешь в ближайшие иды²⁸. Перехожу к тому, что относится не к твоей позорной и порочной частной жизни, не к твоим семейным бедствиям и бесчестию, а к высшим интересам государства, к нашему существованию и всеобщему благополучию.

(15) Неужели тебе, Катилина, может быть мил этот вот свет солнца или воздух под этим небом, когда каждому из присутствующих, как ты знаешь, известно, что ты, в консульство Лепида и Тулла²⁹, в канун январских календ стоял на комиции³⁰ с оружием в руках; что ты, с целью убийства консулов и первых граждан, собрал большую шайку и что твое безумное злодеяние было предотвращено не твоими собственными соображениями и не страхом, а Фортуной римского народа? Я и об этом не стану распространяться; ибо это

ни для кого не тайна, а ты и впоследствии совершил немало преступлений. Сколько раз покушался ты на мою жизнь, пока я был избранным консулом, сколько раз – во время моего консульства! От скольких твоих нападений, рассчитанных так, что, казалось, не было возможности их избежать, я спасся, как говорится, лишь чуть-чуть отклонившись в сторону! Ничего тебе не удается, ничего ты не достигаешь, но все-таки не отказываешься от своих попыток и стремлений. (16) Сколько раз уже вырывали кинжал у тебя из рук! Сколько раз он случайно выскальзывал у тебя из рук и падал на землю! Не знаю, во время каких таинств, каким обетом ты посвятил его богам³¹, раз ты считаешь необходимым вонзить его именно в грудь консула.

(VII) А теперь какова твоя жизнь? Ведь я теперь буду говорить с тобой так, словно мной движет не ненависть, что было бы моим долгом, а сострадание, на которое ты не имеешь никакого права. Ты только что явился в сенат. Кто среди этого многочисленного собрания, среди стольких твоих друзей и близких приветствовал тебя? Ведь этого – с незапамятных времен – не случилось ни с кем; и ты еще ждешь оскорбительных слов, когда само это молчание – уничтожающий приговор! А то, что после твоего прихода твоя скамья опустела, что все консуляры, которых ты в прошлом не раз обрекал на убийство, пересели, оставив незанятыми скамьи той стороны, где сел ты? Как ты можешь это терпеть?

(17) Если бы мои рабы боялись меня так, как тебя боятся все твои сограждане, то я, клянусь Геркулесом, предпочел бы покинуть свой дом³². А ты не считаешь нужным покинуть Рим? И если бы я видел, что я – пусть даже незаслуженно – навлек на себя такое тяжкое подозрение и неприязнь сограждан, то я отказался бы от общения с ними, только бы не чувствовать ненависти в их взглядах. Ты же, зная за собой свои злодеяния и признавая всеобщую ненависть справедливой и давно уже заслуженной, еще колеблешься, бежать ли тебе от взоров и от общества тех людей, чьи умы и чувства страдают от твоего присутствия? Если бы твои родители боялись и ненавидели тебя и если бы тебе никак не удавалось смягчить их, ты, мне думается, скрылся бы куда-нибудь с их глаз. Но теперь отчизна, наша общая мать, тебя ненавидит, боится и уверена, что ты уже давно не помышляешь ни о чем другом, кроме отцеубийства³³. И ты не склонись перед ее решением, не подчинишься ее приговору, не испугаешься ее могущества? (18). Она так обращается к тебе, Катилина, и своим молчанием словно говорит: «Не было в течение ряда лет ни одного преступления, которого не совершил ты; не было гнусности, учиненной без твоего участия; ты один безнаказанно и беспрепятственно убивал многих граждан³⁴, притеснял и разорял наших союзников; ты оказался в силах не только пренебрегать законами и правосудием, но также уничтожать их и попираешь. Препятствия твои преступления, хотя они и были невыносимы, я все же терпела, как могла; но теперь то, что я вся охвачена страхом из-за тебя одного, что при малейшем лязге оружия я испытываю страх перед Катилиной, что каждый замысел, направленный против меня, кажется мне порожденным твоей преступностью, – все это нестерпимо. Поэтому удались и избавь меня от этого

страха; если он справедлив, – чтобы мне не погибнуть; если он ложен, – чтобы мне, наконец, перестать бояться». (VIII, 19) Если бы отчизна говорила с тобой так, неужели ты не должен был бы повиноваться ей, даже если бы она не могла применить силу?

А то, что ты сам предложил взять тебя под стражу, что ты, дабы избежать подозрения, заявил о своем желании жить в доме у Мания Лепида?³⁵ Не принятый им, ты даже ко мне осмелился явиться и меня попросил держать тебя в моем доме. Получив и от меня ответ, что я никак не могу чувствовать себя в безопасности, находясь с тобой под одним кровом, потому что подвергаюсь большой опасности, уже находясь с тобой в одних и тех же городских стенах, ты пришел к претору Квинту Метеллу; отвергнутый им, ты переселился к своему сотоварищу, отличнейшему человеку, Марку Метеллу³⁶, которого ты, очевидно, считал крайне исполнительным в деле охраны, в высшей степени проникательным в его подозрениях и непоколебимым при наказании. Итак, долго ли до тюрьмы и оков тому, кто уже сам признал себя заслуживающим заключения под стражу? (20) И при таких обстоятельствах, Катилина, ты, если у тебя нет сил спокойно покончить с жизнью, еще не знаешь, стоит ли тебе уехать в какую-либо страну и жизнь свою, которую ты спасешь от множества мучений, вполне тобой заслуженных, влечь в изгнании и одиночестве?

«Доложи, – говоришь ты, – об этом сенату». Ведь ты этого требуешь и выражаешь готовность, если это сословие осудит тебя на изгнание, ему повиноваться. Нет, я докладывать не буду – это против моих правил – и все-таки заставлю тебя понять, что думают о тебе присутствующие. Уезжай из Рима, Катилина; избавь государство от страха; в изгнание – если ты именно этого слова ждешь от меня – отправляйся. Что же теперь? Ты еще чего-то ждешь? Разве ты не замечаешь молчания присутствующих? Они терпят, молчат. К чему ждать тебе их приговора, если их воля ясно выражена их молчанием? (21) Ведь если бы я сказал это же самое присутствующему здесь достойнейшему молодому человеку, Публию Сестию³⁷, или же храбрейшему мужу, Марку Марцеллу³⁸, то сенат в этом же храме, с полным правом, на меня, консула, поднял бы руку. Но когда дело идет о тебе, Катилина, то сенаторы, оставаясь безучастными, одобряют; слушая, выносят решение; храня молчание, громко говорят, и так поступают не только эти вот люди, чей авторитет ты, по-видимому, высоко ценишь, но чью жизнь не ставишь ни во что, но также и вон те римские всадники, глубоко почитаемые и честнейшие мужи, и другие храбрейшие граждане, стоящие вокруг этого храма; ведь ты мог видеть, сколь они многочисленны, почувствовать их рвение, а недавно и услышать их возгласы. Мне уже давно едва удастся удержать их от вооруженной расправы с тобой, но я с легкостью подвигну их на то, чтобы они – в случае, если ты будешь оставлять Рим, который ты уже давно стремишься уничтожить, – проводили тебя до самых ворот³⁹.

(IX, 22) Впрочем, к чему я это говорю? Разве возможно, чтобы тебя что-либо сломило? Чтобы ты когда-либо исправился, помыслил о бегстве, подумал об изгнании? О, если бы бессмертные боги внушили тебе это намерение!

Впрочем, я понимаю, какая страшная буря ненависти – в случае, если ты, уstraшенный моими словами, решишь удалиться в изгнание – угрожает мне если не в настоящее время, когда память о твоих злодеяниях еще свежа, то, во всяком случае, в будущем. Но пусть будет так, только бы это несчастье обрушилось на меня одного и не грозило опасностью государству! Однако требовать от тебя, чтобы тебя привели в ужас твои собственные пороки, чтобы ты побоялся законной кары, чтобы ты подумал об опасном положении государства, не приходится. Не таков ты, Катилина, чтобы совесть удержала тебя от подлости, страх – от опасных действий или же здравый смысл – от безумия. (23) Итак, – говорю это уже не в первый раз – уезжай, причем, если ты, как ты заявляешь, хочешь разжечь ненависть ко мне, своему недругу, то уезжай прямо в изгнание. Тяжко будет мне терпеть людскую молву, если ты так поступишь; тяжело будет мне выдерживать лавину этой ненависти, если ты уедешь в изгнание по повелению консула. Но если ты, напротив, предпочитаешь меня возвеличить и прославить, то покинь Рим вместе с наглой шайкой преступников, отправляйся к Манлию и призови пропащих граждан к мятежу, порви с честными людьми, объяви войну отчизне, предайся нечестивому разбою, дабы казалось, что ты выехал из Рима не изгнанный мною к чужим, но приглашенный к своим.

(24) А впрочем, зачем мне тебе это предлагать, когда ты – как я знаю – уже послал вперед людей⁴⁰, чтобы они с оружием в руках встретили тебя вблизи Аврелиева Форума⁴¹; когда ты – как я знаю – назначил определенный день для встречи с Манлием; более того, когда ты даже того серебряного орла⁴², который, я уверен, губительным и роковым окажется именно для тебя самого и для всех твоих сторонников⁴³ и для которого у тебя в доме была устроена нечестивая божница, когда ты этого самого орла, как я знаю, уже послал вперед? Как ты сможешь и долее обходиться без него, когда ты не раз возносил к нему моления, отправляясь на резню, и после прикосновения к его алтарю твоя нечестивая рука так часто переходила к убийству граждан?

(X, 25) И вот, ты, наконец, отправишься туда, куда твоя необузданная и бешеная страсть уже давно тебя увлекает. Ведь это не только не удручает тебя, но даже доставляет тебе какое-то невыразимое наслаждение. Для этого безрассудства тебя природа породила, твоя воля воспитала, судьба сохранила. Никогда не желал ты, не говорю уже – мира, нет, даже войны, если только эта война не была преступной. Ты набрал себе отряд из бесчестного сброда пропащих людей, потерявших не только все свое достояние, но также и всякую надежду. (26) Какую радость будешь ты испытывать, находясь среди них, какому ликованию предаваться! Какое наслаждение опьянит тебя, когда ты среди своих столь многочисленных сторонников не услышишь и не увидишь ни одного честного человека! Ведь именно для такого образа жизни ты и придумал свои знаменитые лишения – лежать на голой земле не только, чтобы насладиться беззаконной страстью, но и чтобы совершить злодеяние; бодрствовать, злоумышляя не только против спящих мужей, но и против мирных богатых людей. У тебя есть возможность блеснуть своей хваленой способностью переносить голод, холод, всяческие лишения⁴⁴, которыми ты

вскоре будешь сломлен. (27) Отняв у тебя возможность быть избранным в консулы, я, во всяком случае, достиг одного: как изгнанник ты можешь покушаться на государственный строй, но как консул⁴⁵ ниспровергнуть его не можешь, – твои злодейские действия будут названы разбоем, а не войной.

(XI) Теперь, отцы-сенаторы, дабы я мог решительно отвести от себя почти справедливую, надо сказать, жалобу отчизны, прошу вас внимательно выслушать меня с тем, чтобы мои слова глубоко запали вам в душу и в сознание. В самом деле, если отчизна, которая мне гораздо дороже жизни, если вся Италия, все государство мне скажут: «Марк Туллий, что ты делаешь? Неужели тому, кого ты разоблачил как врага, в ком ты видишь будущего предводителя мятежа, кого, как ты знаешь, как императора ожидают во вражеском лагере – зачинщику злодейства, главарю заговора, вербовщику рабов и граждан губителю ты позволишь удалиться, так что он будет казаться не выпущенным тобой из Рима, а впущенным тобой в Рим? Неужели ты не повелишь заключить его в тюрьму, повлечь на смерть, предать мучительной казни? (28) Что, скажи, останавливает тебя? Уж не заветы ли предков? Но ведь в нашем государстве далеко не редко даже частные лица карали смертью граждан, несших ему погибель. Или существующие законы о казни, касающиеся римских граждан?⁴⁶ Но ведь в нашем городе люди, изменившие государству, никогда не сохраняли своих гражданских прав. Или ты боишься ненависти потомков? Поистине прекрасно воздашь ты благодарность римскому народу, который тебя, человека, известного только личными заслугами и не порученного ему предками⁴⁷, так рано⁴⁸ вознес по ступеням всех почетных должностей к высшей власти, если ты, боясь ненависти и страшаясь какой-то опасности, пренебрежешь благополучием своих сограждан. (29) Но если в какой-то мере и следует опасаться ненависти, то разве ненависть за проявленную суровость и мужество страшнее, чем ненависть за слабость и трусость? Когда война начнет опустошать Италию, когда будут рушиться города, пылать дома, что же, тогда, по-твоему, не сожжет тебя пламя ненависти?» (XII) Отвечу коротко на эти священные слова государства и на мысли людей, разделяющих эти взгляды. Да, отцы-сенаторы, если бы я считал наилучшим решением покарать Катилину смертью, я этому гладиатору и часа не дал бы прожить. И в самом деле, если выдающиеся мужи и самые известные граждане не только не запятнали себя, но даже прославились, пролив кровь Сатурнина, Гракхов и Флакка⁴⁹, а также многих предшественников их, то мне, конечно, нечего было бояться, что казнь этого братоубийцы, истребляющего граждан, навлечет на меня ненависть грядущих поколений. Как бы ни была сильна эта угроза, я все же всегда буду убежден в том, что ненависть, порожденную доблестью, следует считать не ненавистью, а славой.

(30) Впрочем, кое-кто в этом сословии либо не видит того, что угрожает нам, либо закрывает глаза на то, что видит. Люди эти снисходительностью своей обнадеживали Катилину, а своим недоверчивым отношением благоприятствовали росту заговора при его зарождении. Опираясь на их авторитет, многие не только бесчестные, но просто неискушенные люди – в случае, если бы я Катилину покарал, – назвали бы мой поступок жестоким и

свойственным разве только царю⁵⁰. Но теперь я полагаю, что если Катилина доберется до лагеря Манлия, в который он стремится, то никто не будет столь глуп, чтобы не увидеть ясно, что заговор действительно существует, и никто – столь бесчестен, чтобы это отрицать. Я понимаю, что, казнив одного только Катилину, можно на некоторое время ослабить эту моровую болезнь в государстве, но навсегда уничтожить ее нельзя. Если же он сам удалится в изгнание, уведет с собой своих приверженцев и захватит с собой также и прочие подонки, им отовсюду собранные, то будут окончательно уничтожены не только эта, уже застарелая болезнь государства, но также и корень и зародыш всяческих зол. (XIII, 31) И в самом деле, отцы-сенаторы, ведь мы уже давно живем среди опасностей и козней, связанных с этим заговором, но почему-то все злодейства, давнишнее бешенство и преступная отвага созрели и вырвались наружу именно во время моего консульства. Если из такого множества разбойников будет устранен один только Катилина, то нам, пожалуй, на какое-то короткое время может показаться, что мы избавлены от тревоги и страха; но опасность останется и будет скрыта глубоко в жилах и теле государства. Часто люди, страдающие тяжелой болезнью и мечущиеся в бреду, если выпьют ледяной воды, вначале чувствуют облегчение, но затем им становится гораздо хуже; так и эта болезнь, которой страдает государство, ослабевшая после наказания Катилины, усилится еще более, если остальные преступники уцелеют.

(32) Поэтому пусть удалятся бесчестные; пусть они отделятся от честных, соберутся в одно место; наконец, пусть их, как я уже не раз говорил, от нас отделит городская стена. Пусть они перестанут покушаться на жизнь консула у него в доме, стоять вокруг трибунала городского претора⁵¹, осаждать с мечами в руках курию, готовить зажигательные стрелы и факелы для поджога Рима; пусть, наконец, на лице у каждого будет написано, что он думает о положении государства. Заверяю вас, отцы-сенаторы, мы, консулы, проявим такую бдительность, вы – такой авторитет, римские всадники – такое мужество, все честные люди – такую сплоченность, что после отъезда Катилины все замыслы его вы увидите раскрытыми, разоблаченными, подавленными и понесшими должную кару.

(33) При этих предзнаменованиях, Катилина, на благо государству, на беду и на несчастье себе, на погибель тем, кого с тобой соединили всяческие братоубийственные преступления, отправляйся на нечестивую и преступную войну. А ты, Юпитер⁵², чью статую Ромул воздвиг при тех же авспициях, при каких основал этот вот город, ты, которого мы справедливо называем оплотом нашего города и державы, отразишь удар Катилины и его сообщников от своих и от других храмов, от домов и стен Рима, от жизни и достояния всех граждан; а недругов всех честных людей, врагов отчизны, опустошителей Италии, объединившихся в злодейском союзе и нечестивом сообществе, ты обречешь – живых и мертвых – на вечные муки.

Литература

1. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М., 1996.
2. Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс: учеб пособие. – М., 2011.
3. Античные риторика. – М., 1978.
4. Аристотель. Риторика. Поэтика. – М., 2000.
5. Большой орфографический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова, И.Ф. Протченко и Л.И. Скворцова. – М., 2006.
6. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика: учеб. пособие для вузов. – Ростов н/Д, 2002.
7. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов: учеб. пособие. – Ростов н/Д, 2002.
8. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика и культура речи. – Ростов н/Д, 2012.
9. Волков А.А. Курс русской риторики. – М., 2013.
10. Грачёв М.А. Лингвокриминалистика. – Нижний Новгород, 2009.
11. Демосфен. Речи. – М., 1954.
12. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (Риторика для юристов): учеб. пособие. – М., 2011.
13. Кошанский Н.Ф. Риторика. – М., 2013.
14. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2010.
15. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч.: В 11 тт. Т. 7. – М., 1952.
16. Михальская Л.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие. – М., 1996.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2010.
18. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. – М., 2008.
19. Рождественский Ю.В. Теория риторики: учеб. пособие. – М., 2015.
20. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Русский язык. Орфография. Пунктуация. – М., 2009.
21. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И.Б. Голуб. – М., 2010.
22. Сопер П. Основы искусства речи. – М., 2005.
23. Стернин И.А. Риторика. – Воронеж, 2002.
24. Цицерон. Речи. В 2 тт. Т. 1. – М., 1962.

Оглавление

Предисловие.....	3
Тема 1. Предмет и задачи риторики. Из истории риторики.....	5
Тема 2. Условия эффективной речевой коммуникации.....	29
Тема 3. Невербальные средства общения.....	41
Тема 4. Вербальные средства общения.....	49
Тема 5. Основные качества юридической речи.....	57
Тема 6. Общение в юридической практике.....	66
Тема 7. Основы ораторского мастерства.....	79
Тема 8. Основы полемического мастерства.....	94
<i>Приложения</i>	102
Речь 1. Лисий. Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена.....	102
Речь 2. Речь и реплика адвоката Г.М. Резника по делу Александра Лебедева. Москва, 2019 г.	107
Речь 3. Обвинительная речь товарища прокурора в. И. Петрова по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого. Заседание Рязанского окружного суда с участием присяжных заседателей, 18–27 января 1871 г.	114
Речь 4. Речь Ф. Н. Плевако в защиту Каструбо-Карицкого.....	133
Речь 5. Судебные речи на процессе по делу Веры Ивановны Засулич 31 марта 1878 г. Речь присяжного поверенного П.А. Александрова в защиту Засулич.....	148
Речь 6. Судебные речи на процессе по делу Веры Ивановны Засулич 31 марта 1878 г. Резюме председателя А. Ф. Кони.....	159
Речь 7. Обвинительная речь в суде. Речь присяжного поверенного кн. А. И. Урусова по делу Московского кредитного общества. Заседание Московской Судебной Палаты с участием сословных представителей, 20 сентября – 4 октября 1899 года.....	168
Речь 8. Марк Туллий Цицерон. Первая речь против Луция Сергия Катилины [В сенате, в храме Юпитера Статора, 8 ноября 63 г. до н. э.]	174
Литература.....	183

Учебное издание

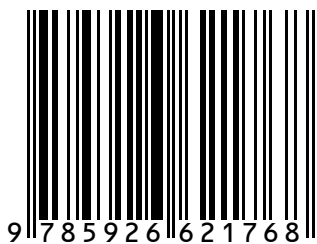
Пилясова Анна Викторовна
Лобыкина Ольга Васильевна
Чекалова Алина Саркисовна

РИТОРИКА

Учебное пособие

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-2176-8

Подписано в печать 13.02.2025. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 10,8. Тираж 70 экз. Заказ 327.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.